

XVδ
970

ЗУБРЪ.

—

МОНОГРАФІЯ,

СОСТАВЛЕННАЯ

С. Усовымъ.

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи (Катковъ и К°).
На Страстномъ бульварѣ.

1865.

И.В. № 32797

I.

Систематическіе признаки рода Bison.

Въ животныхъ полорогихъ т. е. въ группѣ, которую систематики считаютъ семействомъ, хотя по значенію своему, и по многочисленности родовъ, въ свою очередь соединяющихся въ систематическія группы, это семейство заслуживаетъ названія подотряда (subordo), въ животныхъ полорогихъ находятся четыре главныя группы (subfamiliae), именно: Antilopidae, Caprinae, Ovisae и Bovidae. Последняя группа весьма характерна и резко отличается отъ другихъ группъ такъ, что переходовъ между ею и другими Caviornia вовсе нѣтъ, ибо пахучій быкъ (Ovibos moschatus) напоминаетъ только весьма слабо овецъ. Subfamilia Bovidae вполне совпадаетъ съ родомъ Bos L. или еще раньше, съ Bovinum genus Райя. Такое постоянство группы въ системахъ указываетъ на ея естественность, и дѣйствительно, человекъ, даже вовсе неприготовленный, непременно отнесетъ къ быкамъ всѣхъ животныхъ, вошедшихъ на группу Bovidae. Европа насчитываетъ очень мало представителей этой группы именно, всего трехъ: домашній быкъ (Bos), буйволъ (Bubalus), зубръ (Bison). Животныя, принадлежащія къ этимъ тремъ группамъ, также отличаются между собой, хотя не весьма крупными, но за то весьма рѣзкими признаками, для которыхъ въ настоящее время нѣтъ переходовъ.

Доселѣ для характеристики главныхъ группъ млекопитающихъ зубы, т. е. ихъ форма и расположеніе, составляютъ главнѣйшій

признакъ, что зависить конечно не отъ важности этихъ органовъ, а отъ постоянного совпаденія уклоненій, замѣчаемыхъ въ зубахъ, съ уклоненіями въ другихъ, болѣе внутреннихъ, съ образомъ жизни связанныхъ и даже его обуславливающихъ, органахъ. Доселѣ преимущественно важную роль играла зубная формула, т. е. число и расположеніе зубовъ, и въ этомъ отношеніи зубная формула не только у всѣхъ полорогихъ, но и у большинства жвачныхъ весьма постоянна: $\frac{0}{8}$ рѣз. $\frac{0}{0}$ клык. $\frac{6}{6}$ кор. зуб. Но если обратить вниманіе на болѣе мелкіе признаки зубовъ, то найдемъ въ нихъ различій на столько, что этихъ различій достаточно для опредѣленія видовъ животныхъ по нѣсколькимъ кореннымъ зубамъ, что доказалъ Рютимейеръ въ своихъ изслѣдованіяхъ о животныхъ, современныхъ свайнымъ постройкамъ Швейцаріи. Особенно характеристична относительная длина всего ряда коренныхъ зубовъ, въ этомъ отношеніи у домашнихъ быковъ и *Bos primigenius*, *trochoceros*, *brachiceros* рядъ коренныхъ зубовъ гораздо длиннѣе, чѣмъ у буйволовъ, а длина ряда коренныхъ зубовъ у послѣднихъ больше чѣмъ у зубра. Такая длина ряда коренныхъ зубовъ пропорціональна длинѣ лобныхъ костей, ибо равняется, или почти равняется протяженію отъ основанія роговъ до края глазной орбиты. Если взять только домашнихъ быка и корову одной и той же породы, то мы замѣтимъ, что у коровы лобныя кости длиннѣе и уже чѣмъ у быка, и въ то же время, соотвѣтственно этому, весь рядъ коренныхъ зубовъ у быка нѣсколько короче, чѣмъ у коровы. Причинность такого совпаденія и зависимость этого явленія намъ вовсе неизвѣстны, но замѣченъ лишь фактъ, что въ subfamilia Bovidae длина ряда коренныхъ зубовъ прямо пропорціональна длинѣ лобныхъ костей и обратно пропорціональна ихъ ширинѣ.

Ширина и длина лобныхъ костей также находятся въ зависимости другъ отъ друга, что замѣчено было Кювье и подробно разобрано Боянусомъ и Мейеромъ, именно: чѣмъ длиннѣе лобныя

кости, тѣмъ онѣ относительно уже. Въ разбираемыхъ нами животныхъ у *Bos* лобныя кости въ длину больше, чѣмъ въ ширину (изо всѣхъ быковъ у *Bos indicus* самыя длинныя и самыя узкія лобныя кости), у *Bubalus* ширина лобныхъ костей почти равняется ихъ длинѣ, у *Bison* ширина лобныхъ костей болѣе, чѣмъ ихъ длина.

Съ относительною шириною и длиною лобныхъ костей находится въ постоянной связи и длина всей головы. Чѣмъ шире лобныя кости, чѣмъ онѣ короче, тѣмъ голова относительно также короче и на оборотъ. Это соотвѣтствіе длины головы съ шириною лобныхъ костей замѣчено не въ однихъ Bovidae, а и въ антилопахъ.

Предлагаемъ таблицу относительныхъ размѣровъ череповъ, представителей трехъ въ Европѣ живущихъ родовъ subfamiliae Bovidae. Размѣры въ доляхъ метра.

Видъ животного.	Кто дѣлалъ измѣренія.	ширина лба.			Длина лобныхъ костей отъ макушечнаго гребня до носовыхъ костей.
		Между рогами.	Во впадинѣ между орбитами и роговыми стержнями.	Между краями орбитъ.	
<i>Bison europaeus</i>	Кювье .	0,23	0,22	0,285	0,245
	—	0,28	0,27	0,34	0,297
	—	0,234	0,23	0,315	0,25
	Вольбортъ	0,245	0,245	0,32	0,215
	Мейеръ .	0,234	0,32	0,332	0,224
<i>Bison americanus</i>	Усовъ .	0,26	0,28	0,305	0,28
	Кювье .	0,26	0,25	0,315	0,24
<i>Bubalus vulgaris</i>	Усовъ .	0,235	0,23	0,255	0,255
<i>Bos domesticus</i>	Усовъ .	0,195	0,2	0,205	0,255

Съ шириною лобныхъ костей постоянно совпадаетъ и другой признакъ, а именно: мѣсто прикрѣпленія роговыхъ стержней. Чѣмъ лобныя кости длиннѣе, тѣмъ роговые стержни ближе находятся къ макушечному гребню и наоборотъ, чѣмъ первыя ши-

ре, тѣмъ роговые стержни далѣе отступаютъ напередъ отъ макушечнаго гребня. Такъ у *Bos* роговые стержни находятся прямо съ боковъ макушечнаго гребня, у *Bubalus* роговые стержни только передней окраиной своей отходятъ впередъ отъ сказанной линіи, у *Bison* роговые стержни уже помѣщены всею своею массою впереди макушечнаго гребня.

Отъ такого расположенія роговыхъ стержней въ прямой зависимости и, вѣроятно, въ причинной связи съ нѣмъ находится выпуклость лба у животныхъ и величина лобныхъ пазухъ.

Чѣмъ роговые стержни больше подаются впередъ, относительно макушечнаго гребня, слѣдовательно, чѣмъ лобныя кости шире относительно своей длины, тѣмъ лобныя кости выпуклѣе и тѣмъ лобныя пазухи глубже и короче. Такъ у *Bos* лобъ нѣсколько вдавленъ, имѣетъ по срединѣ небольшую ложбину и лобныя пазухи сравнительно малы. У *Bubalus* лобъ уже не имѣетъ сказанной ложбины и пазухи нѣсколько глубже, у *Bison*, наоборотъ, лобъ очень выпуклъ, лобныя кости весьма толсты и лобныя пазухи весьма обширны.

Домашній буйволъ составляетъ исключеніе изъ этого общаго правила. У всѣхъ видовъ рода *Bubalus*, кромѣ *Bubalus vulgaris*, лобъ плоскій, но у домашняго буйвола и пазухи огромны и лобъ очень выпуклъ, къ этому вопросу мы воротимся въ послѣдствіи.

Самая форма роговъ, хотя по видимому весьма измѣнчивая въ *subfamilia Bovideae*, по крайней мѣрѣ форма роговъ *Bos* и *Bison* (о *Bubalus* не говорю, ибо форма роговъ совершенно особенная) до извѣстной степени зависитъ отъ мѣста и прикрѣпленія роговыхъ стержней, т. е. рога имѣютъ различные изгибы; такъ у зубра изгибъ впередъ и книзу начинается гораздо ранѣе, нежели у *Bos*.

Съ выпуклостію и шириною лба еще находится въ связи форма глазной орбиты (обочіе, по выраженію русскихъ мясниковъ).

Чѣмъ шире лобныя кости, чѣмъ онѣ короче, чѣмъ лобъ выпуклѣе, тѣмъ край орбиты далѣе выступаетъ впередъ, и тѣмъ образуетъ она болѣе выступающую втулку. У *Bos* край орбиты почти не выступаетъ наружу, у *Bubalus* трубка орбиты уже значительно велика, у *Bison* такая трубка такъ велика, что глазъ уже не можетъ, вслѣдствіе движенія мышцъ, направляться впередъ, и животному возможно лишь зрѣніе боковое. Американскій бизонъ и гауръ составляютъ исключенія: у перваго, не смотря на ширину и выпуклость лба, орбита не образуетъ значительной втулки. У гаура, хотя лобъ сравнительно уже, втулки орбиты велики, что здѣсь совпадаетъ съ большой впадиной лба.

Есть и другіе признаки, значительно отличающіе группы животныхъ *Bos*, *Bubalus* и *Bison*, именно количество спинныхъ позвонковъ, носящихъ ребра. Такъ у *Bos* и *Bubalus* по тринадцать паръ реберъ, у зубра четырнадцать, у американскаго бизона пятнадцать. На первый взглядъ этотъ признакъ можетъ показаться имѣющимъ громадное значеніе, но послѣ того какъ Оуэнъ съ одной стороны (архетипъ) доказалъ способность каждаго спиннаго позвонка имѣть ребра, такъ что доказана возможность существованія спинныхъ позвонковъ и безъ реберъ, что зависитъ отъ прошедшей остановки въ развитіи, гдѣ присутствіе кости замѣнилось присутствіемъ лишь апоневрозы, а съ другой стороны Гибель замѣтилъ противоположность или вѣрнѣе различіе спинныхъ позвонковъ отъ поясничныхъ, не въ прикрѣпленіи къ нимъ реберъ, а въ самой формѣ мозговаго канала; мы находимся въ полномъ правѣ считать, по крайней мѣрѣ въ данномъ случаѣ, число реберъ признакомъ второстепеннымъ, ибо у *Bos*, *Bubalus* и *Bison* число спинныхъ позвонковъ одинаково, т. е. ихъ пятнадцать.

Впрочемъ, кажется, что у *Bison* число паръ реберъ измѣнчиво. Предлагаемъ таблицу числа позвонковъ.

Видъ животного.	По чьимъ наблюденіямъ.	Число спинныхъ позвонковъ.	Поперечныхъ.	Крестцовыхъ.	Хвостовыхъ.	Всего.
Bison europaeus	Мейеръ.	13	5	5	16	46
— —	Боянусъ.	14	5	5	18	49
— —	Боянусъ.	13	5	5	18	48
— —	Добантонъ.	14	5	?	18	?
— —	Трошель.	14	5	6	14	46
— —	Усовъ . . .	14	5	5	18	49
— —	Усовъ . . .	14	5	5	17	48
Bison americanus	Кювье . . .	15	4	?	?	?
Bubalus vulgaris	Кювье . . .	13	6	5	18	49
— —	Усовъ . . .	13	6	5	16	47
Bos taurus. . . .	Вагнеръ . .	13	6	4	14	44
— — . . .	Кювье . . .	13	6	4	18	48
— — . . .	Добантонъ	13	6	5	13	44
— — . . .	Усовъ . . .	13	6	5	16	47

Въ этой таблицѣ спинными позвонками названы тѣ, которые имѣютъ ребра.

Чѣмъ болѣе реберъ, тѣмъ сильнѣе развиты у животныхъ поперечные отростки спинныхъ позвонковъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и сильнѣе развиты спинные отростки тѣхъ же позвонковъ.

Вслѣдствіе этого у Bison спинные отростки развиты чрезвычайно сильно. Отсюда и наружная горбатость животныхъ этой группы. Горбы у Зебу иного свойства это лишь мясистые (не жировые какъ утверждаютъ нѣкоторые писатели, въ томъ числѣ Фандеръ-Гувешъ) наросты безъ всякой внутренней костной поддержки.

Наконецъ, у сказанныхъ животныхъ по двѣ млekoотдѣлительныхъ железы, соединенныхъ въ одномъ влагалищѣ, вымени; и у всѣхъ этихъ животныхъ по четыре сосца. Но послѣдніе иначе располагаются. У Bos и Bison сосцы стоятъ попарно, въ двухъ параллельныхъ рядахъ, у Bubalus сосцы расположены въ одинъ поперечный рядъ.

Такъ вообще выражаются систематики, хотя это выраженіе не совсѣмъ точно. Еще Добантонъ описалъ эти органы у буйвола самца; на приложенномъ рисункѣ сосцы дѣйствительно расположены въ одинъ поперечный рядъ, тоже говоритъ и Палласъ о сосцахъ самца. Годзонъ первый замѣтилъ, что у самки яка сосцы расположены въ видѣ трапеціи. Руленъ замѣтилъ такое же расположение сосцовъ у самокъ домашнего буйвола и Bos brachiceros. У двухъ буйволицъ зоологическаго сада сосцы также расположены въ видѣ трапеціи. Слѣдовательно относительно этого признака должно было бы выразиться такъ: въ проложеніи на плоскость у Bos и Bison сосцы соответствуютъ четыремъ вершинамъ квадрата, у Bubalus — четыремъ вершинамъ трапеціи, обращенной длинной параллельной стороной впереди, у самокъ длинная сторона приблизительно втрое болѣе короткой параллельной стороны, у самокъ первая на столько длиннѣе послѣдней, что сосцы кажутся расположенными въ одинъ поперечный рядъ.

Мы перечислили почти всѣ анатомическія отличія Bos, Bubalus и Bison, вѣроятно много и другихъ анатомическихъ признаковъ, которые могли бы служить помощію для систематиковъ, но свѣдѣнія наши въ этомъ отношеніи слишкомъ ограничены, ибо мы имѣемъ всего двѣ анатоміи зубра, ни одной сколько-нибудь полной американскаго бизона, ни одной подробной буйвола и вовсе не существуетъ сравнительной анатоміи различныхъ породъ рогатаго скота, ибо всѣ таковыя имѣли въ виду одну ветеринарную, а не зоологическую цѣль, слѣдовательно они всѣ не имѣютъ никакого отношенія къ породамъ, хотя бы главнѣйшимъ. Одинъ лишь черепъ этихъ животныхъ, благодаря Кювье, Боянусу, Оуэну и нѣкоторымъ другимъ, разобранъ подробно.

Впрочемъ сказаннаго почти достаточно для раздѣленія Bovidae на три рода, именно: Bos, Bubalus и Bison.

Развѣ прибавить должно нѣсколько словъ о накожныхъ покровахъ: у Bos вся шерсть одного свойства, довольно грубая, безъ признака подпуши и волосъ удлиняется лишь на лбу и хвосте-

вой кисти, у *Bubalus* точно также, хотя у некоторых видов (*Bubalus Caffer*) есть уже подушь, распределенная равномерно по всей кожѣ. У *Bison* шерсть двухъ родовъ, мягкая, прилегающая, не курчавая, покрывающая всю заднюю часть тѣла, конечности, голову, за исключеніемъ лба, грудь и брюхо, и жесткую, курчавую, длинную, покрывающую лобъ (челка), часть шеи, спины и лопатки (грива), подбородокъ и часть грудины (борода) и конецъ хвоста (хвостовая кисть).

Сопоставляя данные признаки, мы уже имѣемъ возможность раздѣлить и характеризовать три европейскихъ рода *subfamiliae Bovideae*.

Такое сопоставленіе этихъ трехъ европейскихъ родовъ впервые было сдѣлано Кювье. Великій ученый, сравнивая эти роды въ статьѣ «Зебу» описанія звѣряца парижскаго зоологическаго сада (*Ménagerie du Muséum d'histoire naturelle*) говоритъ: «лобъ быка плосокъ и даже нѣсколько вогнутъ; лобъ зубра выпуклъ хотя менѣе, чѣмъ у буйвола; этотъ самый лобъ у быка квадратенъ, высота его почти равна ширинѣ, принимая за основаніе разстояніе между орбитами; при такомъ же измѣреніи лобъ зубра въ длину больше нежели въ ширину; эти размѣры относятся какъ 2 : 3. Рога у быка прикрѣплены къ концамъ выдающейся самой высокой линіи на головѣ, именно линіи, отдѣляющей затылочную кость отъ лобной; у зубра эта линія находится на 2 дюйма назадъ отъ корней роговъ. Плоскость затылка съ плоскостію лба образуютъ острый уголъ у быка. Этотъ уголъ тупой у зубра. Наконецъ плоскость затылочной кости у быка имѣетъ четырехугольную форму, у зубра полудлунную.»

Изъ поименованнаго сочиненія все это мѣсто перешло цѣлкомъ въ изслѣдованія Кювье объ ископаемыхъ костяхъ (*Recherches sur les ossemens fossiles*). Въ последнемъ сочиненіи Кювье даетъ довольно подробное описаніе остеологическихъ признаковъ головы буйвола. Вотъ оно: «лобъ буйвола имѣетъ въ высоту такіе же размѣры какъ и въ ширину, какъ лобъ зубра,

онъ со всѣхъ сторонъ одинаково выпуклъ и чрезвычайно толстъ. Рога какъ у быковъ прикрѣплены съ двухъ концовъ макушечнаго гребня; но затылокъ не образуетъ со лбомъ остраго угла. Рога загнуты въ видѣ полумѣсяца и сплющены спереди къзади. Верхній край притупленъ, нижній плосокъ и соединяется съ двумя остальными сторонами посредствомъ угловъ. Эта форма роговъ остается и въ формѣ роговыхъ стержней.»

Далѣе Кювье говоритъ, что «признаки, взятые отъ формы черепа, въ особенности отъ формы лба, у буйвола также постоянны какъ у быка; эти признаки постоянны даже въ видахъ безрогихъ.»

Не смотря на великій авторитетъ Кювье, въ описаніяхъ этихъ остеологическихъ признаковъ, вкрапль неточности и даже ошибки. Такъ въ первой выпискѣ мы видимъ, что длина лба у зубра относится къ его ширинѣ какъ 3 : 2, а во второй выпискѣ видимъ, что лобъ зубра въ ширину и высоту имѣетъ одинаковые размѣры. Здѣсь явная ошибка. Далѣе говорится, что лобъ у зубра менѣе выпуклъ чѣмъ у буйвола; это также не совѣмъ вѣрно. Правда, у буйвола выпуклость идетъ гораздо равномернѣе со всѣхъ сторонъ, тогда какъ у зубра лобъ по линіи, соединяющей края орбитъ, далеко не такъ выпуклъ, чѣмъ въ другихъ направленіяхъ. Наконецъ намъ кажется, что не слѣдуетъ брать размѣры ширины лба по линіи, соединяющей орбиты, ибо эта линія чрезвычайно измѣнчива по возрастамъ и полу. Глазныя втулки, которыхъ нѣтъ или очень малы у быковъ, весьма сильно развиты у буйволовъ и у зубровъ; у послѣднихъ больше чѣмъ у первыхъ, у самцовъ сильнѣе чѣмъ у самокъ, также какъ у старыхъ сравнительно съ молодыми. Притомъ эти втулки у зубровъ несравненно толще чѣмъ у буйволовъ — обстоятельство, которое на первый взглядъ уменьшаетъ выпуклость лба у зубровъ.

Сравнивая черепа зубра и буйвола въ кабинетѣ сравнительной анатоміи Московскаго Университета я убѣдился, что у буйвола выпуклость лба въ поперечномъ протяженіи болѣе выпуклости лба зубра, но въ продольномъ протяженіи наоборотъ, лобъ зубра вы-

пуклье лба буйвола; я уже говорилъ, что лобъ выпукль у одного домашнего буйвола, у прочихъ представителей рода *Bubalus* лобъ плоскій.

Что же касается двуграннаго угла, образуемаго плоскостію затылочной кости съ плоскостію кости лобной, то измѣренія его представляютъ значительныя трудности, зависящія оттого, что во-первыхъ, эти кости не представляютъ собственно плоскостей. а поверхности болѣе или менѣ кривыя; во-вторыхъ, вершину такого угла составляетъ макушечный гребень, а послѣдній весьма измѣчивъ въ родѣ *Bos* по возрасту. Въ томъ же родѣ макушечный гребень достигаетъ значительной величины и образуетъ валикъ. Напротивъ, у зубровъ онъ во всея возрасты малъ и валика почти ни образуетъ. Впрочемъ дѣйствительно на черепахъ, находящихся въ кабинетѣ сравнительной анатоміи Московскаго университета у зубра уголъ, образуемый лобною костью съ затылочной, наибольшій, у быка наименьшій. Если взять домашнихъ быковъ нѣсколькихъ породъ, то мы замѣтимъ весьма значительныя разницы въ величинѣ этого угла.

Къ вышепоказаннымъ отличительнымъ признакамъ Кювье прибавилъ по Жилиберту (*Opuscula ptytologico-zoologica prima*) и по Добантону еще слѣдующихъ два отличительныхъ отъ рода *Bos* признака зубра, именно: 14 паръ реберъ, болѣе тонкія и длинныя голени и синеватый языкъ.

Велѣдъ за Кювье всея натуралисты до сихъ поръ почти безъ перемѣнъ переписываютъ у него родовые признаки родовъ *Bison*, *Bubalus* и *Bos*.

Въ 1825 году Александръ Вольбортъ представилъ въ Берлинскій университетъ докторскую диссертацию *De Bovus igo, agni et Caffo*, въ этой диссертации Вольбортъ далъ подробнѣйшія измѣренія трехъ череповъ: зубра, буйвола арии и кафрскаго буйвола. Измѣренія этихъ череповъ подтверждаютъ вполне признаки, выраженные Кювье, кромѣ выпуклости черека. Такъ по этимъ измѣреніямъ въ черепѣ зубра ширина лба по линіи орбитъ $12\frac{1}{2}$ дюйм.,

по линіи проходящей между основаніями роговъ и глазными втулками всего $9\frac{1}{2}$ дюймовъ, тогда какъ у кафрскаго буйвола ширина лба по линіи орбитъ $10\frac{1}{2}$, а по линіи средней 10 дюймовъ. Изъ этихъ цифръ ясно можно видѣть какая громадная разница въ измѣреніяхъ ширины лба по разнымъ направленіямъ. Вольбортъ прямо по Кювье приводитъ отличіе черепа зубра отъ черепа быка, прибавляетъ только одинъ признакъ для зубра, заимствованный изъ описанія Жилиберта, это именно мускусовый запахъ издаваемый зубрами. Изъ измѣреній черепа кафрскаго буйвола впрочемъ выходитъ, что лобныя кости его въ средней линіи, проходящей между роговыми стержнями и глазными орбитами, ширѣ чѣмъ у зубра. Вотъ числовыя данныя:

	Зубръ.	Арии.	Кафрскій быкъ.
Ширина лба по линіи орбитъ	$12\frac{1}{2}$	$9\frac{2}{3}$	$10\frac{1}{2}$ дюймовъ.
Ширина по средней линіи	$9\frac{1}{2}$	$9\frac{1}{2}$	10 —
Длина лба	$8\frac{1}{2}$	$9\frac{1}{2}$	$8\frac{3}{4}$ —

Впрочемъ черепъ кафрскаго буйвола могъ ввести въ ошибку наблюдателя тѣмъ, что очевидно онъ принадлежалъ экземпляру очень молодому, вследствие чего глазныя втулки весьма не развиты, что можно видѣть изъ разности между размѣрами ширины лба по линіи орбитъ и средней линіи, а также громадные рога кафрскаго быка нѣсколько увеличиваютъ своими стержнями ширину лба. Сопоставленіе размѣровъ доказываетъ впрочемъ, что отношеніе ширины къ длинѣ лба, какъ признаки остеологическіе, весьма непостоянны, если брать всея виды этихъ трехъ родовъ, хотя они вѣрны и постоянны, если будемъ брать виды, только въ Европѣ живущіе.

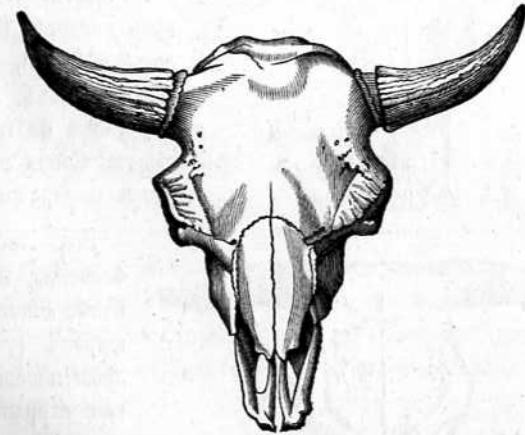
Въ 1835 году вышло знаменитое сочиненіе Германа фонъ-Мейера объ ископаемыхъ быкахъ (*Ueber fossile Reste von Ochsen*), здѣсь остеологическіе признаки бизоповъ и быковъ нѣсколько не измѣнены сравнительно съ признаками, данными Кювье, такъ что, не смотря на отсутствіе цитаты, можно считать это мѣсто въ со-

чиненіи Мейера за полѣтѣишую выписку изъ Кювье. Это сочиненіе замѣчательно относительно признаковъ данныхъ родовъ тѣмъ, что въ немъ введены два размѣра, а именно: ширина лба по линіи надъ глазами втулками по координатѣ и также ширина лба, измѣренная по кривизнамъ, что даетъ въ разности измѣреніе выпуклости лба. Правда, что такое данное существуетъ лишь у Мейера для одного черепа зубра и для нѣсколькихъ череповъ *Bos priscus*.

Въ статьѣ Воецѣ естественнo-историческаго словаря Орбиньи Руленъ вновь пересматриваетъ родовые признаки семейства *Bovidae*, придерживаясь Кювье, но находитъ однако, что лобъ бизоновъ очень выпуклъ и притомъ преимущественно выпуклъ не вслѣдствіе вздутія средней части лба, а вслѣдствіе загибанія назадъ верхней его части, тогда какъ у домашняго буйвола лобъ выпуклъ только по серединѣ. Руленъ же замѣтилъ первый, что выпуклость лба буйвола, принимавшіяся до того за родовой признакъ рода *Bubalus*, имѣетъ только значеніе признака видоваго, отличающаго черепъ домашняго, обыкновеннаго буйвола отъ всѣхъ другихъ видовъ рода *Bubalus*. Тотъ же писатель указалъ весьма справедливо на значеніе макушечнаго гребня въ измѣненіяхъ угла, образуемаго плоскостями лобной и затылочной кости. Вообще Руленъ отвергаетъ возможность придавать значеніе родовыхъ признаковъ различнымъ выпуклостямъ лба въ семействѣ *Bovidae*, замѣчая что такіа выпуклости весьма сильно измѣняются по возрастамъ, и притомъ часто въ направленіи обратномъ чѣмъ у другихъ млекопитающихъ, гдѣ вообще у молодыхъ лобъ выпуклѣе чѣмъ у старыхъ. Последнее положеніе Рулена весьма легко объясняется тѣмъ, что у молодыхъ млекопитающихъ вообще выпуклость лба соответствуетъ выпуклости мозга, тогда какъ у старыхъ эта выпуклость соответствуетъ лишь величинѣ лобныхъ пазухъ и толщинѣ лобной кости. Такъ у старыхъ домашнихъ буйволовъ выпуклость лба вовсе не соответствуетъ величинѣ мозга.

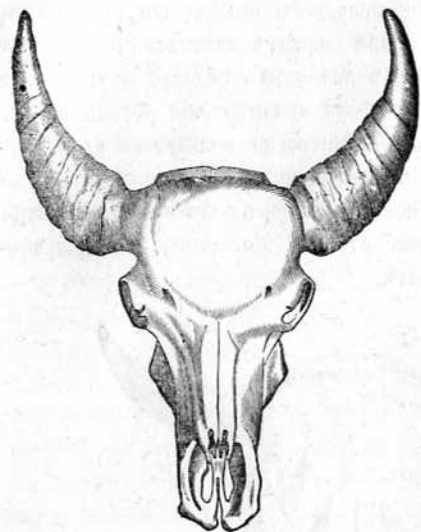
Изъ приведенныхъ мнѣніи писателей видно, что только одинъ признакъ въ семействѣ *Bovidae* можетъ считаться постояннымъ родовымъ признакомъ, годнымъ для всѣхъ видовъ, входящихъ въ составъ каждаго рода, — это мѣсто прикрѣпленія роговъ и форма послѣднихъ. Палеонтологъ дѣйствительно пользуется этимъ признакомъ. Всѣ другіе признаки подвержены варіаціямъ.

Однако же мы считаемъ полезнымъ повторить главные признаки родовъ, и такъ какъ это уже сдѣлано Мейеромъ и Блазіусомъ, то заимствуемъ прямо у нихъ.

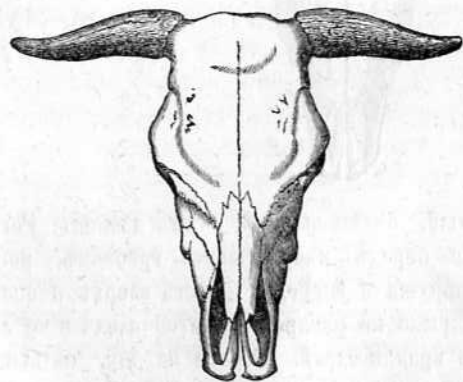

Bison. Лобъ выпуклый, болѣе широкъ, чѣмъ длиненъ. Роговые стержни находятся передъ макушечнымъ гребнемъ, рога круглые, изгибаются кнаружи и впередъ, потомъ вверхъ и опять другъ къ другу. Голое рыло не распространяется кзади и не достигаешь даже задняго края ноздрей. Волоса на лбу, затылкѣ, подбородкѣ и груди длинны и курчавы. Сосца четыре, въ два ряда. Отвислой грудины нѣтъ.

Bubalus. Лобъ плоскій, кромѣ домашняго буйвола, длина лобныхъ костей почти равна ширинѣ ихъ (у Блазіуса лобъ выпуклый, немногимъ шире своей длины. У Мейера лобъ очень выпуклъ).

Роговые стержни по сторонамъ макушечнаго гребня, который стоитъ впереди затылочнаго шва. Рога отчасти сплющены и вообще загибаются назадъ, въ серединѣ загибаются кверху, а концы кпереди и наружи, голое рыло достигаетъ задняго края поздрей. На лбу волосы курчавы, на остальныхъ частяхъ тѣла они коротки и плотно прилегаютъ. Сосца четыре, въ одинъ поперечный рядъ.

Vos. Лобъ съ небольшою ложбиной, болѣе дшипенъ, чѣмъ широкъ (у Блазіуса лобъ плоскій) роговые стержни по сторонамъ макушечнаго гребня, рога круглые, отъ корня кнаружи и впередъ, концами загибаются вверхъ и кзади. Голое рыло достигаетъ

задняго края поздрей. Волосы на лбу немного курчавы, на остальныхъ частяхъ тѣла равномерно коротки и плотно прилегаютъ (по Блазіусу волосы на лбу и всею тѣлѣ коротки и плотно прилегаютъ). Сосца четыре, въ два ряда.

Между родами *Bison*, *Bubalus* и *Vos* нѣтъ переходовъ, по крайней мѣрѣ такіе переходы еще неизвѣстны; слѣдовательно мы въ полномъ правѣ считать эти группы животныхъ за роды естественные.

Къ первому роду, т. е. къ роду *Bison* изъ европейскихъ животныхъ относится лишь одинъ видъ — зубръ, *Bison europaicus* Оуэна, Рютимейера, *Vos bison* Линнея, Вагнера, Блазіуса, *Vos irus auctorum* (неправильно), *Vos bonasus* Линнея. Къ тому же роду изъ животныхъ не европейскихъ относится еще одинъ видъ, именно американскій бизонъ — *Bison americanus* Оуэна, *Vos americanus* L. et auctorum.

Только эти два животныя соединяютъ въ себѣ признаки родоваго типа *Bison*. Еще доселѣ вопросъ спорный, составляетъ ли американскій бизонъ отдѣльный самостоятельный видъ отъ зубра, или эти животныя суть только климатическія разновидности. Болѣе подробному разбору этого вопроса мы посвятимъ въ послѣдствіи нѣсколько словъ, но теперь примемъ этотъ вопросъ за рѣшенный и укажемъ только на отличія этихъ двухъ видовъ, замѣтивъ, однакоже, что хотя отличія между ними маловажны, однакоже переходы неизвѣстны.

Американскій бизонъ главнымъ образомъ отличается отъ зубровъ еще болѣе широкимъ лбомъ, еще болѣе кпереди поставленными роговыми стержнями, болѣе короткими конечностями, менѣе развитымъ задомъ. Крестецъ меньше и слабѣе. Рога американскаго бизона гораздо короче зубринныхъ, шерсть на переднихъ частяхъ тѣла, туловища и на лбу длиннѣе и гуще, тогда какъ на задней части тѣла шерсть коротка, какъ бы бархатиста. Реберъ пятнадцать паръ (у зубра четырнадцать). Мягкія части американскаго бизона неизвѣстны.

С. Усовъ. *Зубръ.*

И-8 № 32797

II.

Наружность зубра и его современное географическое распространение.

Зубр обыкновенно гораздо больше всех главных пород рогатого скота, и хотя по общим очертаниям он напоминает вообще быков, но при самом поверхностном взгляде уже замечается много отличий.

О формѣ лба и роговъ уже было говорено. Рыло зубра довольно велико, но обнаженная его часть сравнительно гораздо меньше чѣмъ у быковъ, ибо только середина верхней губы и передняя оканна ноздрей совершенно голы. Ноздри имѣютъ овальную, вытянутую въ длину форму, положеніе ихъ значительно боковое. Глаза средней величины, сравнительно меньше чѣмъ у быковъ, но выпуклы и очень подвижны, хотя, вслѣдствіе формы глазныхъ орбитъ, зрѣніе почти исключительно боковое. Зрачекъ вертикально продолговатый, въ серединѣ суженный. Уши коротки, немного менѣе третьей части длины всей головы. Слѣдовательно по относительнымъ размѣрамъ такія же, какъ у нѣкоторыхъ породъ домашняго рогатого скота; но у зубра голова сравнительно короче бычачьей, поэтому и абсолютные размѣры ушей зубра меньше размѣровъ ушей быковъ. Обыкновенно уши зубровъ подняты, внутри и снаружи особенно по краю они покрыты густою шерстью. Ротъ не великъ, губы сравнительно съ бычачьими тонки и съ внутренней стороны также какъ и щеки покрыты кожей, какъ бы остроконечными выростами. (Признакъ общій почти всемъ жвачнымъ). Языкъ аспидно-темнобурого цвѣта, покрытъ папиллами значительной величины. Эти папиллы гораздо значительнѣе, чѣмъ папиллы на языкѣ быковъ (особенность, замеченная еще Опціаномъ De venatione 2, v. 159 seqq.). Формула зубовъ общая съ большинствомъ жвачныхъ. Рѣзцы въ видѣ нѣсколько изогнутыхъ долотъ. Возрастъ зубровъ по формѣ рѣзцовъ узнавать не трудно, хотя годовые признаки зубовъ еще не при-

ведены въ систему. Стираніе эмали на рѣзцахъ начинается съ среднихъ (они шире другихъ) и постепенно стирается верхній острый край и узкая крона ихъ представляетъ значительное углубленіе, причемъ только передній край остается острымъ. Къ 7-ми лѣтнему возрасту уже все передніе рѣзцы имѣютъ сказанное углубленіе, а въ среднихъ рѣзцахъ замѣчается измѣненіе въ ширинѣ, т. е. они относительно своей длины менѣе широки. Дальнѣйшій возрастъ по зубамъ можно узнавать по уменьшенію длины зубовъ и ширины верхняго ихъ края. У старыхъ зубровъ рѣзцы стираются на столько, что лишь едва выступаютъ изъ десенъ въ видѣ колышковъ. Коренные зубы идутъ, увеличиваясь отъ переднихъ къ заднимъ, такъ что послѣдній коренной по крайней мѣрѣ втрое болѣе перваго. Поверхность кроны, какъ вообще у травоядныхъ, неровная, съ углубленіями между складками. Складки не выступаютъ наружу. Положеніе и искривленіе роговъ уже описано, сравнительно рога зубра не велики. Они всегда чернаго цвѣта, на всемъ протяженіи своемъ въ разрѣзѣ круглы и вовсе несплющены. Годичные рубцы ясны и находятся только на основной половинѣ роговъ, конецъ роговъ совершенно гладокъ. Шея относительно коротка и очень толста, безъ малѣйшаго признака обыкновенной у домашнихъ породъ рогатого скота отвислой грудины. Въ туловищѣ замѣтна непропорціональность; передъ развитъ несравненно сильнѣе зада, и въ этомъ отношеніи зубра можно сравнить со львомъ. У телятъ непропорціональность эта менѣе замѣтна. У самокъ точно также — она слабѣе, чѣмъ у самцовъ. Это несоотвѣтствіе зада съ передомъ зависитъ преимущественно отъ громаднаго развитія спинныхъ отростковъ. Вслѣдствіе чего голова у зубровъ всегда наклонена къ низу и ниже спины, которая выдается горбомъ. Кости конечностей по своей скульптурѣ, какъ замѣтилъ Рютимейеръ, гораздо тоньше и ижибѣ костей конечностей домашнихъ быковъ. Зубръ не очень высокъ на ногахъ, копыта велики, широки, но не высоки, выпуклы. Ложные копыта помѣщены поперекъ; хвостъ недлиненъ и достигаетъ безъ

II.

Наружность зубра и его современное географическое распространение.

Зубрь обыкновенно гораздо больше всех главных пород рогатого скота, и хотя по общим очертаниям он напоминает вообще быковъ, но при самомъ поверхностномъ взглядѣ уже замѣчается много отличій.

О формѣ лба и роговъ уже было говорено. Рыло зубра довольно велико, но обнаженная его часть сравнительно гораздо меньше чѣмъ у быковъ, ибо только середина верхней губы и передняя оканна ноздрей совершенно голы. Ноздри имѣютъ овальную, вытянутую въ длину форму, положеніе ихъ значительно боковое. Глаза средней величины, сравнительно меньше чѣмъ у быковъ, но выпуклы и очень подвижны, хотя, вследствие формы глазныхъ орбитъ, зрѣніе почти исключительно боковое. Зрачекъ вертикально продолговатый, въ серединѣ суженный. Уши коротки, немного меньше третьей части длины всей головы. Следовательно по относительнымъ размѣрамъ такія же, какъ у некоторыхъ породъ домашняго рогатого скота; но у зубра голова сравнительно короче бычачьей, поэтому и абсолютные размѣры ушей зубра меньше размѣровъ ушей быковъ. Обыкновенно уши зубровъ подняты, внутри и снаружи особенно по краю они покрыты густою шерстью. Ротъ не великъ, губы сравнительно съ бычачьими тонки и съ внутренней стороны также какъ и щеки покрыты кожей, какъ бы остроконечными выростами. (Признакъ общій почти всемъ жвачнымъ). Языкъ аспидно-темнобурого цвѣта, покрытъ папиллами значительной величины. Эти папиллы гораздо значительнѣе, чѣмъ папиллы на языкѣ быковъ (особенность, замѣченная еще Опціаномъ De venatione 2, v. 159 seqq.). Формула зубовъ общая съ большинствомъ жвачныхъ. Рѣзцы въ видѣ нѣсколько изогнутыхъ долотъ. Возрастъ зубровъ по формѣ рѣзцовъ узнавать не трудно, хотя годовые признаки зубовъ еще не при-

ведены въ систему. Стираніе эмали на рѣзцахъ начинается съ среднихъ (они шире другихъ) и постепенно стирается верхній острый край и узкая крона ихъ представляетъ значительное углубленіе, причемъ только передній край остается острымъ. Къ 7-ми лѣтнему возрасту уже все передніе рѣзцы имѣютъ сказанное углубленіе, а въ среднихъ рѣзцахъ замѣчается измѣненіе въ ширинѣ, т.-е. они относительно своей длины менѣе широки. Дальнѣйшій возрастъ по зубамъ можно узнавать по уменьшенію длины зубовъ и ширины верхняго ихъ края. У старыхъ зубровъ рѣзцы стираются на столько, что лишь едва выступаютъ изъ десенъ въ видѣ колышковъ. Коренные зубы идутъ, увеличиваясь отъ переднихъ къ заднимъ, такъ что послѣдній коренной по крайней мѣрѣ втрое болѣе перваго. Поверхность кроны, какъ вообще у травоядныхъ, неровная, съ углубленіями между складками. Складки не выступаютъ наружу. Положеніе и искривленіе роговъ уже описано, сравнительно рога зубра не велики. Они всегда чернаго цвѣта, на всемъ протяженіи своемъ въ разрѣзѣ круглы и вовсе несплющены. Годичные рубцы ясны и находятся только на основной половинѣ роговъ, конецъ роговъ совершенно гладокъ. Шея относительно коротка и очень толста, безъ малѣйшаго признака обыкновенной у домашнихъ породъ рогатого скота отвислой грудины. Въ туловищѣ замѣтна непропорціональность; передъ развитъ несравненно сильнѣе зада, и въ этомъ отношеніи зубра можно сравнить со львомъ. У телятъ непропорціональность эта менѣе замѣтна. У самокъ точно также — она слабѣе, чѣмъ у самцовъ. Это несоотвѣтствіе зада съ передомъ зависитъ преимущественно отъ громаднаго развитія спинныхъ отростковъ. Вследствіе чего голова у зубровъ всегда наклонена къ низу и ниже спины, которая выдается горбомъ. Кости конечностей по своей скульптурѣ, какъ замѣтилъ Рютимейеръ, гораздо тоньше и иѣжѣе костей конечностей домашнихъ быковъ. Зубрь не очень высокъ на ногахъ, копыта велики, широки, но не высоки, выпуклы. Ложные копыта помѣщены поперекъ; хвостъ недлинный и достигаетъ безъ

кисти половины пяточной кости. Вымя у самокъ мало и почти все покрыто шерстью.

Предлагаемъ размѣры зубровъ; размѣры взяты у Блазиса, Брикена, Вильде (бывшаго прозекторомъ С.-П. Академіи) и наконецъ съ московской чучелы.

	Вильде.	Москов-скій.	по Блазису.		Брикенъ.
Длина всего тѣла.	40' 3"	9' 4" 5"	8' 6"	10'	9' 6"
Длина головы.	1' 10"	1' 10"	1' 8"	1' 10"	1' 9"
Высота спереди.	6'	5' 8"	5'	6'	5' 1"
— сзади.	?	5' 3"	4' 8"	5' 6"	4' 3"
Длина уха.	?	7"	5"	5' 6"	6", 4
Длина хвоста.	2'	2' 4"	1' 11"	2'	2' 8" съ кистью
Длина хвостовой кисти.	1' 4"	1' 1"	1' 2"	1' 4"	—
Разстояніе ро- говъ у осно- ваша.	?	1' 2" 6"	9"	9" 6"	—
Разстояніе ро- говъ у кон- цовъ.	?	1' 8"	1' 4"	1' 2"	1' 7"

В ѣ с ъ.

По Брикену 29 пудовъ 30 фунтовъ.

По Фицингеру 30 — — —

По возрастамъ и по временамъ года шерсть мѣняется какъ по длинѣ, такъ и по цвѣту своему, но во всѣхъ возрастахъ и во всѣ времена года свойство самаго волоса не измѣняется, т.-е. постоянно существуетъ на конечностяхъ и задней части тѣла болѣе мягкій, короткій, не курчавый волосъ и болѣе длинный, жесткій и курчавый волосъ на остальныхъ частяхъ тѣла. У новорожденныхъ телятъ тамъ, гдѣ волосъ коротокъ, шерсть мягка и блѣдно буро-го цвѣта, гдѣ волосъ длиненъ, особенно на ще-

кахъ, бородѣ и хвостовой кисти, шерсть темнобурая. На первую зиму послѣ первой линьки шерсть вырастаетъ весьма обильно и однообразно изкрасна буро-го цвѣта, съ пепельнымъ налетомъ. У взрослыхъ особей вообще длинные волосы у старыхъ длиннѣе чѣмъ у молодыхъ и у самцовъ длиннѣе чѣмъ у самокъ. Этотъ обильный волосъ къ веснѣ выпадаетъ и лишь на лбу, затылкѣ и бородѣ остается клоками, гривы почти нѣтъ. При осенней линькѣ (въ сентябрѣ) грива вырастаетъ снова и шерсть вообще становится болѣе обильною и немного сваливается какъ бы въ войлокъ, вслѣдствіе чего принимаетъ болѣе матовый оттѣнокъ, тогда какъ лѣтняя шерсть гляциовита. Цвѣтъ зимней шерсти отличенъ отъ цвѣта шерсти лѣтней. Зимой коротковолосыя части тѣла темно-бураго цвѣта, шея и плечи значительно свѣтлѣе съ изсѣра-желтоватымъ налетомъ; конечности темно-бураго, почти чернаго цвѣта. Лѣтомъ цвѣтъ шерсти свѣтлѣе и впадаетъ въ желтовато-сѣрый тонъ. Борода, щеки и хвостовая кисть во всѣ времена года темно-бурая, почти черныя. Экземпляръ зубра, хранящійся въ музеѣ Московскаго университета, въ лѣтней шерсти особенно свѣтлаго оттѣнка, можетъ быть потому, что концы волосъ осѣклись, а подушь у зубровъ довольно свѣтла, изжелто-бураго цвѣта.

Самка отличается отъ самца одинаковаго возраста меньшимъ ростомъ, болѣе тонкими и болѣе гладкими рогами. Еще весьма замѣчательная особенность зубра состоитъ въ томъ, что лобъ и волосы лба издають очень сильный запахъ мускуса, зимой и вообще въ сырую и холодную погоду запахъ этотъ распространяется сильнѣе; уже на значительномъ разстояніи можно узнать зубра по запаху. Отъ убитаго пахнетъ еще сильнѣе. Причина этого запаха не изслѣдована.

Во всѣхъ сочиненіяхъ, посвященныхъ исторіи зубра, современныхъ намъ мѣстопребываній этого животнаго насчитывается два, именно: Бѣловѣжская пуца въ Пружанскомъ уѣздѣ Гродненской губерніи и Кавказъ. Что въ настоящее время живетъ зубръ въ

Бъловѣжской пущѣ—мы это знаемъ, но свѣдѣнія о кавказскихъ зубрахъ требуютъ болѣе подробной критической оцѣнки.

Знаменитый Паласъ въ архивахъ С.-Петербургской Академіи нашель двѣ замѣтки о существованіи зубровъ на Кавказѣ. Замѣтки эти никогда не были напечатаны вполне: одна изъ нихъ принадлежитъ Ловичу, другая Гильденштету. Академикъ Беръ рассказываетъ, что Ловичъ говоритъ объ кавказскихъ зубрахъ только по наслышкѣ, Гильденштетъ же судить о существованіи зубровъ на Кавказѣ по найденнымъ имъ въ пещерѣ вмѣстѣ съ черепами другихъ животныхъ и черепамъ зубровъ. Но во времена Гильденштета едва ли возможно было съ точностью опредѣлить по черепу видъ животнаго, а во вторыхъ если и дѣйствительно эти черепа принадлежали зубру, то это доказываетъ лишь, что зубръ жилъ когда-то на Кавказѣ, но вовсе не показываетъ, что зубръ былъ даже современенъ Гильденштету. Съ того времени долго не было никакихъ свѣдѣній о кавказскихъ зубрахъ, такъ что Боянусъ (*De uro nostrate. Nova acta acad. nat. cur. T. XIII. p. II. 1827*) призналъ баснословнымъ существованіе зубровъ въ Молдавіи и на Кавказѣ. «*Fabulosae sunt quae de Moldaviae et Caucasi Uro hodierno passim dicuntur.*» Въ 1835 году Эйхвальдъ напечаталъ, что Кавказцы, посѣтившіе зоологическій музей въ Вильнѣ, узнали въ зубрѣ животное кавказское, и зовутъ его на Кавказѣ домбей.

Въ 1836 году, командовавшій войсками на Кавказѣ, бр. Розенъ выслалъ въ даръ с.-петербургской академіи шкуру зубра, вслѣдствіе чего Беръ и другіе академики признали несомнѣннымъ существованіе зубра на Кавказѣ. Въ дополненіе къ этому Нордманъ въ январѣ 1838 года прислалъ въ академію замѣтку, въ которой говорится, что зубръ, хотя не встрѣчается вблизи военной кавказской дороги, но не составляетъ рѣдкаго явленія среди хребтовъ Кавказа; что еще съ 1836 года ему положительно извѣстно существованіе зубровъ въ значительномъ количествѣ на Кубани; что въ разныхъ мѣстностяхъ Кавказа онъ видѣлъ очень

много, обдѣланныхъ въ серебро и замѣняющихъ кубки, зубриныхъ роговъ. Всѣ эти рога были изъ Абхазіи; что когда онъ снова позднѣю осенью 1836 года опять возвратился въ Абхазію, то не далеко отъ Сухумъ-Кале князь Гассанъ-Бей получилъ извѣстіе, что, вслѣдствіе выпавшаго на горахъ снѣга, недавно показались зубры въ долинахъ племени Пееха; воспользоваться же экспедиціей въ эту страну Нордманъ не могъ, по причинѣ недостатка въ средствахъ. Добыть зубра брались за 150 руб. сер.

Далѣе Нордманъ говоритъ, что зубры кавказскіе живутъ на пространствѣ около 200 верстъ, отъ рѣки Кубани до истока рѣки Пейба. На Кубани въ теченіе круглаго года зубры живутъ въ болотныхъ мѣстностяхъ. Въ странѣ же Абадзеховъ лѣтомъ зубры уходятъ въ горы, а осенью и зимой съ горъ сходятъ въ долины. Отъ Бамбори ближайшее мѣсто, гдѣ нерѣдко показываются зубры, есть Зааданскій округъ.

Мнѣніе свое, что кавказскій зубръ если не тождественъ, то весьма близокъ къ зубру литовскому, Нордманъ основываетъ на словахъ поручика Лисовскаго, который учился въ Вильнѣ и хорошо говорилъ поабхазски. Зовутъ зубра на Кавказѣ адомце; къ этимъ свѣдѣніямъ Нордманъ прибавляетъ, что въ Зааданскомъ округѣ, по рассказамъ туземцевъ, водится еще другое дикое жвачное животное, величиной съ корову и темнаго цвѣта (по-кавказски апхапъ).

Вотъ всѣ свѣдѣнія, которыя имѣемъ мы о кавказскихъ зубрахъ, и которыя, кромѣ присылки шкуры въ Петербургскую Академію, сводятся на простыя рассказы, и даже не на свидѣтельство очевидцевъ.

При этомъ замѣтимъ, что Эйхвальдъ не говоритъ, что, видѣвшіе чучело зубра въ Виленскомъ музеѣ, Кавказцы видѣли сами и кавказское животное или только слышали о немъ. По рогамъ, да еще обдѣланнымъ въ серебро, Нордманъ едва ли могъ опредѣлить зубра. Насколько заслуживаетъ вниманія свидѣтельство Лисовскаго, мы незнаемъ, ибо Нордманъ не привелъ его вполне.

Слѣдовательно для полного убѣжденія въ существованіи зубра на Кавказѣ можетъ служить только шкура зубра, присланная въ Академію Наукъ.

Въ засѣданіи Академіи 21-го декабря 1836 года академикъ К. М. Беръ читалъ записку свою о сравненіи присланной шкуры съ чучеломъ, находящимся въ академическомъ музеѣ. Эта записка есть единственный документъ, который существуетъ для неакадемиковъ, чтобы убѣдиться въ существованіи зубра на Кавказѣ, ибо присланная Беромъ шкура хранится въ запасяхъ Академіи и не составляетъ предмета, доступнаго для всѣхъ.

Вотъ сдѣланное К. М. Беромъ сравненіе, присланной съ Кавказа, шкуры съ экземпляромъ зубра, хранящимся въ Академіи.

1. У кавказскаго экземпляра рога тоньше и короче, разстояніе между рогами или ширина лба менѣе. Беръ объясняетъ это поломъ животнаго, шкура кавказскаго снята съ самки.

2. Цвѣтъ шерсти на кавказской шкурѣ свѣтлѣе и много сѣрыхъ волосъ.

3. Волоса на переднихъ частяхъ тѣла короче, и курчавы только на лбу и отчасти на затылкѣ. И то и другое Беръ объясняетъ временемъ года и возрастомъ животнаго, ибо, говоритъ онъ, и у литовскихъ зубровъ весной выпадаетъ длинный волосъ на переднихъ частяхъ тѣла, а къ шерсти примѣшано много сѣраго въ молодомъ возрастѣ.

4. Копыта и ложныя копыта гораздо короче на кавказской шкурѣ, что, говоритъ Беръ, легко объясняется жизнью на горахъ.

5. Рога нѣсколько иначе изгибаются, ибо конецъ роговъ немного загибается назадъ.

и 6. Вдоль спины идетъ весьма ясная темная полоса, чего не замѣчено въ Литовскихъ зубрахъ.

Признаюсь, въ этомъ сравненіи я нахожу больше рвзницы нежели сходства и считаю сравненіе весьма недостаточнымъ. Самая характеристичная часть и родовой признакъ Bison именно ширина лба относительно его длины, или по крайней мѣрѣ относительно

длины всей головы — вовсе упущена изъ виду. Замѣчаніе же, что лобъ кавказскаго зубра уже лба зубра литовскаго, мнѣ кажется очень важнымъ. Что рога иначе изогнуты — не имѣетъ особеннаго значенія, иное дѣло цвѣтъ роговъ — объ чемъ ни слова. Дѣйствительно, у литовскихъ зубровъ весной выпадаютъ на переднихъ частяхъ тѣла длинные волосы, за исключеніемъ впрочемъ лба, затылка и бороды. Беръ упоминаетъ объ волосахъ на лбѣ и затылкѣ, не говоря ни слова о бородѣ, тогда какъ этотъ признакъ общій въмъ возрастамъ и обоимъ поламъ; точно также Беръ ничего не говоритъ объ двухъ сортахъ шерсти, рознящихся по своему качеству, также признакъ постоянный для зубра, и который можно видѣть на шкурѣ. Относительные размѣры ушей также показаны, а этотъ признакъ весьма характеристиченъ для зубра, сравнительно съ гауромъ и гаяломъ. Наконецъ темная продольная полоса по хребту есть признакъ, также довольно важный; мы не знаемъ ни одного животнаго съ полосой по хребту, идущей вдоль всего тѣла отъ головы, и притомъ, чтобы передняя часть тѣла была покрыта иною шерстью, нежели задняя. Даже у видовъ рода Equus съ ремнемъ по спинѣ, этотъ ремень начинается только съ холки. Беръ не говоритъ — идетъ ли ремень отъ затылка до хвоста, или только отъ холки. За отсутствіемъ этого даннаго ничего нельзя сказать, выпала ли грива при весенней линькѣ, или ея вовсе нѣтъ у животнаго во все время года. Замѣчательно однакоже, что никто изъ кавказцевъ не упомянулъ ни Эйхвальду, ни Нордману о запахѣ мускусомъ, идущемъ отъ лба зубра и весьма для него характеристичномъ.

Итакъ изъ самаго описанія Бера рѣшительно нельзя выяснитъ, что убитый на Кавказѣ дикій быкъ есть зубръ или нѣтъ. Впрочемъ, какъ по описаніямъ не слишкомъ полнымъ, трудно опредѣлить животное, мы видимъ въ той же замѣткѣ Бера, гдѣ онъ съ убѣжденіемъ говоритъ, что гауръ есть зубръ и въ добавокъ прибавляетъ: «для меня несомнѣнно, что зубръ еще живетъ въ центральной Азии и у восточнаго берега. Нашъ ученый товарищъ

М. Шмидтъ, послѣ чтенія первой моей замѣтки, сказалъ мнѣ, что въ монгольскихъ памятникахъ говорится о дикомъ быкѣ, живущемъ въ окрестностяхъ озера Кокконоора и въ китайской провинціи Хандзы. Этого быка всегда отличаютъ отъ яка (*Bos grunniens*) и зовутъ по-Монгольски *Boukhaqueureguesun*. Въ монгольскомъ словарѣ онъ описывается слѣдующимъ образомъ: «онъ похожъ на обыкновеннаго быка; передняя часть его тѣла высока; задъ наклоненъ и узокъ. Шерсть темно-аспидная, темно-бурая или черноватая.» По истинѣ, восклицаетъ Беръ, это краткое описаніе зубра, лучше всѣхъ европейскихъ описаній, бывшихъ до XIX вѣка.»

И въ этомъ мы не согласны съ Беромъ, ибо подъ приведенное описаніе подходятъ и гаяль и гауръ, но не подходятъ ни зубръ, ни американскій бизонъ, ибо нѣтъ гривы, нѣтъ бороды.

Наконецъ въ 5-мъ № Современника за 1848 годъ помѣщена статья неизвѣстнаго автора «Охота за зубрами на Кавказѣ въ ущельи Большаго Зеленчуга.» Эта статья была доставлена въ редакцію Современника покойнымъ профессоромъ Московскаго Университета К. Ф. Рулье, который и снабдилъ статью небольшимъ предисловіемъ, гдѣ говоритъ, что она написана «образованнымъ русскимъ путешественникомъ, который провелъ на Кавказѣ слишкомъ 10 лѣтъ и самъ участвовалъ на этой охотѣ, чего никому не удавалось.»

Въ самой статьѣ описывается случайная охота (на которой, какъ говоритъ авторъ, никто изъ русскихъ не бывалъ) за дикими быками, адомбеями, какъ зовутъ ихъ абхазцы. Авторъ видѣлъ здѣсь цѣлое стадо адомбеевъ, состоящее изъ огромнаго мохнатаго быка, нѣсколькихъ коровъ и телятъ. Быкъ былъ убитъ. Авторъ объ немъ говоритъ слѣдующее:

«Когда мы подбѣжали къ нашей добычѣ, издыхавшей въ предсмертныхъ судорогахъ, то я увидѣлъ, что этотъ адомбей былъ настоящій зубръ (*Bos urus*).

«Видомъ онъ похожъ на обыкновеннаго быка: голова большая,

глаза маленькіе и глубоко вдавлены; рога короткіе и толстые; передняя часть тѣла, т. е. голова, грудь и плечи, покрыты мохнатою шерстью; подъ нижнюю челюстью довольно длинная борода; на задней части тѣла шерсть короткая и лоснящаяся, ноги низкія и жилистыя, хвостъ не очень длинный; цвѣтъ шерсти темно-коричневый. Роста убитый зубръ былъ очень большаго: длина его съ головой простиралась до 10-ти футовъ, высота нѣсколько болѣе 2 аршинъ. Снявъ съ него шкуру и растянувъ ее, мы сдѣлали навѣсь, подъ которымъ и помѣстились всѣ 7 человекъ.»

Далѣе: «Объ адомбеяхъ или зубрахъ я узналъ отъ абхазцевъ, что они водятся не въ одномъ ущельи Большаго Зеленчуга, но и по сосновымъ лѣсамъ, растущимъ близъ вѣчныхъ снѣговъ главнаго хребта, въ ущельяхъ Уруна и Большой Лабы, но нигдѣ болѣе.»

Описаніе зубра въ этой статьѣ, какъ сами читатели могутъ судить, довольно полно, и на первый взглядъ, она одна уже можетъ служить яснымъ доказательствомъ существованія зубра на Кавказѣ. Но признаюсь и эта статья не вполне убѣждаетъ меня. Вотъ тому причины:

1. По всему видно, что статья написана не тотчасъ послѣ охоты, а нѣсколько времени, можетъ быть нѣсколько лѣтъ спустя, когда авторъ былъ уже въ Москвѣ, гдѣ въ Музеѣ онъ видѣлъ чучело бѣловѣжкаго зубра, что слѣдуетъ изъ подстрочнаго замѣчанія К. Ф. Рулье.

2. Самое описаніе зубра, либо сдѣлано по вышеупомянутой чучелѣ, либо на память. Отсюда слѣдующее разногласіе: авторъ говоритъ, что глаза адомбея очень впалы, тогда какъ у зубра они очень выпуклы, ибо находятся въ выдающихся костныхъ втулкахъ глазной орбиты. Правда глаза на московской чучелѣ нѣсколько впалы, ибо стеклянные глаза не совсѣмъ прилипли по мѣркѣ глазной орбиты, (единственный недостатокъ этой превосходной чучелы).

3. Цвѣтъ шерсти не совпадаетъ ни съ цвѣтомъ шерсти чу-

челы московскаго музея ни съ цвѣтомъ шкуры, присланной въ С.-Петербургскую Академію съ Кавказа, ибо спиннаго ремня не замѣчено.

4. Ни слова нѣтъ о запахѣ мускусомъ, тогда какъ этотъ запахъ особенно силенъ отъ только что убитаго животнаго и даже слышенъ въ свѣжемъ мясѣ. Авторъ, впервые убившій животное, снимавшій съ него шкуру, проведеншій подъ ней нѣсколько времени и ѣвшій мясо убитаго быка, едва ли могъ не замѣтить этого запаха, а замѣтивъ, едва ли могъ забыть такой рѣзкій признакъ.

5. 7 человекъ, помѣтившіеся подъ шкурой адомбея, сильно напоминаютъ слова Аристотеля, (Истор. живот. кн. IX гл. 32, 1.) «что на растянутой шкурѣ *Вонасос* можетъ лечь 7 человекъ»

6. Въ разсказѣ описана особенность въ образѣ жизни, которую объяснить трудно, именно: стадо показалось съ быкомъ вне-реди. Выстрѣлы охотниковъ ранили быка. Все стадо разбѣжалось, скрылся и раненый быкъ. На другой уже день, по слѣдамъ, нашли опять стадо, и опять подъ предводительствомъ того же раненаго и мучившагося отъ боли быка; тогда какъ предводительствуетъ стадомъ обыкновенно самое сильное животное, а не раненое, обезсиленное.

7. Авторъ, подбѣжавъ къ убитому быку, тотчасъ же узналъ въ немъ зубра, тогда какъ до этого онъ зубровъ не видалъ, что слѣдуетъ изъ подстрочнаго замѣчанія К. Ф. Рулье.

8. Странно, что длина зубра выражена въ футахъ, вышина въ аршинахъ. Обыкновенно мы употребляемъ одну какую-нибудь мѣру. Длина московскаго экземпляра около 10 футовъ.

9. Наконецъ, фамилія автора не подписана подъ статьей, что особенно въ охотничьихъ разсказахъ, не даетъ большой гарантіи.

Изъ всего сказаннаго, мнѣ кажется, хотя вполне доказать не могу, что весь разсказъ сочиненъ по разсказамъ абхазскихъ охотниковъ и потому можетъ быть имѣть значеніе литературное, но никакъ не зоологическое.

Въ Русскомъ Вѣстникѣ за сентябрь и октябрь мѣсяцы 1864 г. помѣщены «Воспоминанія кавказскаго офицера», подписанные буквою Т.

Въ этихъ «воспоминаніяхъ» воспроизведенъ вполне разсказъ объ охотѣ на зубровъ Современника, слѣдовательно мы можемъ считать объ статьи за произведеніе одного и того же автора, послѣднее произведеніе котораго еще болѣе убѣждаетъ меня въ справедливости сдѣланныхъ мною выводовъ, ибо встрѣчаемъ безпрестанныя разногласія въ частностяхъ этихъ двухъ статей. Такъ для примѣра укажемъ на два. Омаръ первой статьи замѣненъ во второй Багры, втроятно для усиленія мѣстнаго колорита. Въ первой статьѣ, наканунѣ убіенія адомбея добили послѣдніе остатки баранины, во второй статьѣ баранина давно уже была съѣдена и охотники нѣсколько дней уже питались однимъ просомъ, послѣднія горсти котораго были съѣдены передъ убіеніемъ адомбея. Въ первой статьѣ ничего не говорилось о шкурѣ убитаго зубра, которая во второй статьѣ рѣжется на части.

Итакъ изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что положительно доказано существованіе дикаго быка на Кавказѣ, но нельзя считать рѣшенымъ, что это зубръ, или видъ къ нему близкій, или даже видъ другаго рода чѣмъ зубръ. Весьма возможно, что это дѣйствительно гауръ, живущій въ передней Индіи, а не зубръ.

Въ журналѣ «Натуралистъ» № 7 за апрѣль, 1865 года помѣщена замѣтка К. М. Бера по поводу моей статьи «Зубръ». Перепечатаваю эту замѣтку:

«Г. С. А. Усовъ помѣстилъ въ «Запискахъ Императорскаго Русскаго Общества акклиматизаціи» обширную статью о зубрѣ, въ которой онъ выразилъ свое недовольство на счетъ моей замѣтки о шкурѣ, изъ рода *Bos*, присланной съ Кавказа въ Петербургъ. Замѣтка эта была сдѣлана въ 1836 году, слѣдовательно почти за 30 лѣтъ до настоящаго времени. Мнѣ жаль, что и теперь я не могу дать болѣе подробнаго описанія и измѣреній шкуры, о которой неизвѣстно, какъ и на сколько она обрѣзана и которая

была очень дурно высушена. Я никак не ожидал также, чтобы въ продолженіе 30 лѣтъ не было сдѣлано болѣе точнаго и подробнаго описанія животнаго, и понынѣ живущаго на сѣверныхъ склонахъ Кавказскихъ горъ. Такъ какъ теперь въ Москвѣ есть общество акклиматизаціи и зоологическаго сада, то нѣтъ сомнѣнія, что оно приметъ мѣры, чтобы привезти въ Москву живыхъ дикихъ быковъ съ Кавказа.

«Тогда можно будетъ рѣшить положительно, принадлежитъ ли животное, которое еще и до сихъ поръ водится на сѣверныхъ склонахъ Кавказа, къ одному виду съ настоящимъ зубромъ, живущимъ въ литовскихъ лѣсахъ, или къ дикимъ быкамъ, встрѣчающимся въ Индіи? Этотъ вопросъ затронулъ г. Усовъ и занимается имъ г. Усовъ слишкомъ подробно, если принять въ соображеніе недостатокъ нужныхъ для этого матеріаловъ. Не смотря однакожъ на это, до сихъ поръ остается болѣе вѣроятнымъ, что животное, о которомъ идетъ рѣчь, есть настоящій зубръ, потому что:

«1. Онъ еще въ историческія времена былъ распространенъ въ большей части Европы; за столѣтіе назадъ онъ водился въ Трансильваніи (Седьмиградской области). Напротивъ того, не было извѣстно, чтобы оба индѣйскіе быка: «*Bos frontalis*» и «*Bos gavaeus*», были найдены по сю сторону Индуса въ настоящее или въ прошедшія времена.

«2. Очень многія изъ европейскихъ животныхъ, имѣющихъ обширное распространеніе, встрѣчаются и на Кавказѣ, а напротивъ того, тамъ очень мало индѣйскихъ животныхъ.

«3. Богалы, которые я видѣлъ въ употребленіи у одного армянина въ Тифлисѣ, были сдѣланы, въ томъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, изъ роговъ зубра, потому что они при основаніи гораздо шире, нежели рога обоихъ названныхъ индѣйскихъ быковъ, сколько можно судить по описаніямъ послѣднихъ. Точно также Нордманнъ призналъ за рога зубра тѣ, которые онъ видѣлъ у горцевъ.

«Какія же основанія предполагать въ кавказскихъ дикихъ быкахъ индѣйскіе виды. Узкій лобъ, о которомъ я упоминаю, кажется, наводитъ сомнѣніе на г. Усова. Трудно однакожъ согласиться съ важностью, которую онъ придаетъ слѣдующему своему замѣчанію: «замѣчаніе же, что лобъ кавказскаго зубра уже лба зубра литовскаго, мнѣ кажется очень важно». Объ узкости лба я заключилъ изъ небольшого разстоянія между рогами и замѣтилъ, что у самки зубра лобъ гораздо уже, чѣмъ у самца. Можетъ-быть, въ этомъ сомнѣвается г. Усовъ, чего впрочемъ онъ не высказываетъ ясно; въ такомъ случаѣ я долженъ замѣтить, что я видѣлъ много череповъ самцовъ и самокъ зубра и нашелъ, что различіе между полами въ этомъ отношеніи очень разительно. Иногда лобъ зубрицы едва только шире лба обыкновенной коровы. Только по различному мѣсту прикрѣпленія роговъ можно вѣрно отличать эти два вида. Академикъ Бэръ.»

Изъ чего слѣдуетъ, что почтенный академикъ согласился вполне съ моимъ критическимъ выводомъ «что положительно доказано существованіе дикаго быка на Кавказѣ, но нельзя считать рѣшеннымъ, что это зубръ или видъ къ нему близкій или даже видъ другаго рода чѣмъ зубръ». Въ этомъ состояла главная цѣль критическаго разбора мнѣнія о существованіи зубра на Кавказѣ.

Что же касается до мнѣнія К. М. Бера объ томъ, что я какъ бы настаиваю на существованіи на Кавказѣ какого-либо индѣйскаго быка, то это невѣрно. Я положительно отозвался незнаніемъ какой дикій быкъ живетъ на Кавказѣ. Новые доводы въ пользу существованія зубра на Кавказѣ, представляемые Беромъ, нисколько не убѣдительнѣе прежнихъ:

а) Доказательно ли то, что ни *Bos frontalis*, ни *B. gavaeus* еще доселѣ не были найдены по сю сторону Индуса. Да два ли это различныхъ вида или одинъ и то вопросъ нерѣшенный. Вагнеръ принималъ ихъ за одинъ.

б) Недоказательно и то, что на Кавказѣ много европейскихъ и очень мало индѣйскихъ видовъ. Хоть мало да есть.

Наконецъ е) изъ третьяго доказательства К. М. Бера видно, что онъ считаетъ несомнѣннымъ, что онъ дѣйствительно видѣлъ рога зубра, передѣланные въ бокалы, на Кавказѣ, что слѣдуетъ изъ сравненія, сдѣланнаго академикомъ передѣланныхъ въ бокалы роговъ съ описаніями роговъ быковъ двухъ индѣйскихъ видовъ. Мы не удалось найти такого подробнаго описанія роговъ *B. frontalis*, изъ котораго можно было бы вывести ясное заключеніе. Однимъ словомъ, повторяю, до сихъ поръ быкъ, живущій на Кавказѣ, составляетъ по моему мнѣнію вопросъ вовсе нерѣшенный.

Въ настоящее время когда Кавказъ покоренъ, когда всѣ горы доступны русскимъ, когда немирныхъ Черкесовъ не стало, можно надѣяться получить болѣе точныя свѣдѣнія нежели въ 1836 году о дикомъ быкѣ или даже дикихъ быкахъ (см. Нордманнъ I. с.), живущихъ въ долинахъ между хребтами Кавказа. Жаль что 150 руб. серебр. составляли для проф. Нордманна слишкомъ большую сумму, чтобы онъ могъ пожертвовать ею для полнаго рѣшенія такого, по моему мнѣнію, важнаго вопроса въ географіи животныхъ.

Въ нынѣшнемъ году посѣтилъ зоологическій садъ герцога Кавказа, гр. Евдокимовъ и обѣщаль постараться добыть кавказскаго зубра для Москвы. Дѣйствительно, по просьбѣ графа, полковникъ Аглинцовъ два раза ѣздилъ на охоту за адомбеями. Однакоже, не смотря на то, что видѣли стада этихъ звѣрей головъ въ 40, и 60, поймать не удалось, ибо осторожные аломбеи далеко неподпустили охотниковъ. Такимъ образомъ первая попытка была неудачна.

Во время послѣдняго пребыванія въ Москвѣ Намѣстника кавказскаго, Его Высочества Михаила Николаевича, Великій Князь, по моей просьбѣ обѣщаль прислать въ даръ московскому зоологическому саду полную шкуру адомбея и если возможно будетъ и живаго кавказскаго зубра. При этомъ Его Высочество говорилъ, что изъ рассказовъ объ адомбеяхъ нельзя вывести о тождествѣ бѣло-

вѣжскихъ и кавказскихъ зубровъ, ибо по разсказамъ много схожаго, но и много особенностей.

Будемъ надѣяться, что въ будущемъ году вопросъ разъяснится.

Недавно въ Русскомъ Вѣстникѣ при описаніи Амурскаго края было упомянуто о нахожденіи въ этой мѣстности *зубра* — здѣсь очевидно вкралась ошибка, быть можетъ даже наборщика: вмѣсто *изюбрь* напечатано *зубръ*.

Итакъ положительно извѣстное мѣстопробываніе зубра въ настоящее время есть только Бѣловѣжская пуща, дача вполне обследованная, не разъ уже описанная, гдѣ зубры живутъ подъ покровительствомъ законовъ и при содѣйствіи челоуѣка.

III.

Бѣловѣжская пуща.

У меня подъ руками три описанія Бѣловѣжской пущи, именно: Бр. Брикена 1828 года, Д. Я. Далматова, годъ неизвѣстенъ, но по нѣкоторымъ даннымъ это сочиненіе написано было около 1848 года, и, наконецъ, изданное министерствомъ государственныхъ имуществъ въ 1861 году, описаніе Императорской охоты въ Бѣловѣжской пущѣ, авторъ неизвѣстенъ. Всѣ эти описанія составлены по официальнымъ документамъ. При Бр. Брикени были назначены границы казенной дачи въ Бѣловѣжской пущѣ, при Далматовѣ произведено было измѣреніе ея и таксація лѣса, а третье сочиненіе издано самимъ министерствомъ, заведующимъ пущей.

Самое полное описаніе принадлежитъ Бр. Бринкену. Понятно, его сочиненіе посвящено описанію пущи и водящихся въ ней животныхъ, тогда какъ въ описаніи Д. Я. Далматова главную роль играетъ зубръ, а въ послѣднемъ сочиненіи — охота Государя на зубровъ въ 1860 году.

Бѣловѣжскою пущей называется громадный слошной лѣсъ, вмѣющийся въ окружности до 25 географическихъ миль. Этотъ слош-

С. Усовъ. *Зубръ*.

ной лѣсъ по своимъ границамъ отдѣляется отъ другихъ громад-
ныхъ лѣсовъ Литвы селеніями и обработанными полями, такъ что
Бѣловѣжская пуца вся цѣликомъ составляетъ отдѣльный лѣсной
островъ, входящій весь въ составъ Гродненской губ. Императрица
Екатерина раздала нѣсколькимъ частнымъ лицамъ часть этой
пуцы, кромѣ того довольно значительная часть ея въ теченіе цѣ-
лыхъ столѣтій была наследственнымъ имѣніемъ гр. Тышкевичей.
Тѣмъ не менѣе казѣ всегда принадлежала наибольшая часть
пуцы, которая вся находится въ Пружанскомъ уѣздѣ, ибо рѣка
Нарева вмѣстѣ съ болотомъ, изъ котораго она вытекаетъ, со-
ставляетъ границу Пружанскаго и Волковискаго уѣздовъ и въ
то же время составляетъ границу коренной дачи отъ владѣній гр.
Тышкевича и др. частныхъ владѣльцевъ, такъ что только очень
небольшая часть частныхъ владѣльцевъ пуцы заходитъ въ Пру-
жанскій уѣздъ.

Все пространство занимаемое пуцей равняется почти 30 квад-
ратнымъ милямъ: изъ нихъ на долю казеннаго лѣса приходится
около 112.080 десятинъ, т. е. около 22 квадратныхъ миль.

Бр. Бринкенъ говоритъ, что въ физическомъ отношеніи часть
пуцы, принадлежащая частнымъ владѣльцамъ, ничѣмъ не отли-
чается отъ казенной дачи, къ которой съ 1831 года присоеди-
нено по конфискаціи 25.000 десятинъ отъ гр. Тышкевича подъ
именемъ Свислочской пуцы.

Бѣловѣжская пуца подробно снята на планъ, разбита простѣ-
ками на квадраты и раздѣлена широкими линиями на 5 лѣсничествъ
въ 1847 году. Результатомъ этой работы былъ подробный планъ
Бѣловѣжской пуцы. Вотъ данныя, извлеченныя изъ плана:

Площадь, занятая собственно лѣсомъ.	87.969	десят.	800	саж.
Земли при селеніяхъ и неудобной. . .	18.598	—	1622	—
Земель, не подлежащихъ лѣсному управленію.	5.511	—	2.278	—
Всего	112.079	—	2.300	—

Поверхность земли по всей пуцѣ довольно ровная, съ неболь-
шими холмистыми возвышеніями. Почва песчаная, мѣстами глина,
прикрытая небольшимъ слоемъ растительной земли. Къ серединѣ
поверхности пуцы нѣсколько поднимается, ибо большинство рѣчекъ,
прорѣзающихъ пуцу, течетъ въ различныхъ направленіяхъ, хотя
всѣ принадлежатъ къ бассейну Нарева и Буга.

Нарева принимаетъ начало изъ болотъ, находящихся среди са-
мой пуцы. Въ Нареву впадаетъ большинство рѣчекъ пуцы, изъ
которыхъ самая большая есть Наревка, съ притокомъ Гвоздня.

Кромѣ того довольно велики Лѣсна и ея притокъ Бяла.

Нарева, Наревка и Бяла могутъ считаться судоходными.
Замѣтимъ, что Бяла впадаетъ въ Лѣсну, а Лѣсна въ Бугъ,
который соединяется съ Наревой и подъ именемъ Наревы впа-
даетъ близъ самаго Модлина въ Вислу. При лѣсномъ хозяйствѣ
судоходныя рѣки — важное условіе. Вотъ почему главный лѣсничій
Д. Я. Далматовъ и представилъ въ 1848 — 49 годахъ подроб-
ный проектъ соединенія и расчищенія многихъ рѣкъ Бѣловѣжской
пуцы.

Хотя мѣстность въ пуцѣ плоская, хотя въ самой пуцѣ къ пе-
ску примѣшана глина, почему песокъ несъсучь, а лежитъ плот-
ною массой, хотя пуца прорѣзана множествомъ ручьевъ, которые
вълѣдствіе разложенія водяныхъ растений образовали черную бо-
лотистую почву въ низменныхъ мѣстахъ и вдоль рѣкъ, однакоже
болотъ недоступныхъ и очень топкихъ въ пуцѣ нѣтъ, кромѣ
огромнаго болота въ нѣсколько миль пространствомъ, изъ кото-
раго вытекаетъ Нарева.

Бр. Бринкенъ указываетъ на множество небольшихъ лѣсныхъ
острововъ въ пуцѣ, которые отличаются особенно сильною расти-
тельностью, что, по мнѣнію Бринкена, зависитъ отъ того, что
поверхность почвы такихъ острововъ выше уровня рѣкъ и въ то
же время ниже общаго уровня поверхности пуцы. Вообще, по
мнѣнію Бринкена, въ казенномъ лѣсу по поверхности плодородная
земля къ песчаной относится какъ 1 къ 4.

Минеральных богатствъ въ пущѣ нѣтъ, кромѣ желѣзной руды, которая встрѣчается часто во всей Литвѣ и Польшѣ.

Большинство деревьевъ составляютъ растенія хвойныя, $\frac{1}{3}$ всего лѣса покрыта сплошь сосной *Pinus silvestris*. Почти все песчаные мѣста покрыты этимъ деревомъ, достигающимъ здѣсь громадной величины. Сосна закрѣпляетъ песокъ и сохраняетъ сырость въ почвѣ. Безъ сосны вся мѣстность превратилась бы въ бесплодную песчаную пустыню. По берегамъ рѣчекъ и на большихъ болотахъ сосну замѣняетъ ель, *Pinus picea du Roy*, только изрѣдка ель растетъ здѣсь сплошь, хотя достигаетъ здѣсь громадной величины. Въ Бѣловѣжской пущѣ много и почти повсюду, въ особенности по песчанымъ мѣстностямъ, растетъ можжевельникъ *Juniperus communis*.

Бр. Бринкенъ указываетъ на особенность здѣшнихъ лѣсовъ въ томъ отношеніи, что въ Бѣловѣжской пущѣ вовсе не встрѣчается польской пихты (*Pinus abies du Roy*) и лиственницы (*P. larix*), хотя эти деревья въ 1828 году еще росли довольно обильно въ Польшѣ и Литвѣ. Тиссъ (*Taxus baccata*) почти совершенно истребленъ въ Бѣловѣжской пущѣ. Изъ лиственныхъ деревьевъ довольно много въ Бѣловѣжской пущѣ зимняго (*Quercus robur*) и лѣтняго (*Q. pedunculata*) дуба; первый видъ гораздо многочисленнѣе втораго. Дубъ обыкновенно избираетъ себѣ плодородную, неслишкомъ сырую почву, хотя отдѣльными особями встрѣчается и на пескѣ между соснами. Лица, береза, ольха какъ черная, такъ и каменная довольно часто встрѣчаются въ Бѣловѣжской пущѣ. Бука (*Fagus silvatica*) вовсе нѣтъ, изрѣдка попадается дикая яблоня и дикая груша и осина, точно также какъ и рябина. Изъ кустарниковъ болѣе распространены — орѣшникъ, нѣкоторые виды *Lonicera* и смородина. Весьма часто встрѣчаются по деревьямъ омела *Viscum album* и почва покрыта почти повсемѣстно различными видами вереска *Erica*; особенно часто встрѣчается *Calluna vulgaris*. Что касается до злаковъ, то они еще далеко не имѣютъ полного снѣска. Бринкенъ указываетъ на одинъ злакъ, будто бы весьма

распространенный, именно пахучій колосокъ *Anthoxantum odoratum*. Перечисляя эти растенія, мы вовсе не имѣли въ виду дать полный списокъ ботаническихъ богатствъ Бѣловѣжской пущи, а желали при этомъ только выставить тѣ растенія, которыя составляютъ главную физиогномію пущи, какъ мѣстообитанія зубровъ. Прибавимъ, что списокъ растеній у Бринкена несравненно полнѣе.

Климатъ въ Бѣловѣжской пущѣ далеко неблагоприятенъ, что по вѣроятности обуславливается громаднымъ протяженіемъ лѣса и сухими, холодными сѣверными и восточными вѣтрами. Весна начинается здѣсь поздно и весьма кратковременна; лѣто рѣдко хорошее — большая часть лѣта проходитъ въ холодѣ и дождяхъ и только изрѣдка бываютъ нестерпимые жары; за то осень обыкновенно очень хороша, дни ясные и часто теплые, ночи всегда холодныя. На поляхъ въ Бѣловѣжской пущѣ хлѣбъ созрѣваетъ обыкновенно недѣлю, даже двумя позже, чѣмъ на поляхъ соседнихъ съ пущей мѣстностей. Почти въ центрѣ пущи находится мѣстечко Бѣловѣжъ (Бѣлая вѣжа; вѣжа — башня, калаша. См. словарь Даля). Здѣсь помѣщается главное управление пущи, находится охотничій Императорскій Дворецъ, передѣланный въ 1860 году изъ дома лѣсничаго, монументъ въ память охоты Августа III короля Польскаго въ 1732 году, и живетъ до 80 стрѣлковъ. Кромѣ того въ различныхъ мѣстахъ пущи расположены небольшія селенія именно: Чверки, Панассуки, Киватхынъ и Каменики въ этихъ селеніяхъ живутъ 298 душъ такъ назыв. осочниковъ обязанныхъ смотрѣть за лѣсомъ и заготовлять на зиму сѣно для зубровъ. Семейства стрѣлковъ и осочниковъ снабжены достаточнымъ количествомъ земли и угодьевъ.

Въ лѣсахъ Бѣловѣжской пущи изъ млекопитающихъ, имѣющихъ значеніе въ охотѣ живутъ: волкъ, лиса, куница, рысь, медвѣдь (заходящій сюда изъ Слонимскаго уѣзда), барсукъ очень рѣдко, бѣлякъ и русакъ, послѣдній чаще, кабанъ, лось (въ послѣднее время сталъ попадаться рѣже, ибо пуща отдѣлилась большими дорогами отъ Пинскихъ лѣсовъ, лось встрѣчается чаще зимою,

чѣмъ лѣтомъ) козуля и зубръ. Зубры живутъ не исключительно въ Бѣловѣжской пушцѣ, они встрѣчаются при томъ въ Свислочской, Шерешевской, Яловской, Лядской и Омелянецкой пушчахъ, а также въ лѣсахъ, принадлежащихъ Г. Эймонту и Гр. Сиверсу. Правда, всѣ эти дачи принадлежатъ къ собственно такъ называемой Бѣловѣжской пушцѣ.

Д. Я. Далматовъ говорить, что прежній владѣлецъ Свислочской пушчи Гр. Тышкевичъ, не смотря на свои старанія, не могъ изгнать зубровъ изъ Свислочской пушчи, гдѣ ихъ водится до 60 головъ и имъ до сихъ поръ не готовится на зиму сѣна.

IV.

Образъ жизни живущихъ въ Бѣловѣжской пушцѣ зубровъ.

Зубры обыкновенно держатся небольшими стадами отъ пяти до пятнадцати особей, иногда впрочемъ, особенно въ холода, стада эти увеличиваются до сорока штукъ. Слѣдовательно зубры живутъ обществами. Исключеніе изъ этого правила составляютъ старые самцы, которые удаляются отъ стада и живутъ жизнью уже одинокою. Такого одинокаго самца народъ называетъ одинокомъ. Въ большинствѣ случаевъ каждое стадо зубровъ занимаетъ определенное мѣсто и весьма рѣдко дѣлаетъ переходы, развѣ зимой при скудости пищи. Такое мѣстопробываніе обыкновенно бываетъ вблизи рѣчекъ, ручьевъ или болотъ, и зубры, возвращаясь съ пастбища, обыкновенно сходятся на тоже мѣсто, которое занимали прежде. Каждое стадо ходитъ подъ предводительствомъ болѣе стараго, слѣдовательно болѣе опытнаго и сильнаго зубра, самца или самки все равно. Конечно самцы предводительствуютъ чаще, причина не столько въ болѣе сильнѣ (ибо самые сильные и старые зубры самцы становятся единицами) сколько въ томъ, что самцовъ въ Бѣловѣжской пушцѣ болѣе нежели самокъ; при этомъ каждое стадо состоитъ изъ нѣсколькихъ самцовъ и самокъ

различныхъ возрастовъ. Какъ особи каждаго стада, такъ и отдѣльные стада живутъ весьма мирно между собой. Если два стада встрѣчаются, идя на пастбище, то либо эти стада сливаются въ одно, либо слабѣйшее стадо уступаетъ дорогу болѣе многочисленному. Особи стада, разрознившіяся отъ чего-либо, скликаются между собой и снова сходятся вмѣстѣ. Голосъ у зубра обыкновенно вовсе не похожъ на голосъ домашняго рогатаго скота. Зубръ не мычитъ, а хрюкаетъ. Въ самомъ дѣлѣ, голосъ зубра напоминаетъ хрюканье свиньи, только оно не отрывисто и какъ-то глуше, какъ будто пересыщается картофель. Но, какъ утверждаетъ Далматовъ (самимъ намъ не удавалось слышать этого голоса) зубры въ исключительныхъ случаяхъ, какъ напр. когда изловить большаго зубра и засадить въ загородъ, издаютъ уже не отрывистый, а протяжный ревъ, подобный реву разъяреннаго домашняго быка.

Обыкновенная походка зубра есть медленный, нѣсколько неуклюжій шагъ. Кажущаяся неуклюжесть зависитъ отъ низкаго положенія головы. Рѣзвясь, зубры дѣлаютъ довольно высокіе, неловкіе, отчасти боковые прыжки, похожіе на козлиные. Впрочемъ зубръ можетъ бѣжать галопомъ очень быстро и легко; такъ зимой, зубръ по глубокому снѣгу, по которому съ трудомъ пробираются лошади, скачетъ легко и быстро. Въ испугѣ же и въ злобѣ быстрота бѣга у зубра, а также прыжокъ достигаетъ громадной силы. Такъ во время императорской охоты, въ 1860 году, одна самка и за нею до 30 зубровъ легко перепрыгнули черезъ загородъ парка въ 10 футовъ вышиной. По окончаніи выставки комитета акклиматизаціи, бывшей въ 1863 году, когда стали накидывать петлю на одного изъ зубровъ, то онъ безъ разбѣга прыгнулъ и ударился рогами въ заборъ на высотѣ 4 аршинъ 5 вершковъ. Зубръ точно также легко переплываетъ черезъ рѣки и переходитъ черезъ болота.

Листья, почки, молодые побѣги и вѣтви, а также кора многихъ деревьевъ и кустарниковъ составляютъ главную пищу зубровъ

лѣтомъ. Замѣчательно при этомъ, что зубры никогда не ѣдят ни побѣговъ хвойныхъ деревьевъ, ни коры липы и тополя. Кромѣ того онъ ѣсть многіе корни и травы, въ особенности же растущія на болотистой почвѣ. Осенью, до выпаденія снѣга, любятъ зубры различные лишай и мхи, растущіе на деревьяхъ, и оставшіеся злаки; но не ѣсть мха, растущаго на землѣ, а также лишайевъ, покрывающихъ березовую кору, зимой въ настоящее время онъ питается заготовленнымъ для него сѣномъ. Нерѣдко зубры, недовольствуясь заготовленнымъ сѣномъ или не набредаая на него, дѣлаютъ опустошительныя набѣги на сѣно окрестныхъ жителей, хранящееся какъ въ стогахъ, такъ и въ сараяхъ.

Количество заготавливаемого сѣна для зубровъ на зиму опредѣлить весьма трудно, даже опредѣлить по официальнымъ свѣдѣніямъ количества зубринныхъ сѣнокосовъ почти не возможно. Такъ Д. Я. Далматовъ говоритъ, что по послѣдней таксаціи Бѣловѣжской пуши (до 1847 года) прежнее количество зубринныхъ сѣнокосовъ 500 десятинъ увеличено до 1000 десятинъ, тогда какъ въ описаніи Императорской охоты 1860 года, изданномъ Министерствомъ Государственныхъ Имуществъ, показано всего зубринныхъ луговъ до 68 десятинъ и говорится о необходимости увеличить количество зубринныхъ луговъ. Оставя послѣднюю цифру, и считая цифру г. Далматова за вѣрную, все таки мы найдемъ, что сѣна накашивается слишкомъ мало по количеству зубровъ. И хотя зубры зимою дѣйствительно собираются по преимуществу около стоговъ заготовленнаго сѣна, гдѣ иногда можно ихъ видѣть въ количествѣ 200 головъ, но все таки главнѣйшая пища для нихъ состоитъ въ корѣ и побѣгахъ многихъ лиственныхъ деревьевъ, какъ ясеня, рябины, осины, ильма, граба, орѣшника и др. Въ Свислочской пушчѣ никогда не заготавливается сѣна для тамъ водящихся зубровъ, а между тѣмъ зубры здѣсь проживаютъ зиму, не умирая голодною смертію. Не все количество сѣна, заготавливаемое для зубровъ, идетъ имъ въ пищу, ибо зубры подоидя къ стогу прежде всего разметываютъ сѣно рогами, большое количество его затап-

тываютъ въ снѣгъ, и только уже остальное идетъ въ кормъ. Для доставленія болѣе обильной пищи зубрамъ, обыкновенно выжигали мѣстами верескъ въ пушчѣ и на такихъ выжженныхъ мѣстахъ, вслѣдствіе удобренія почвъ золой, выростала болѣе обильная трава. Это обыкновеніе теперь оставлено, изъ опасенія лѣсныхъ пожаровъ запрещено выжигать верескъ и траву.

На водопой зубры ходятъ къ ручьямъ или рѣчкамъ и вообще пьютъ только чистую воду, зимой довольствуются обыкновенно снѣгомъ. Въ сильные жары зубры никогда не входятъ въ воду и не стоятъ въ ней, какъ то дѣлаетъ домашній скотъ; но любятъ входить и лежать въ болотѣ, вѣроятно для того, чтобы избавиться отъ докучныхъ насѣкомыхъ, послѣднимъ объясняется и еще двѣ привычки зубровъ. Зубры лѣтомъ любятъ тереться объ смолистые стволы хвойныхъ деревьевъ, отъ чего иногда бока зубра покрываются цѣлымъ слоемъ сосновой смолы, что придаетъ цвѣту шерсти красновато-желтый оттѣнокъ; любятъ зубры валяться въ пескѣ, что дѣлаютъ они какъ лошади, т. е. легши на бокъ, подергиваютъ ногами и потомъ переваливаются на другую сторону. Горбъ впрочемъ мѣшаетъ имъ въ этихъ движеніяхъ. Обыкновенно зубры сначала взрываютъ и взметываютъ на себя песокъ, потомъ валяются и лежатъ нѣсколько времени въ разрыхленномъ такимъ образомъ пескѣ. По всей пушчѣ можно видѣть въ песчаныхъ мѣстахъ такія неглубокія ямки или вѣрифе лунки.

Зубры вообще игривы и веселы. Зубръ, по преимуществу, животное дневное и проводитъ большую часть ночи во снѣ, хотя часто ложится и днемъ для отдыха. Сила зубра громадна. Сила особенно развита во лбу, затылкѣ, а слѣдовательно и въ рогахъ. Нерѣдко случалось во время очень снѣжныхъ зимъ, что зубры разметывали рогами у окрестныхъ жителей загороди, даже бревенчатые сѣнные сараи. Въ Московскомъ зоологическомъ саду однимъ ударомъ роговъ зубръ изломалъ въ воротахъ толстое бревно (3 вершка въ діаметрѣ) въ томъ мѣстѣ, гдѣ сквозь бревно проходилъ желѣзный винтъ, что конечно нѣсколько ослабляло

крѣпость бревна. Любимая игра зубровъ состоитъ въ томъ, что они гоняются другъ за другомъ и бьются рогами; особенно рѣзвы становятся зубры осенью, во время яра. Обыкновенно самецъ борется тогда рогами съ самкою и иногда сцѣпляются такъ сильно, что борьба кончается лишь тогда, когда у котораго-либо изъ борцовъ сломается рогъ. Впрочемъ нельзя смотрѣть на это какъ на бой, а это только игры, во время которыхъ зубры вовсе не приходятъ въ ярость, а какъ будто пробуютъ только силу своихъ роговъ. Очень часто зубры захватываютъ рогами молодые деревья дюйма въ 4—5 въ діаметрѣ и эти деревья безъ труда ломаются зубрами; иногда впрочемъ зубры платятся за такую потѣху обломками роговъ. Молодые зубята почти постоянно, играя, борются между собою и при этомъ дѣлаютъ преуморительные скачки. Вотъ причины почему у зубровъ совершенно неповрежденные рога составляютъ рѣдкость. Рога у нихъ очень часто встрѣчаются или въ обломанномъ или даже въ размочаленномъ видѣ.

Несмотря на громадную силу свою, несмотря на страшное оружіе — рога, зубры довольно робки и осторожны. Обоняніе и слухъ зубровъ чрезвычайно развиты и лѣтомъ еще издали не подпускаютъ они къ себѣ человѣка, при видѣ котораго стадо зубровъ разбѣгается. Красный цвѣтъ приводитъ однакоже зубра въ ярость, и тогда, понятно, зубръ нападаетъ. Зимой зубры становятся смѣлѣй, ближе подпускаютъ къ себѣ человѣка. Если послѣдній подходитъ слишкомъ близко, то зубры останавливаются, принимаютъ оборонительное положеніе, но все-таки не нападаютъ на нарушителя ихъ спокойствія. Все что говорилось относится по преимуществу къ молодымъ зубрамъ, живущимъ стадами. Иное дѣло одиноцы. Эти старые, увѣренныя въ своей силѣ, и бросившія стада, самцы смѣлы до дерзости, никогда не уступаютъ дороги, такъ что зимою иногда людямъ приходится пережидать довольно долго, пока зубру-одиноцу не заблагоразсудится встать самому и очистить дорогу, на которой онъ разлегея.

Относительно дерзости или смѣлости одиноца, Жилибертъ раз-

сказываетъ слѣдующій случай. Близъ большой дороги, проходящей черезъ Бѣловѣжскую пушу изъ Бреста въ Гродно, поселился и жилъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ старый зубръ одиноецъ. Дерзость этого звѣря доходила до того, что онъ, почуявъ издали проѣзжавшіе воза съ сѣномъ, поджидалъ проѣзжающихъ и не пропускалъ ихъ дальше, пока не сбрасывали ему сѣна. Если же ему не давали сѣна или, какъ иногда случалось, грозили ему кнутомъ, то зубръ мгновенно приходилъ въ ярость, поднималъ хвостъ, бросался на сани и рогами старался ихъ взвернуть. Жизнь возчиковъ была, понятно, въ крайней опасности и часто имъ долго приходилось отыскивать испуганныхъ нападеніемъ зубра лошадей. Этотъ зубръ былъ въ послѣдствіи убитъ и отданъ въ Варшавскій Музей. Вообще должно сказать, что смѣлость зубра возрастаетъ пропорціонально годамъ, слѣдовательно силѣ.

Не разъ уже было упомянуто объ особенномъ запахѣ, издаваемомъ зубрами. По преимуществу этотъ запахъ слышенъ ото лба зубровъ, причина его неизслѣдована доселѣ. Этотъ запахъ довольно приятенъ и нѣсколько напоминаетъ запахъ мускуса. У самцовъ этотъ запахъ сильнѣе чѣмъ у самокъ, притомъ зимою сильнѣе чѣмъ лѣтомъ. Зимой мускусовый запахъ слышенъ шаговъ на сто и болѣе; въ мѣсяцъ зубра онъ хотя слабъ, но все же чувствуется. Въ молоко зубрицъ также слышится этотъ запахъ.

Яръ или стечка зубровъ начинается, смотря по погодѣ, съ конца августа или начала сентября, т. е. (Далматовъ) въ жаркія лѣта ранѣе, въ холодныя позднѣе, и продолжается не болѣе двухъ (Далматовъ) или трехъ (Бринкенъ) недѣль. Во время стечки зубры всею красивѣе, шерсть ихъ лоснится и сами они сыты и жирны. Самцы въ это время особенно раздражительны, часто рогами взрываютъ корни молодыхъ деревьевъ и вытаскиваютъ ихъ изъ земли. Глазъ зубровъ постоянно красенъ какъ бы налитъ кровью, что впрочемъ всегда случается, когда они приходятъ въ ярость. Во время стечки и одиноцы сходятся со стадами, въ которыхъ конечно приносятъ болѣе вреда нежели пользы. Здѣсь

уже самцы не играют между собою, а бьются изъ за самокъ иногда до смерти. Понятно, что въ такихъ бояхъ большею частію одинцы остаются побѣдителями. Разогнавъ молодыхъ самцовъ и овладѣвъ самками, одинцы часто ломаютъ хребты послѣднимъ своею тяжестью. Вообще въ этихъ одинцахъ можно отчасти видѣть причину плохой плодливости самокъ, рѣдко когда зубрица бываетъ стельною разъ въ три года. Бывали случаи, что самки 12 и 13-лѣтняго возраста еще ни разу не были стельны. Понятно, молодые производители отгоняются, старые не всегда способны оплодотворять. Мнѣ кажется, что было бы даже полезно, въ видахъ сохраненія зубровъ, охотиться за одинцами, ибо они въ стадахъ зубровъ производятъ болѣе вреда нежели пользы. Самцовъ же много и безъ одинцовъ, вообще самцовъ больше чѣмъ самокъ. По окончаніи стечки одинцы снова оставляютъ стада и вновь начинаютъ свою одинокую жизнь.

Зубрица носитъ столько же, сколько и домашняя корова, т. е. ровно 9 мѣсяцевъ, слѣдовательно зубрицы телятся либо въ концѣ мая, либо въ началѣ іюня. Зимой зубры вообще имѣютъ скудный кормъ, по этому къ веснѣ значительно худѣютъ. Обстоятельство очень невыгодное для стельныхъ зубрицъ, которымъ нужна пища и для себя и для плода.

Передъ телиемъ зубрица удаляется отъ стада, заходитъ въ чащу и телится въ одиночку; причина этого удаленія неизвѣстна, но по аналогіи можно думать, что зубрицы скрываютъ телятъ отъ самцовъ. Самка никогда не приноситъ болѣе одного теленка. Двойни у зубровъ вещь доселѣ неслыханная. Новорожденный теленокъ дна два, три не встаетъ съ земли, на столько онъ слабъ; въ это время мать не отходитъ отъ теленка ни на минуту. Нежность матери къ новорожденному выше всякаго описанія и потому, кто захочетъ напасть на теленка въ это время, ибо зубрица уже не знаетъ страха и защищаетъ свое дѣтище до послѣдняго. Хищные звѣри, нападающіе на зубровъ и иногда одолаживающіе ихъ, и тѣ не смѣютъ подходить къ отелившейся зу-

брицѣ. Когда теленокъ совершенно обсохнетъ, онъ встаетъ, слѣдуетъ за каждымъ шагомъ матери, которая не оставляетъ его. Сначала теленокъ слабъ и мать нѣжно подгоняетъ его головой. Теленокъ долго находится подъ маткой, иногда по цѣлому году, иногда не болѣе 5 мѣсяцевъ, что зависитъ отъ того, спарится ли матка въ первую, слѣдующую за тельемъ осень. Телята-сосуны чрезвычайно красивы и рѣзвы. Мы уже говорили, что у зубрицъ вымя очень мало, но тѣмъ не менѣе онъ вѣроятно очень молочны послѣ телия, потому что пойманнымъ зубрятамъ, которыхъ поили коровьимъ молокомъ, едва доставало молока отъ двухъ обыкновенныхъ дойныхъ коровъ.

Зубръ растетъ довольно скоро и достигаетъ полного развитія на 6 или 7 году. Для прилода они уже годны на 3 году. Однакоже замѣчено, что самки обыкновенно приносятъ плодъ въ первый разъ на 6 году. Круглымъ числомъ самцовъ родится болѣе нежели самокъ, новыя невыгодныя условія для размноженія зубровъ. Можетъ быть причина этого, столь невыгоднаго обстоятельства у животнаго многоженнаго лежитъ также въ одинцахъ. Замѣчено въ скотоводствѣ, что отъ старыхъ быковъ и молодыхъ самокъ рождаются преимущественно бычки, напротивъ отъ молодыхъ самцовъ и вполне развитыхъ самокъ рождаются по преимуществу самки. Наконецъ, при соединеніи самцовъ и самокъ одинаковаго возраста, отъ молодыхъ получаютъ самки, отъ старыхъ самцы. Конечно нельзя считать этого правила безусловно вѣрнымъ, потому что, хотя наблюденій было сдѣлано громадное количество, но очень немногія изъ нихъ записаны, и потому очень немногія могли сдѣлаться данными для подобныхъ статистическихъ выводовъ. Если же это правило вѣрно, то вотъ еще новый вредъ отъ одинцовъ, которые вносятъ такую непропорціональность въ приплодъ у животныхъ, гдѣ одного самца достаточно для нѣсколькихъ самокъ.

Зубръ обыкновенно живетъ до 30—40 и даже до 50 лѣтъ. Размноженію зубровъ въ Бѣловъжской пушчѣ значительно мѣ-

шаютъ дикіе звѣри, а можетъ быть и человѣкъ. Понятно, что и дикіе звѣри и человѣкъ, нарушающій законы, преимущественно уничтожаютъ зубровъ молодыхъ, а изъ взрослыхъ самокъ чаще, нежели самцовъ. Взрослый самецъ по своей силѣ трудно одолевается звѣрами, по его масѣ трудно скрыть убіеніе его. Злѣйшими врагами зубра можно считать медвѣдя, который впрочемъ только изрѣдка заходитъ въ пушу, и въ особенности волковъ. Хитрые и умные волки соединяются цѣлыми стаями и дѣлаютъ правильныя облавы на зубровъ. Мнѣнія писателей о защитѣ зубровъ противъ волковъ расходятся между собой. Иные говорятъ, что зубры какъ и домашній скотъ собираются въ кучу, становятся въ кружокъ головами врозь и въ средину кружка закупаютъ телятъ. Волкамъ, вслѣдствіе ихъ хитрыхъ уловокъ, постоянно удается разбить такое каре и потомъ волки уже нападаютъ на отдѣлившуюся особь, вгрызаются ей въ животъ и остаются такимъ образомъ побѣдителями. Другіе писатели утверждаютъ, что потому волки и одолеваютъ зубровъ, что послѣдніе вовсе не защищаются взаимно, какъ домашній рогатый скотъ, т. е. не становятся кучками, а при самомъ началѣ нападенія разбѣгаются врозь, предоставляя каждой особи защищаться отъ нападающихъ, какъ умѣетъ. Такія нападенія хищниковъ на зубровъ по преимуществу бывають зимой по гололедицѣ. Волкамъ уже нечего бояться зубра, загнаннаго ими на ледъ, на которомъ зубръ скользитъ и не можетъ держаться устойчиво, а поэтому и не можетъ хорошо защищаться.

Не видавъ самъ такой защиты, я полагаю, что послѣднее мнѣніе вѣрно, на томъ основаніи, что при описаніяхъ охотъ на зубровъ разсказывается всегда, что, завидя собакъ, зубры разбѣгаются тотчасъ же, а не защищаются.

Какъ бы то ни было, но мы не знаемъ случаевъ, гдѣ бы волки или медвѣди напали на страшныхъ по своей силѣ и смѣлости одиночовъ, а слѣдовательно жертвою этихъ хищниковъ бывають только стадовые зубры и по преимуществу самки, какъ слабѣйшія,

что конечно мѣшаетъ размноженію. Достижшіе же полнаго возраста зубры въ большинствѣ случаевъ умирають отъ старости, которая обыкновенно выражается слѣпотой, полнымъ стираніемъ зубовъ, такъ что остаются лишь небольшіе колышки, едва выходящіе изъ десенъ. Драхльмій зубръ, отъ истощенія и невозможности достаточно питаться, издыхаетъ почти всегда съ голода.

Правительство, съ своей стороны принимаетъ самыя заботливыя мѣры для сохраненія въ Бѣловѣжской пушѣ зубровъ, этихъ сверстияковъ, уже многихъ, съ лица земли исчезнувшихъ, травоядныхъ животныхъ.

Правительственныя мѣры для сохраненія зубровъ состоятъ въ слѣдующемъ:

1. Ежегодно повѣряется число зубровъ и это перечисленіе ведетъ къ заключенію увеличивается ли населеніе, или уменьшается.

2. На зиму для зубровъ заготавливается сѣно, которое складывается въ различныхъ мѣстахъ пуши въ скирды, понятно, не огороженныя.

3. Лѣсной стражъ поручено бить вредныхъ хищныхъ животныхъ.

4. Стража обязана стараться о томъ, чтобъ зубры не выходили изъ пуши.

и наконецъ 5. За тайное, умышленное убіеніе зубра, виновный судится какъ за уголовное преступленіе, со взысканіемъ за каждаго убитаго зубра по 150 руб. сер.

Охоты на зубровъ весьма рѣдки, ибо съ 1803 года на каждую такую охоту требуется особое Высочайшее повелѣніе.

Изъ этихъ предохранительныхъ мѣръ, кажется, одна совершенно излишня. Именно—мѣра о недопущеніи зубровъ переходить въ другія мѣстности. Всѣ писатели указываютъ на особую черту въ образѣ жизни зубровъ, именно на особую привязанность къ своему мѣсту жительства. Нужны усилія со стороны человѣка, чтобы перегнать и переселить зубровъ изъ одной мѣстности въ другую. Это свойство зубровъ многіе старались объяснить осо-

беннымъ свойствомъ травъ, растущихъ въ бѣловѣжской пущѣ и во всѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ водились зубры прежде. Изъ всѣхъ злаковъ свое вниманіе обратили писатели на *Anthoxantum odoratum* и на *Hierochlea borealis*, точно такъ же какъ и на *Holcus odoratus*. Впрочемъ едва-ли эти травы имѣютъ такое огромное влияние на географическое размѣщеніе зубровъ, такъ *Anthoxantum odoratum* (томка), по мнѣнію Брингена и нѣкоторыхъ другихъ писателей, растетъ въ бѣловѣжской пущѣ очень обильно, по мнѣнію другихъ, напр. Д. Я. Далматова, растетъ тамъ въ количествѣ весьма скудномъ. Два остальныхъ злака правда называются въ тѣхъ мѣстностяхъ зубровкой, туровкой и т. д., правда, что эти травы зубры ѣдят охотно, но правда и то, что разселеніе всѣхъ этихъ трехъ злаковъ далеко не ограничивается пущей.

Д. Я. Далматовъ говоритъ, что зубры такъ постоянно держатся въ извѣстныхъ мѣстностяхъ, что выходятъ изъ пущи развѣ лишь старые, слѣбые единцы, сбившіеся съ дороги.

Весьма интересенъ способъ, какимъ производится исчисленіе, находящихся въ бѣловѣжской пущѣ зубровъ.

Такъ какъ зубры держатся, какъ ужъ говорилось нѣсколько разъ, почти въ однихъ и тѣхъ же мѣстностяхъ, то стражникамъ всегда приблизительно извѣстно число зубровъ, живущихъ въ томъ или другомъ околodкѣ, но съ выпаденіемъ снѣга сокращается пищевая матеріалъ зубровъ и имъ приходится искать себѣ пищи и потому дѣлать переходы. Этимъ-то обстоятельствомъ и пользуются для перечисленія зубровъ. По первой порошѣ всѣ стрѣлки вмѣстѣ съ стражниками около 9 часовъ утра дѣлаютъ свои обходы и считаютъ свѣжіе слѣды зубровъ, возвращающихся отъ сѣнныхъ стоговъ, замѣчая при этомъ слѣды зубровъ, перешедшихъ случайно за границу такого обхода. Такъ какъ по слѣду легко можно узнать зубровъ однолѣтковъ отъ зубровъ болѣе стараго возраста, то при печисленіи отмѣчается и число однолѣтковъ. По окончаніи обхода, стрѣлки о своихъ частныхъ результатахъ доносятъ каждый своему стражнику, а послѣдніе рапортуяють лѣс-

ничему, который и составляетъ общую вѣдомость. Подлинныя рапорты стражниковъ хранятся при дѣлахъ.

Понятно, что такой счетъ можно считать лишь весьма приближительнымъ и на 1000 головъ можно считать ошибку въ 50 головъ даже незначительною, что конечно будетъ зависть отъ большей или меньшей удачи, отъ большаго или меньшаго количества зубровъ, переходящихъ изъ границъ одного обхода въ границы другаго.

Однакоже, несмотря на такую неточность исчисленія, зависящую отъ самаго способа исчисленія, цифрами этими пренебрегать не слѣдуетъ, ибо на основаніи ихъ можно видѣть уменьшается ли общее количество зубровъ или оно увеличивается.

Въ 1824 году въ Бѣловѣжской пущѣ было всего около 500 зубровъ. Въ 1830 году это число возрасло до 700.

Съ 1831 года по 1860 мы имѣемъ официальные свѣдѣнія, напечатанныя въ описаніи императорской охоты, бывшей въ 1860 году; вотъ они:

Годъ.	Число старыхъ зубровъ.	Число новорожденныхъ телятъ.	Зубры, убитые по Высочайшему повелѣнію.	Изошло отъ старости.	Зарѣзано волками.	Задрано медвѣдами.
1832	712	58	—	—	—	1
1833	715	53	—	4	8	—
1834	757	53	—	11	3	—
1835	777	68	—	4	3	—
1836	780	78	—	6	6	—
1837	802	58	—	9	1	—
1838	852	54	—	4	3	—
1839	886	46	—	17	—	—
1840	782	35	1	8	6	—
1841	875	71	3	5	3	1
1842	—	—	—	5	1	—
1843	875	109	—	3	1	—
1844	—	—	3	4	2	1

Годъ.	Число старыхъ зубровъ.	Число поворожденныхъ телятъ.	Зубры, убитые по Высочайшему повелѣнію.	Издохло отъ старости.	Зарѣзано волками.	Задрано медвѣдами.
1845	945	80	—	6	3	—
1846	1018	77	—	3	5	5
1847	—	—	8	6	—	—
1848	1156	108	—	—	—	—
1849	1254	100	—	5	5	—
1850	1390	170	—	6	5	4
1851	1552	90	2	4	2	—
1852	1600	148	—	5	2	—
1853	1642	160	1	3	1	—
1854	1655	169	—	4	—	—
1855	—	1824	частности неизвѣстны.			
1856	—	1771				
1857	—	1898				
1858	—	1434				
1860	—	1575				

Изъ этой таблицы ясны невѣрности въ счетѣ зубровъ. Возьмемъ напр. хоть 1839 годъ, старыхъ зубровъ 886, молодыхъ прибавилось 46, всего слѣдовательно 932, изъ нихъ убыло 17, стало бытъ къ 40 году должно остаться 915, а подъ 1840 годомъ видимъ всего 782. Далѣе къ этому числу въ 40 году прибавилось 35, итого 817, убавилось 15, слѣдовательно въ 41 году можемъ ожидать всего старыхъ зубровъ 802 головы, а ихъ показано 875.

Впрочемъ вообще изъ прилагаемой таблицы видно, что число зубровъ, несмотря на колебаніе чиселъ, все-таки возрастаетъ въ Бѣловѣжской пущѣ.

Изъ всѣхъ взятыхъ правительствомъ мѣръ можно заключить, что существованіе зубровъ въ Бѣловѣжской пущѣ болѣе или менѣе обезпечено, если только зубръ не подлежитъ вымиранию, т. е. естественной смерти цѣлаго вида, смерти на столько же естественной, на сколько естественна смерть каждой особи.

Мнѣ казалось бы, что къ числу правительственныхъ мѣръ, принятыхъ для сохраненія зубра, нужно прибавить еще одну, именно правильныя охоты на одиноковъ, что, по моему мнѣнію, должно повести къ большому количеству оплодотворяющихся самокъ, а съ другой стороны и къ уничтоженію излишнихъ, и такъ въ большомъ количествѣ нарождающихся самцовъ.

Болѣзнямъ мало подвержены зубры; повальныхъ болѣзней, какъ въ рогатомъ скотѣ, несмотря на частыя соприкосновенія зубровъ съ домашнимъ скотомъ, въ Бѣловѣжской пущѣ не слышано, хотя надежи скота въ самой пущѣ и ея окрестностяхъ весьма перѣдки. Д. Я. Далматовъ считаетъ извѣстіе, что въ 1599 году зубры все издохли въ Яктуровской пущѣ, близъ Варшавы, отъ моровой язвы, занесенной къ нимъ домашнимъ скотомъ, весьма сомнительнымъ тѣмъ болѣе, что, при встрѣчѣ со стадомъ домашнего рогатого скота, зубры постоянно уступаютъ дорогу, развѣ только изрѣдка, во время стечки, разъяренные зубры-самцы вступаютъ въ смертельный бой съ домашними быками, считая послѣднихъ своими соперниками.

V.

Зубръ въ неволѣ.

Давно существовалъ обычай дарить рѣдкихъ звѣрей звѣринцамъ, принадлежащимъ царственнымъ особамъ, и ученымъ музеямъ. А такіе звѣринцы существовали при всѣхъ почти сколько-нибудь значительныхъ дворахъ со временъ знаменитаго Амстердамскаго звѣринца, принадлежавшаго штатгутерамъ голландскимъ. Зубры, въ свою очередь, дарились какъ животное въ Европѣ давно уже рѣдкое, уже съ XVI вѣка находящееся какъ бы въ вымирающемъ состояніи, и сохраняющееся только въ Литовско-Польско-Прусскихъ лѣсахъ. Передъ тѣмъ какъ размышлять зубровъ въ подарки, ихъ выдерживали нѣсколько времени въ собственныхъ охотничьихъ паркахъ или звѣринцахъ, и въ этихъ-то паркахъ впервые

видѣли зубровъ пменитые путешественники какъ напр. Герберштейнъ и другіе. Для зубра особенно важны были сначала XVIII столѣтія два громадныхъ звѣрища. Одинъ изъ нихъ еще доселѣ существуетъ, это Шенбрунъ близъ Вѣны; другой нынѣ уничтоженный, но некогда знаменитый охотничій паркъ Королей Польскихъ, близъ Кенигсберга. Въ настоящее время, относительно зубра, такіе охотничьи парки и звѣринцы царствующихъ особъ въ большинствѣ случаевъ замѣнились зоологическими садами. Во многихъ изъ нихъ живалъ зубръ, во многихъ живетъ еще доселѣ, а поэтому, казалось бы, что образъ жизни зубровъ въ неволѣ предметъ очень извѣстный, и наблюденій надъ нимъ сдѣлано и описано очень много. Однакоже свѣдѣнія наши по этому предмету болѣе нежели ограничены. Я постарался собрать все, что извѣстно о зубрахъ, содержащихся въ неволѣ.

Въ 1729 году Гр. Кенигзекъ прислалъ изъ Седмиградской области зубра-самца въ подарокъ Австрійскому двору. Это былъ послѣдній или по крайней мѣрѣ одинъ изъ послѣднихъ зубровъ, жившихъ въ той мѣстности. Марсель де Серръ въ своемъ описаніи Шенбрунскихъ садовъ говоритъ объ этомъ зубрѣ, который еще жилъ въ началѣ нашего столѣтія. Ни объ правахъ его, ни объ способѣ содержанія его тамъ не записано ничего.

Мы знаемъ, что изъ Кенигсбергскаго звѣрища была въ 1717 году подарена пара зубровъ Ландграфу Карлу Гессенкассельскому, знаемъ, что въ 1726 году пара зубровъ подарена была Георгу 4-му, Королю англійскому, а въ 1738 году нѣсколько зубровъ подарены были Императрицѣ Аннѣ Иоановнѣ. Но жизнь ихъ въ неволѣ осталась безслѣдною, лишь Палласъ сохранилъ (Nordische Beyträge т. I ст. 6) размѣры двухъ зубровъ изъ подаренныхъ Королемъ Прусскимъ, и павшихъ въ 1739 году будто бы отъ моровой язвы (описаніе размѣровъ было сдѣлано прозекторомъ С.-Петербургской Академіи Вильде). Въ повѣйшее время мы имѣемъ свѣдѣнія о зубрахъ въ Лондонѣ, Парижѣ, Берлинѣ, Гатчинѣ, Шенбрунѣ, Кельнѣ, Дрезденѣ и Москвѣ. Кромѣ того относитель-

но прирученія зубровъ намъ остались свѣдѣнія Жилибера и драгоцѣнная записка Д. Я. Далматова, напечатанная въ *Современникъ* за октябрь 1848 года.

Зубры плодились до сихъ поръ только въ Царскомъ селѣ, Шенбрунѣ, Гатчинѣ и Московскомъ зоологическомъ саду.

Зубръ въ неволѣ, даже въ тѣснотѣ, можетъ жить по-долгу. Бывали примѣры, что зубры проживали въ неволѣ слишкомъ по 20 лѣтъ. Зубръ живетъ и довольствуется травою лѣтомъ и сѣномъ зимою. Обыкновенно прибавляютъ къ сѣну небольшое количество овса. Зубры скоро привыкаютъ къ человѣку, который за ними ходитъ; но какъ почти всѣ писатели утверждаютъ, — на нихъ никогда положиться нельзя, ибо зубры могутъ вдругъ приходить въ ярость, и тогда жизнь человѣка находится въ опасности. Пойманный молодымъ, зубренокъ какъ будто бы становится доврчивымъ, но съ возрастомъ эта доврчивость пропадаетъ, и, казавшійся прирученнымъ, зубръ снова дѣлается дикаремъ, лишь сознаетъ свою силу. Понятно, что при такихъ условіяхъ трудно рѣшиться воспитывать зубровъ, хотя съ молодыхъ лѣтъ, держа на стойлѣ какъ обыкновенный рогатый скотъ. И домашнимъ быкамъ приходится часто для отвращенія опасности продѣвать кольца въ носовую перегородку и набивать на рога деревянные колодки. Буйволъ въ Европѣ водится только въ домашнемъ состояніи, но и того далеко нельзя считать совершенно прирученнымъ. Съ зубромъ затрудненія значительно увеличиваются. Кажется, что относительно зубровъ, какъ и относительно всѣхъ членовъ семейства Bovidae, дѣло состоитъ въ слишкомъ маломъ развитіи умственныхъ способностей, при чрезвычайномъ развитіи силы физической. Приручимость взрослыхъ зубровъ неидетъ далѣе того, что они допускаютъ человѣка чесать ему лобъ; и зубръ не скоро привыкаетъ къ своей кличкѣ. Изъ двухъ зубровъ Кельнскаго сада, несмотря на то, что они родились въ Шенбрунѣ, слѣдовательно въ неволѣ, только одинъ зналъ свое имя.

Главная черта зубровъ въ неволѣ — это привычка зубровъ къ

одному мѣсту. Чуть только нужно перемѣстить уже до извѣстной степени прирученныхъ зубровъ съ одного мѣста на другое, необходимо употреблять насиліе, т. е. перегонять зубровъ нельзя, перевозить можно. При этомъ замѣчено, что зубръ, уже привыкшій къ народу, допускающій къ себѣ прислужника, будучи перевезенъ на другое мѣсто, снова становится дикимъ, снова становится опаснымъ даже для человѣка, который за нимъ ходитъ.

Жилиберъ утверждаетъ, что зубры, какъ въ дикомъ своемъ состояніи, такъ и въ неволѣ не терпятъ сообщества домашняго скота. Вотъ наблюденія Жилибера:

Въ Бѣловѣжской пушчѣ поймано было два теленка (самки) семинедѣльнаго возраста. Ихъ подпустили къ домашней коровѣ, но они никакъ не хотѣли сосать молоко: Перемѣстивъ зубрять въ другое мѣсто и подпустили къ нимъ козу, козу они стали сосать, вѣроятно побуждаемые къ тому голодомъ. Едва насытившись, зубрята съ презрѣніемъ оттолкнули отъ себя козу. Въ скоромъ времени этихъ зубрять принуждены были кормить мукой и очищеннымъ овсомъ. Жилиберъ приобрѣлъ одну изъ этихъ зубрицъ и наблюдалъ надъ нею въ теченіи трехъ лѣтъ. Всякій разъ, какъ домашняя корова подходила къ этой зубрицѣ, послѣдняя приходила въ ярость. Достигнувъ двухлѣтняго возраста, она пришла въ охоту, къ ней подпустили прекраснаго домашняго быка. Зубрица тотчасъ же сломала перегородку, отдѣляющую ее отъ быка, съ бѣшенствомъ напала на него и выгнала его изъ стойла.

Такъ какъ эта зубрица была поймана въ возрастѣ чрезвычайнаго пѣжноты, то легко привыкла къ людямъ, за ней ходившимъ, даже иногда лизала ихъ, но все-таки не потеряла всей своей дикости. Нужно было удерживать ее, чтобы она не бросалась на постороннія лица, которыя приближались къ ней. Вообще она нерѣдко приходила въ ярость безъ всякой на то видимой причины.

Таковы наблюденія Жилибера, на основаніи которыхъ онъ утверждаетъ, что скрещиваніе зубра съ домашнимъ скотомъ рѣшительно невозможно. Кажется однакоже, что, несмотря на вѣр-

ность наблюденій Жилибера, выводы его преждевременны. Можетъ быть онъ просто не сумѣлъ принятъ за дѣло.

Въ 1846 году знаменитый геогностъ Мурчисонъ выпросилъ у покойнаго Императора пару взрослыхъ зубровъ для Лондонскаго зоологическаго сада. Имѣя въ виду, что только-что пойманные зубры нерѣдко умирали послѣ ихъ переселенія въ новую мѣстность, тогдашній Министръ Государственныхъ Имуществъ П. Д. Киселевъ, по предложенію губернскаго лѣсничаго Д. Я. Далматова, поручилъ послѣднему поймать три пары молодыхъ зубровыхъ телятъ, съ тѣмъ чтобы послѣ годичнаго воспитанія при домѣ лѣсничаго одну пару отправить въ Лондонъ, вторую въ Царское Село, а третью держать на мѣстѣ для наблюденій за дальнѣйшими успѣхами прирученія.

Вслѣдствіе этого распоряженія Д. Я. Далматовъ поймалъ 6 молодыхъ зубрять, изъ которыхъ старшему было 15 мѣсяцевъ, младшему не болѣе 2 дней, а остальнымъ четверымъ около 3 мѣсяцевъ.

Двухдневнаго зубренка тотчасъ же припустили къ домашней коровѣ (она цвѣтомъ шерсти много походила на зубрицу). Зубренокъ немедленно сталъ сосать корову, а послѣдняя стала ласкаться своего пріемыша, какъ собственнаго теленка. На шестой день зубренокъ палъ отъ какого-то желвака на горлѣ, съ которымъ былъ пойманъ. Трехмѣсячныя зубрята, за исключеніемъ одного, также стали сосать приставленныхъ къ нимъ коровъ. Непринимавшійся за вымя зубренокъ сначала лизалъ коровье молоко съ рукъ человѣка, а потомъ сталъ пить молоко, наливаемое въ лахани, что стали дѣлать и для другихъ зубрять. Они, вылизавъ до чиста лахани, обыкновенно облизывали другъ другу морду, изъ чего конечно слѣдуетъ, что коровье молоко не только непротивно, но нравится зубрамъ. Каждый зубренокъ выпивалъ молоко отъ двухъ хорошихъ крестьянскихъ коровъ.

Уже чрезъ нѣсколько дней зубрята обручѣли, такъ что ихъ можно было выпустить на свободу изъ сарая. Здѣсь они постоян-

сиво и прекрасное сѣяное сѣно. Изрѣдка даютъ тамъ съ гигиеническою цѣлью небольшое количество омелы. Лѣсничій Дебертъ выбралъ для привоза въ Москву молодыхъ зубровъ, которыхъ поймать было вовсе нелегко, хотя зубры подпускали къ себѣ на пространство довольно близкое заготовлявшихъ имъ кормъ прислужниковъ. Дебертъ рассказывалъ, что загнать зубровъ въ большіе ящики не было возможности и потому онъ произвелъ ловлю слѣдующимъ образомъ. Крѣпкіе ящики, назначенные для перевозки зубровъ, были сдѣланы такой величины, чтобы въ каждомъ изъ нихъ могъ помѣститься зубръ, даже прилечь, но не могъ бы ни повернуться, ни слѣдовательно лечь на бокъ. Въ переднемъ концѣ ящика сдѣлана кормушка, вся боковая сторона на петляхъ откидывалась внизъ. Приготовивъ все такимъ образомъ и вложивъ корма въ кормушку на все время проѣзда, стали ловить зубра. На концѣ длиннаго каната была сдѣлана мертвая петля, за другой конецъ его держало 15 человекъ. Одинъ изъ прислужниковъ накинулъ петлю на самца. Зубръ, почувствовавъ петлю, такъ рванулся, что все 15 человекъ упали на землю, но петля затянулась и зубръ захрипѣлъ, тогда ремнемъ стянули переднія ноги, другимъ ремнемъ стянули заднія и третьимъ ремнемъ связали первый ремень со вторымъ, однимъ словомъ зубру связали ноги такъ, какъ связываютъ ихъ у овецъ. Отпустивъ не много петлю на шеѣ и держа зубра за рога, положили его на боковую, опущенную крышку ящика, такъ что ноги были обращены ко дну ящика и голова обращена была къ концу, гдѣ находилась кормушка. Конецъ петли былъ пропущенъ въ небольшое окно, сдѣланное въ той же крышкѣ, чтобы можно было снять петлю съ боку даже въ закрытомъ ящикѣ. Ноги распутали и разомъ подняли крышку вмѣстѣ съ зубромъ и первую заперли крючками. Такимъ образомъ зубръ разомъ очутился на ногахъ въ запертомъ ящикѣ. Петлю сняли и все было готово. Въ этихъ ящикахъ зубры доставлены въ Москву. Здѣсь приготовленное имъ мѣсто, по осмотру Деберта, оказалось слишкомъ некрѣпкимъ (въ

Москвѣ ожидали зубровъ ручныхъ) и потому пришлось пробыть зубрамъ въ ящикѣ еще три дня, пока подъ руководствомъ Деберта не устроено было новое помѣщеніе. Для зубровъ толстыми барочными досками въ столбахъ отгорожено было мѣсто въ 28 квадратныхъ сажень, вышиною въ $4\frac{1}{2}$ аршина. По серединѣ этого помѣщенія проходила глухая перегородка; двѣ калитки изъ каждаго помѣщенія отдѣльно, предназначенныя для вноса корма и выпуска животнаго, отворялись внутрь стойла. Когда одинъ прислужникъ вносилъ кормъ, который ставился вблизи отъ дверей, калитка оставалась полуотворенною и у нея стоялъ другой прислужникъ, который могъ бы ее захлопнуть мгновенно. Для чистки и пошенія сѣна по средней перегородкѣ, раздѣлявшей помѣщеніе зубровъ на два, былъ наложенъ череходъ въ двѣ доски шириной. Публика могла смотрѣть на зубровъ сверху съ балкона, устроеннаго на гимнастикѣ, уже прежде помѣщавшейся въ экзерциргаузѣ.

Ящики съ зубрами были подведены къ самымъ калиткамъ и поэтому для выпуска зубровъ не было никакихъ затрудненій. Самка вошла въ свое помѣщеніе тотчасъ же какъ открыли ящикъ. Самца дожидались долго. Прислужникъ вздумалъ залѣзть на верхъ ящика и слегка ударить зубра, чтобы онъ поскорѣе взшелъ въ помѣщеніе, зубръ мгновенно пришелъ въ ярость и началъ бить рогами въ ящикъ, отъ котораго не отходилъ и къ которому все плотнѣе прижимался. Простоявъ такимъ образомъ около полутора часа, зубръ наконецъ вошелъ въ свое помѣщеніе. Во все время выставки, продолжавшейся около 4 недѣль, зубры не переставали дичиться и до конца не привыкли къ посетителямъ, постоянно хрючали и безокопались, что вновь доказываетъ особенную привычку зубровъ къ постоянному своему мѣстопробыванію. Прислужка была та же, что и въ Гатчинѣ, но зубры далеко не смотрѣли на нее такъ доврчиво въ Москвѣ, какъ смотрѣли на нее тамъ. По окончаніи выставки зубровъ снова посадили въ ящики, разсказаннымъ нами способомъ, причемъ самецъ долго не давался накинуть на себя петлю, очевидно онъ помнилъ ловлю въ Гат-

чинѣ. Въ Москвѣ я замѣтилъ, что зубры входили въ ярость безъ всякой видимой на то причины, здѣсь впервые познакомились мы и съ громадностью прыжковъ, которые могутъ дѣлать зубры (объ этомъ было говорено), и съ необыкновенною ихъ силой, что послужило полезнымъ урокомъ для будущаго. Гатчинскіе зубры отправились обратно. По полученнымъ извѣстіямъ зубры довольно долго дичились и не свыкались съ жизнью, къ которой въ теченіе 4 лѣтъ совершенно было привыкли. Впрочемъ недѣли черезъ двѣ одичалость ихъ прошла. Въ 1864 году въ Гатчинѣ отеллилась зубрица.

Велѣдствіе ходатайства Великаго Князя Николая Николаевича и Министра Государственныхъ Имуществъ А. А. Зеленаго, Государь разрѣшилъ въ концѣ іюля мѣсяца поймать въ Бѣловѣжской пущѣ для Московскаго зоологическаго сада одного самца и двухъ-зубровъ. Отправивъ двухъ прислужниковъ въ Бѣловѣжскую пущу для приемки и препровожденія зубровъ въ Москву, Управленіе зоологическаго сада тотчасъ же приступило къ устройству помѣщенія для зубровъ.

На новой насыпи огорожено около 400 квад. сажень толстою бревенчатою изгородью, столбы этой изгороди на 2 аршина врыты въ землю и поддержаны въ землѣ же находящимися контрфорсами. Въ этой изгороди въ $4\frac{1}{2}$ аршина вышиной съ лицевой стороны сдѣлано двое воротъ для впуска зубровъ, а съ противоположной стороны двѣ небольшія калитки для входа прислужниковъ. По срединѣ и поперекъ огороженнаго мѣста поставленъ плетневый обширный, крытый соломой сарай, разгороженный по срединѣ бревенчатою перегородкой. Въ эти два отдѣленія сарая сдѣлано два входа съ двухъ сторонъ. Наконецъ, съ той стороны, гдѣ находятся калитки, сдѣланы бревенчатые ворота, отпирающіяся и запирающіяся особымъ способомъ снаружи, и когда они заперты, то все огороженное пространство раздѣлено сараемъ и ими на два отдѣльныхъ двора съ отдѣльными помѣщеніями для зубровъ. Предположено было впустить зубровъ на одинъ дворъ,

заготовить имъ кормъ на другомъ дворѣ, куда и перепустить ихъ черезъ открывающіяся снаружи ворота. На слѣдующій день приготовить кормъ на первомъ дворѣ и перепустить туда зубровъ, тогда второй дворъ, оставшійся свободнымъ, можно чистить безопасно.

Люди, посланные въ Бѣловѣжскую пущу, нашли тамъ нѣсколько зубровъ, уже загнанныхъ въ большое огороженное пространство, которое было устроено для бывшей царской охоты въ 1860 году. Эта загородь къ одному концу суживается въ корридоръ, въ которомъ зубры по одиночкѣ могутъ проходить, но не могутъ обертываться назадъ. Въ концѣ корридора ставились заранѣе заготовленные ящики и вогнаннаго въ нихъ зубра закрывали опускною сверху и въ пазахъ ходящею дверцей. Такимъ образомъ поймали трехъ зубровъ самца 3 лѣтъ, 7-ми-лѣтнюю самку съ 4-хъ-мѣсячнымъ теленкомъ, также самкой. Эти зубры были доставлены въ Москву и впущены въ устроенное для нихъ помѣщеніе. Ожиданіе Управленія оправдалось. Перегонять зубровъ изъ одного дворика въ другой, кормить зубровъ и чистить свободные дворы оказалось удобнымъ и безопаснымъ. Привезенные зубры отъ дороги исхудали, самецъ въ особенности, такъ что онъ долго не могъ поправиться. На дворахъ насыпаны были довольно большія кучи песку, которыя зубры разрываютъ и въ которыхъ валяются. Относительно корма сначала Управленіе было въ затрудненіи, ибо привезенные зубры далеко не ѣли всякое сѣно. Сѣяннаго (тимоеевку) они рѣшительно не стали ѣсть, а ѣли очень хорошо лѣсное сѣно, тогда какъ гатчинскіе зубры, бывшіе на выставкѣ, ѣли только сѣянное сѣно. Овса обмолоченнаго также зубры не ѣли, хотя ѣли съ удовольствіемъ овесъ въ снопахъ, отбрасывая солому и съѣдая одинъ колосъ. Впрочемъ черезъ нѣсколько дней зубры привыкли и стали ѣсть очень охотно, а въ настоящее время предпочитаютъ сѣну, густое мѣсиво изъ отрубей съ прибавкою овса.

Привезенные зубры не очень были дики и довольно скоро при-

выкли къ служителю, который въ настоящее время входитъ къ нимъ въ помещеніе. Самка была дичье, чѣмъ самецъ. Смирность этихъ животныхъ мнѣ кажется всего легче объяснить не столько характеромъ ихъ, сколько усталостью отъ дороги и бѣльшимъ довольствомъ, которое нашли они въ Московскомъ зоологическомъ саду, не только сравнительно съ тѣснымъ дорожнымъ ящикомъ, но и съ пребываніемъ въ Бѣловѣжской пущѣ, гдѣ кормъ вовсе не обилень.

На это указываетъ слѣдующее обстоятельство, объ которомъ говоритъ Д. Я. Далматовъ въ своей статьѣ, напечатанной въ Современникѣ (1. с.). Хромой, больной зубръ въ 1840 г. у Скродскаго ходилъ вмѣстѣ съ домашними коровами во дворъ лѣсничаго пить барду.

Вообще мы знаемъ, что лучшимъ средствомъ для укрощенія дикихъ животныхъ (львовъ, тигровъ и пр.) или вѣрнѣе лучшимъ средствомъ, чтобы отнять у нихъ энергію, считается голодь и продолжительная бессонница, слѣдовательно вообще изнуреніе.

Теленокъ до сихъ поръ еще находился подъ матерью, хотя съ удовольствіемъ ѣлъ мѣшво и поцемигу сѣна.

Въ Москвѣ устраивалась Всероссийская выставка Сельскаго Хозяйства и Промышленности къ осени нынѣшняго 1864 года. Комитетъ выставки отнесся по этому поводу между прочимъ и къ статистическимъ комитетамъ всѣхъ российскихъ губерній. На такое заявленіе Гродненскій Губернскій Статистическій Комитетъ, отъ 24-го мая 1864 года, сообщилъ, что въ числѣ предметовъ, приготовляемыхъ по Гродненской губерніи для выставки, найдено возможнымъ доставить въ Москву зубра, зубрицу и ублюдка, происшедшаго отъ смѣшенія зубра съ домашнимъ скотомъ.

Къ сожалѣнію, въ первыхъ числахъ сентября изъ этихъ животныхъ палъ ублюдокъ, заразившись отъ домашняго скота, съ которымъ ходили какъ этотъ ублюдокъ, такъ и упомянутые выше пара зубровъ, на послѣднихъ зараза вовсе не подѣйствовала. Эти зубры прибыли въ концѣ сентября въ Москву, помещены были

на выставкѣ скотоводства, по окончаніи которой, вслѣдствіе распоряженія Министра Государственныхъ Имуществъ, сдѣлался собственностію Московскаго зоологическаго сада.

Исторія сказанныхъ зубровъ чрезвычайно интересна, ибо это именно тѣ зубры, которые телятами были пойманы въ Бѣловѣжской пущѣ въ 1847 году, переданы были Леопольду Валицкому, гдѣ зубръ спарился съ домашнею коровою, отелившеюся въ 1849 году ублюдомъ. И зубры, и ублюдокъ перешли потомъ въ имѣніе гр. Платера, а по конфискаціи его снова возвратились въ вѣдѣніе Министерства Государственныхъ Имуществъ.

Казалось, слѣдовало бы ожидать полнѣйшаго прирученія этихъ зубровъ, ибо самецъ съ пятнадцатимѣсячнаго до пятнадцатилѣтняго возраста былъ въ неводѣ, а самка четырнадцать лѣтъ почти со дня своего рожденія. Не держали ихъ отдѣльно отъ домашняго скота, съ которымъ ходили лѣтомъ на пастбище, возвращаясь на ночь ежедневно въ стойла. Однакоже одичалость этихъ зубровъ вовсе не прошла. Когда изъ ящиковъ ихъ высидили въ приготовленное для нихъ помещеніе на выставкѣ, то самецъ, немного отдохнувъ отъ дороги, сдѣлался такъ золь и дикъ и на столько не привыкалъ къ посѣщавшей публикѣ, что двое стражниковъ, присланныхъ изъ Бѣловѣжской пущи для ухода за зубрами, не осмѣливались входить къ нимъ въ помещеніе, а давали кормъ и по возможности чистили сверху, проходя по доскамъ, насланнымъ надъ помещеніемъ именно съ этою цѣлію. Можетъ быть такая дикость самца происходила именно отъ времени года, т.-е. отъ времени стечки, и дѣйствительно самецъ съѣлъ на зубрицу во время самой выставки.

По окончаніи выставки зубрица безъ всякаго затрудненія вошла въ клѣтку, но съ зубромъ поблизь. Въ этихъ клѣткахъ перевезли зубровъ въ зоологическій садъ, гдѣ тотчасъ же ихъ впустили въ помещеніе другихъ зубровъ.

Зубрица вышла изъ клѣтки на дворикъ довольно смирно, но самецъ буквально выпрыгнулъ изъ клѣтки и сдѣлалъ нѣсколько

бруговъ вокругъ всего дворика, и когда спустили вновь прибывшихъ зубровъ съ прежде тамъ бывшими, то самецъ нѣсколько разъ хотѣлъ напасть и принимался бросаться на молодого трехлѣтняго самца. Новые прїѣзжіе скоро свыклись съ московскимъ кормомъ и мѣсиво такъ имъ понравилось, что старый самецъ началъ отгонять отъ корма всѣхъ другихъ зубровъ, тогда стали давать мѣсиво въ 4 отдѣльныхъ лоханяхъ, послѣ чего всѣ зубры стали жить очень мирно между собой.

Старый зубръ и въ зоологическомъ саду по крайней мѣрѣ дѣли двѣ не привыкалъ къ публикѣ. Стоило подойти посетителю къ загороду, какъ онъ уже начиналъ хрючать и глаза его начинали наливаться кровью. Съ каждымъ днемъ онъ становился ручнѣе, и прислужникъ сталъ входить въ помещеніе зубровъ.

Зубры дѣйствительно стали ручнѣе, каждый зубръ позволяетъ себѣ чесать лобъ и при этомъ даже выражаетъ нѣкоторое удовольствіе. Ни музыка, ни толпы проходящаго народа нисколько не тревожатъ ихъ. У зубровъ три забавы—это мѣрить силу своихъ лбовъ и роговъ, копаться въ песокѣ и бѣгать другъ за другомъ какъ въ манежѣ вокругъ загороди. Молодая самка, привезенная изъ Бѣловѣжской пуши, уже обломилла конецъ лѣваго рога. Уставятся два зубра другъ противъ друга, сѣплятся рогами, и долго стоя на одномъ мѣстѣ, пруть другъ друга лбами, пока слабѣйшій наконецъ не отступитъ. Или вдругъ зубръ, вовсе не разсердившись, начинаетъ бить рогами въ загородъ или плетневой сарай. Раздергать плетень сарая очевидно кажется дѣломъ чрезвычайно веселымъ для зубра. Весь сарай раздерганъ. Зубръ взоткнетъ рогъ между прутьями плетня, подниметъ вдругъ голову и вытащитъ двѣ три вѣтки, но вѣтвей этихъ хотя бы и свѣжихъ зубры не ѣдятъ, отсюда слѣдуетъ, что зубры объѣдаютъ кустарникъ въ Бѣловѣжской пушѣ только по недостатку другаго корма. Сѣно въ последнее время стало прїѣдаться зубрамъ, но за то мѣсиво изъ отрубей кажется имъ чрезвычайно лакомымъ и они ѣдятъ его съ жадностію. Разрывать кучи песка и

валаться въ песокѣ кажется даже не забава для зубровъ, а необходимость. Не только лѣтомъ, но и зимой они взрываютъ кучи и вываливаются въ нихъ. Лѣтомъ имъ нѣсколько времени не давали свѣжаго песка и они сами нарыли себѣ большія ямы на своихъ дворикахъ. Зубръ роетъ яму съ какимъ-то озлобленіемъ, въ теченіе какой-нибудь 1½ минуты, при мѣѣ, зубръ, вырылъ передними ногами круглую яму аршина въ 2 въ поперечникѣ и около аршина глубиной. Вырывъ яму, зубръ бросается въ нее бокомъ и потомъ валается въ ней, поднимая ноги кверху, совершенно какъ лошадь. До грязи зубры не охотники и въ дождливую погоду кучи песка не разрываются. Если зубръ разсердится, то тотчасъ же начинаетъ рыть землю копытами. Бѣганіе вокругъ загороди бываетъ обыкновенно часовъ около 11 утра, когда наѣдятся, или вечеромъ на солнечномъ закатѣ. Обыкновенно бѣготню начинаютъ молодые. Молодой зубръ какъ безумный выскакиваетъ изъ сарая, бѣжитъ къ загороду, круто повертывается и снова скачетъ въ сарай. Его примѣру слѣдуютъ другіе. Сначала всѣ зубры слоняются изъ угла въ уголь, въ ихъ движеніяхъ незамѣтно никакого общаго порядка, но мало по малу они начинаютъ бѣгать другъ за другомъ, такъ что бѣганіе ихъ принимаетъ видъ манежной ѣзды около барьера. Галопъ зубра вовсе не похожъ на скокъ домашнихъ коровъ, когда напримѣръ послѣднія скачутъ къ водѣ, въ зубринномъ галопѣ есть что-то лошадиное, неуклюжести вовсе нѣтъ. Вѣроятно красивость скока обусловливается особенной складностію голени зубра сравнительно съ голенью домашнихъ коровъ. На эту разницу въ складѣ голени указываетъ Вольбортъ даже какъ на видовой признакъ, хотя впрочемъ здѣсь скорѣе видна разница между домашнимъ и дикимъ животнымъ. Жизнь зубровъ идетъ и лѣто и зиму весьма однообразно, нынче какъ вчера. Поутру имъ даютъ мѣсиво, передъ этимъ кладутъ въ пустое отдѣленіе загороди сѣна и ставятъ лахани съ мѣсивомъ. Зубры знаютъ это время и лакомые до мѣсива всѣ вмѣстѣ дожидаются у воротъ, чтобы ихъ

перепустили. Лишь только прислужники, заготавливающие кормъ, успеютъ выйти изъ загороди, какъ зубры начинаютъ выражать нетерпѣнныя, роютъ ногами землю и иногда рогами ударяются о ворота. Ворота отворяются и зубры скокомъ бросаются къ лахани съ мѣсивомъ. Первая, ближайшая лахань всегда поступаетъ во владѣнныя стараго зубра, остальные занимаютъ тѣми, кто прежде посѣлъ. Поѣвши мѣсиво, зубры прикусываютъ сѣна и лѣшню, вяло прогуливаются или улегаются кто на дворикѣ, кто въ сараѣ. Часамъ въ 9, 10 они начинаютъ бороться рогами или валяться въ песокъ. Около 11 бѣготня, въ сильныя жары или непогоду ея не бываетъ, но если въ жаркѣй день зайдетъ тучка и скроется солнце, тотчасъ же бѣготня начинается. Въ полдень зубры большею частію лежатъ и пережевываютъ пищу. Когда жара начинаетъ спадать, зубры ѣдятъ сѣно, оживляются. Игры, бѣготня, потомъ на ночь укладываются спать. Холода зубры рѣшительно не боятся, въ самые сильные зимніе холода не все зубры заходили въ сарай для ночлега. Грязь и дождь имъ непріятнѣе холода. Зубръ относится къ погодѣ какъ житель исключительно континентальнаго климата.

Въ зубрахъ, прожившихъ у насъ въ Москвѣ около года, произошли довольно значительныя перемѣны. Все они отъѣлись, формы стали круглѣе, семилѣтняя самка, привезенная изъ Бѣловѣжской пуши, не много чѣмъ уступаетъ въ ростѣ и силѣ самкѣ, жившей у Валицкаго. Трехъ-лѣтній самецъ такъ же выросъ и уже формами своими (но не ростомъ) подходитъ къ формамъ взрослыхъ зубровъ. Привезенный изъ Бѣловѣжской пуши четырехъ-мѣсячнымъ теленкомъ самка почти не уступаетъ въ ростѣ своей матери, но не совсемъ сложилась. Въ теченіе всей зимы, не смотря на то, что ѣла кормъ весьма исправно, она все-таки хотя изрѣдка сосала мать, очевидно уже не для насыщенья, а молоко матери казалось ей лакомствомъ.

Старый зубръ, жившій у Валицкаго, сильнѣе всѣхъ другихъ зубровъ и все другіе зубры отчасти покоряются его силѣ, если

не власти. Когда стали чинить раздерганный плетень сарая, то старый зубръ первый показалъ примѣръ другимъ какъ рогами снова выдергать только что заплетенный плетень. Выдернувъ прутьевъ десятокъ, онъ отошелъ въ сторону, все другіе зубры тотчасъ же принялись за работу и въ какой нибудь часъ они уничтожили двухдневный трудъ трехъ человѣкъ. Мы уже видѣли, что ближайшая лахань съ мѣсивомъ составляетъ постоянную принадлежность стараго зубра. Всего больше отъ послѣдняго достается молодому самцу, привезенному прямо изъ Бѣловѣжской пуши, онъ не мѣшаетъ ему ни ѣсть, ни прогуливаться, но къ самкамъ не подпускаетъ и страшно бодается. Боясь стараго самца и попробовавъ раза два удара его сильныхъ роговъ, молодой самецъ и самъ пересталъ подходить къ самкамъ. Если такъ ревниво стережетъ вмѣстѣ съ нимъ живущихъ самокъ зубръ въ полной силѣ, то поэтому можно заключить, какое значеніе имѣютъ старые одиночки, которые только во время яра сходятся съ другими зубрами, и которые нерѣдко забиваютъ до смерти другихъ болѣе молодыхъ, а слѣдовательно болѣе слабыхъ самцовъ.

Мы уже упоминали, что въ послѣдніе дни бывшей выставки сельскаго хозяйства старый самецъ спарился тамъ съ своей зубрицей, однакоже во всю зиму нельзя было примѣтить у послѣдней ни малѣйшаго признака беременности. Въ началѣ зимы казалось даже, что пара этихъ зубровъ какъ бы приходила въ охоту, однакоже другаго спариванія не было, по крайней мѣрѣ его не видали. У спарившейся зубрицы вначалѣ весны животъ не увеличился въ объемѣ и вымя нисколько не наполнялось. 4-го мая въ 5 часовъ утра эта самка отелилась совершенно благополучно теленкомъ-самцомъ. Нужнымъ оказалось отдѣлить зубрицу-мать отъ другихъ зубровъ, ибо зубръ-отецъ не разъ пытался посадить теленка на рога.

При описаніи образа жизни зубровъ, живущихъ въ Бѣловѣжской пушѣ, я говорилъ, что: «передъ теленіемъ зубрица удаляется отъ стада, заходитъ въ чащу и телится въ одиночку; причи-

на этого удаления неизвестна, но по аналогии можно думать, что зубрица скрывает телят от самцов.» Эта догадка оправдывается только-что сказанным наблюдением. Что самцы убивают и иногда даже съедают новорожденных дѣтей. черта довольно перѣдкая въ образѣ жизни животных вообще, и она довольно легко объясняется вообще отношением родителей къ дѣтямъ. Самка выносившая и заботившаяся о своемъ приплодѣ весьма почтено сильно привязана къ дѣтямъ. Кромѣ того у звѣрей кормленіе молокомъ, т. е. естественное удаление накопившагося выдѣленія въ организмъ есть потребность для матери и потребность настолько важная, что перѣдко мы видимъ у звѣрей матокъ, выкармливающихъ не только собственныхъ дѣтей, но и приемышей, животныхъ другаго вида. Напр. собаки, выкармливающая кошки, даже тигровъ. Самецъ вовсе не имѣетъ этихъ потребностей. Въ дѣтяхъ онъ видитъ помѣху для своего приволя, онъ можетъ быть даже ревнуетъ самку, дотолѣ сближавшуюся съ нимъ, къ дѣтямъ, къ которымъ она въ данное время сильнѣе привязана нежели къ самцу. Въ животныхъ стадовыхъ сказанная черта образа жизни еще сильнѣе развита нежели у животныхъ одиночныхъ. Мы знаемъ, что въ птицахъ о птенцахъ заботятся лишь самцы, довольствующиеся одной самкой. Самцы же живущіе со многими самками, какъ напр. въ отрядѣ куриныхъ, самцы бьютъ яйца и вертятъ голову птенцамъ и самкамъ; но неволѣ приходится скрывать свой приплодъ отъ самца. Известно также, что самцы, потерявшіе отъ старости или кастраціи способность размножаться, относятся лучше къ приплодамъ, и каплуны охотно высиживаютъ и водятъ цыплятъ.

Это вообще, но въ частности къ зубрамъ эта черта образа жизни можетъ быть также служить одною изъ причинъ малаго размноженія зубровъ, можетъ быть (говорю условно) самцы, набредая случайно на только-что отелившихся самокъ убиваютъ телятъ; конечно въ этомъ случаѣ единицы менѣе опасны, ибо они тотчасъ же расходятся съ самками по окончаніи яра. Сопо-

ставляя впрочемъ время теленія съ временемъ яра, мы увидимъ, что единицы и въ этомъ случаѣ могутъ наносить вредъ. Августъ, сентябрь и начало октября время яра, самка носитъ 9 мѣсяцевъ, стало-быть май и июнь — эпоха теленія. Самка кормитъ обыкновенно долго, привезенная четырех-мѣсячнымъ теленкомъ, самка еще сосала мать въ началѣ іюня. Но одинецъ отгоняетъ телятъ отъ самокъ уже въ сентябрѣ. Очевидно, слѣдовательно, что теленокъ кормится слишкомъ мало и при недостаткѣ зимняго корма въ Бѣловѣжской пущѣ телята могутъ расти вслѣдствіе этого обстоятельства туго и быть довольно слабыми.

Новорожденный теленокъ сравнительно съ телятами обыкновенныхъ коровъ довольно малъ, одна голова довольно велика и какъ бы несоразмѣрна съ туловищемъ. Наклоненная внизъ большая голова, уже высокой хребетъ сравнительно съ телятами коровъ, довольно короткія переднія ноги — все это придаетъ зубренку какой-то серьезный, отчасти свирѣпый видъ.

Въ первые дни теленокъ былъ слабъ на ногахъ и мать какъ бы помогала ему ходить, слегка подталкивая его рогами и мордой. Теленокъ черезъ нѣсколько времени окрѣпъ, но все же рѣдко прыгалъ и скакалъ какъ обыкновенные телята, а чаще лежалъ или серьезно расхаживалъ по своему дворику. У зубрицы молока достаточно и она передъ теленіемъ и послѣ вовсе не исхудала, что обыкновенно бываетъ съ зубрицами на волѣ, вѣроятно по недостатку зимняго корма.

Нѣжность матери къ зубренку невыразима. Въ первое время она не отходила отъ него, караулила и готова была защищать отъ всякой опасности, даже мнимой. Стоило подойти кому-нибудь къ загороди того отдѣленія, гдѣ находилась зубрица съ теленкомъ, зубрица уже начинала хрюкать и если любопытный не отходилъ, то она, наклонивъ голову, бросалась на него. Самка бѣжитъ противъ нарушителя ея спокойствія, но отскочить послѣдній, или только отвернется, и она, остановившись на полдорогѣ, успокоивается и возвращается къ своему любимцу. Не отойдетъ

любопытный, зубрица съ ужасною силою ударяется по нѣсколку разъ о бревна загороди.

Понятно, что при такомъ настроеніи зубрицы уже нельзя было входить въ занимаемое ею отдѣленіе, и потому кормъ давался черезъ загородъ.

Такая какъ бы лихорадочная заботливость о безопасности зубренка прошла довольно скоро. Приблизительно черезъ мѣсяцъ послѣ теленія она привыкла къ тому, что посѣтители смотрять, и не бросалась на нихъ, служителю уже можно было входить въ отдѣленіе зубрицы для задачи корма, но къ зубренку приближаться все-таки было опасно.

Въ теченіе перваго мѣсяца зубренокъ среди дня, т. е. съ часовъ 10 утра до 5 по полудни, большею частію лежалъ въ сараѣ, у входа въ который лежала, либо расхаживала мать; и только по временамъ она входила въ сарай, чтобы покормить зубренка. Утромъ и вечеромъ зубренокъ гулялъ по дворику. Во время прогулки мать не отходила отъ него.

Когда теленокъ совершенно окрѣпъ, онъ сталъ замѣтно рѣзвѣе и по цѣлымъ часамъ бѣгалъ и прыгалъ по дворику. Мать нѣкоторымъ образомъ приучила его къ бѣганію, обычному для зубровъ. Послѣ теленія зубрица не бѣгала вокругъ загороди довольно долго, но черезъ мѣсяцъ она начала проминаться по дворику и прыгать какъ-то въ бокъ, зубренокъ, какъ бы подражая матери, началъ дѣлать такіе же прыжки. Потомъ каждый день зубрица съ зубренкомъ стала скакать по дворику безъ особеннаго порядка, какъ то дѣлаютъ зубры вначалѣ своего обычнаго бѣганія. И только въ последнее время, т. е. когда теленокъ достигъ 3-хъ-мѣсячнаго возраста они стали производить скачку одинъ за другимъ. Вѣроятно вначалѣ этого не было отъ слишкомъ большой несоразмѣрности скачка зубренка со скачкомъ зубрицы.

Въ двухмѣсячномъ возрастѣ молодой зубренокъ какъ-то пролезъ черезъ бревна изгороди въ отдѣленіе, гдѣ находились дру-

гіе зубры. Зубрь изъ Бѣловѣжской пуши тотчасъ же сталъ играть съ зубренкомъ. Кошкѣ игрушка, а мышкѣ слезка. Зубрь отбросилъ рогами теленка сажени на полторы, и сталъ топтать его ногами. Прислужники привуждены были отбить зубренка отъ самца. Послѣ этого зубренокъ уже не переходилъ въ отдѣленіе старыхъ зубровъ.

Съ возрастомъ зубренка рѣзвивая къ нему любовь матери видимо ослабѣвала, онъ какъ бы сталъ надоѣдать ей, она казалось начала скучать по другимъ зубрамъ, съ которыми нюхалась въ сараѣ черезъ изгородь. Служитель уже безопасно могъ подходить къ зубренку, но послѣдній по дикости не позволялъ гладить себя, и тотчасъ обращался въ бѣгство при малѣйшей къ тому попыткѣ.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ отъ управленія Булонскаго Парижскаго Акклиматизаціоннаго Сада получено извѣстіе, что предлагается весьма значительная коллекція животныхъ въ обмѣнъ на русскихъ, изъ которыхъ особенно желательны были бы зубры. Такъ какъ у насъ ихъ было 6, зубрица, привезенная изъ Бѣловѣжской пуши, можетъ быть стельна (самецъ покрылъ ее въ концѣ января), то управленіе Московскаго Сада, рѣшившись на такой промѣнъ, предназначило къ отпуску за границу молодаго зубра и полтора-годовалую зубрицу, привезенную изъ пуши 4-хъ-мѣсячнымъ теленкомъ. Такъ какъ безъ Высочайшаго разрѣшенія выпускать зубровъ изъ предѣловъ Россіи нельзя, то такое разрѣшеніе было испрошено черезъ Министра Государственныхъ Имуществъ. Рѣшено было отправить зубровъ съ комиссіонеромъ Общества Циглеромъ, который въ скоромъ времени долженъ былъ прибыть изъ Гамбурга съ животными. По привозѣ зубровъ въ Парижъ, онъ долженъ взять оттуда предназначенную для Москвы коллекцію животныхъ.

Наконецъ Циглеръ пріѣхалъ и 24-го іюля приступили къ посадкѣ зубровъ въ ящики.

Мы видѣли какъ зубровъ сажали на выставкѣ, знали какъ это дѣлалось въ Бѣловѣжской пушѣ, но обоихъ сказанныхъ способовъ принять было нельзя, иныя условія помѣщенія должны были вы-

звать необходимость и въ новыхъ способахъ посадить зубровъ въ ящики. Мы видѣли уже, что большіе зубры не долюбивали теленка, а потому прежде всего загнали зубрицу съ теленкомъ въ сарай и входъ въ него загородили деревяннымъ щитомъ. Зубрица пришла въ страшное безпокойство и во все время пока загороженъ былъ входъ сарая, она не переставала рыть землю и ударять рогами въ стѣны сарая.

Перегнали потомъ всѣхъ зубровъ кромѣ бѣловѣжскаго самца на дворъ къ отелившейся зубрицѣ. Во время перегонки можно было замѣтить, что зубры, прежде переходившіе со двора на дворъ ежедневно, а потомъ въ теченіе двухъ съ половиною мѣсяцевъ постоянно находившіеся въ одномъ отдѣленіи, такъ отвыкли отъ такихъ перегоновъ, что старый самецъ около четверти часа не рѣшался пройти черезъ разтворенныя ворота. Это наблюденіе подтверждаетъ вполнѣ мнѣніе писателей, что зубры какъ въ дикомъ состояніи, такъ и въ неволѣ весьма сильно прикипаютъ къ одному мѣсту и съ трудомъ мѣняютъ его на другое.

Къ воротамъ отдѣленія, гдѣ оставался предназначенный къ отправкѣ зубръ, подвезенъ былъ ящикъ, снятъ съ колесъ и притворенныя къ ящику створы воротъ образовали сѣуживающійся входъ въ ящикъ. Чтобы легче было взойти въ ящикъ, снизу подмостили нѣсколько досокъ, въ кормушку ящика было наложено мѣсиво, и чтобы загородить входъ въ сарай отъ него до ящика была поставлена запасная рѣшетка, когда всѣ приготовленія были кончены, 8 человекъ съ длинными жердями стали загонять зубра. Зубръ сдѣлалъ нѣсколько круговъ по дворику, перепрыгивая весьма легко черезъ подставленныя жерди. Замѣтивъ, что зубръ не боится жерди, когда она перегораживаетъ ему дорогу, а перепрыгиваетъ черезъ нее, напротивъ боится жерди, обращенной къ нему концомъ, я велѣлъ людямъ сходить къ зубру какъ можно медленнѣе, обративъ къ нему жерди концами. Зубръ сталъ пятиться, не попытался даже прорвать цѣни и потихоньку вошелъ въ ящикъ, опускающая дверь котораго немедленно захлопну-

лась. Надѣли колесы и ящикъ съ зубромъ отвезли въ сторону, а на его мѣсто поставленъ былъ ящикъ, приготовленный для зубрицы.

Много труда было, чтобы отдѣлить молодую зубрицу отъ другихъ зубровъ и въ особенности отъ ея матери, которую только не задолго передъ этимъ перестала сосать. Молодая зубрица никакъ не хотѣла отойти отъ матери и прижималась къ ней. Наконецъ послѣ долгихъ хлопотъ зубрица перешла въ другое отдѣленіе.

Здѣсь стали ее загонять какъ предыдущаго зубра, но дѣло пошло не такъ успѣшно. Зубрица слишкомъ переуغالась бывшей гонки и потому бѣгала изъ угла въ уголь, прыгала, билась рогами объ изгородь, вообще, казалось, всѣ ея движенія были лишены смысла и не имѣли опредѣленной цѣли. Я велѣлъ остановиться, чтобы дать зубрицѣ одуматься и нѣсколько успокоиться, и дѣйствительно, минуты черезъ три ее загнали въ ящикъ очень легко. Такимъ образомъ зубры были посажены въ ящики и черезъ два дни отправлены за границу. Въ ящикѣ зубръ очень скоро успокоился и сталъ ѣсть и пить. Зубрица напротивъ безпокоилась очень сильно, переворачивалась въ ящикѣ, билась рогами, нѣсколько разъ ломала кормушку, что дѣлала впрочемъ неначе, какъ наѣвшіеся. Такое безпокойство зубрицы можно отчасти приписать во первыхъ отдѣленію отъ матери, а во вторыхъ молодому возрасту, въ которомъ зубры вообще рѣзвѣе старшихъ.

По поводу того, что зубры смириѣе когда одумаются нѣсколько, а не въ первую минуту, я позволю себѣ нѣсколько уклониться въ сторону и рассказать нѣсколько другихъ наблюденій надъ иными животными.

Въ 1854 году въ звѣринцѣ Бернабо, по неосторожности служителя, изъ клѣтки выскочила черная пантера (*Felis melas*), экзemplаръ довольно крупный и притомъ очень злой. Пантера, выпрыгнувъ изъ клѣтки, бросилась на барьеръ, отдѣлявшій вторыя мѣста для зрителей, которыхъ было въ звѣринцѣ впрочемъ весь-

ма не много, и помѣстилась рядомъ съ двумя привязанными обезьянами. Во мгновение ока къ пантерѣ подбѣжалъ самъ Бернабо, схватилъ ее руками и на рукахъ отнесъ въ клетку.

Въ 1855 году, въ томъ же звѣрницѣ, годовалыхъ тигровъ стали перепускать въ другую клетку, которую къ несчастію поставили не довольно плотно и одинъ тигренокъ выскочилъ въ звѣринецъ и усѣлся внизу подъ клеткой между колесами фургоновъ. Прошло около двухъ минутъ пока три служителя и самъ Бернабо, надѣвъ рукавицы, хотѣли схватить тигренка. Хотя удалось посадить тигренка въ клетку, но безъ ранъ не обошлось. Два служителя были изцарапаны, а Бернабо укушенъ былъ въ плечо, къ счастью рана была неопасна, мѣховое пальто спасло отъ болѣе вредныхъ послѣдствій.

Изъ этихъ двухъ примѣровъ можно отчасти заключить (что подтвердилъ и Бернабо, человекъ въ этомъ дѣлѣ весьма опытный), что хищники, звѣри съ очень развитыми умственными способностями и притомъ звѣри, отличающиеся смѣлостію, озадачиваются только въ первую минуту и становятся чрезвычайно опасными, если дѣдутъ время имъ опомниться.

По нашему носорогу, зубрамъ и другимъ травояднымъ можно заключить, что эти звѣри напротивъ* опасны лишь въ первую минуту и становятся смиренными какъ только одумаются. Причина этого вѣроятно заключается въ трусости травоядныхъ и мало развитыхъ умственныхъ способностяхъ. Трусость мѣшаетъ видѣть опасность, а успокоившійся травоядный звѣрь не сознаетъ своей силы. Всѣ сдѣланныя мною наблюдения подтверждаютъ этотъ выводъ о такой противоположности между хищниками и травоядными.

Обратимся къ зубрамъ. Такъ какъ теленка обижалъ зубръ, отправленный за границу, то мы и полагали возможнымъ свести опять всѣхъ зубровъ вмѣстѣ, и дѣйствительно педѣли двѣ всѣ жили въ большомъ ладу. Но наступилъ августъ, время близкое къ эпохѣ яра зубровъ (на волѣ эта эпоха совпадаетъ съ сентяб-

ремъ) и какъ отелившаяся зубрица, такъ и старый зубръ стали показывать склонность къ спариванію. 11-го августа зубръ хотѣлъ съѣсть на зубрицу и въ тоже время несмышленый теленокъ подошелъ къ матери, чтобы сосать. Зубръ, желая отогнать теленка, ударилъ его рогомъ такъ сильно, что зубренокъ повалился замертво. Его тотчасъ же перенесли въ другое отдѣленіе, гдѣ онъ очень скоро очнулся. Рана оказалась неопасною, однако же онъ хромалъ довольно сильно. Теленокъ и прежде бѣлъ уже мѣсиво, но чтобы замѣнить молоко матери, ему дали коровьяго молока, которое онъ тотчасъ же сталъ пить очень охотно, но не слишкомъ много. При достаточномъ количествѣ мѣсива онъ выпивалъ три кувшина молока. Этотъ случай вполне подтверждаетъ мнѣніе Д. Я. Далматова и опровергаетъ мнѣніе Жилибера, что зубрята не охотно пьютъ коровье молоко.

Того же 11-го и 12-го августа старый зубръ покрылъ зубрицу, зубренокъ соскучился безъ матери, разобралъ плетень сарая и пролѣзъ 13-го августа къ другимъ зубрамъ. Не было причины отдѣлять его опять отъ матери, но нахождение его съ другими зубрами все же было опасно, а потому мать съ теленкомъ опять отогнали отъ другихъ зубровъ, въ другое отдѣленіе.

Тѣмъ временемъ, какъ всѣ наши зубры находились вмѣстѣ, воспользовались для починки сарая, но эта работа оказалась совершенно бесполезною. Не только взрослые зубры но и зубренокъ постоянно раздиргивали плетень. Чтобы помѣшать зубренку переходить въ отдѣленіе большихъ зубровъ, забили низъ досками, къ сожалѣнію эта мѣра оказалась недостаточною. 16-го числа самецъ выломалъ рогами одну доску и тотчасъ же зубренокъ перелѣзъ къ старымъ зубрамъ. Сначала все было мирно, но черезъ полчаса зубрица (не мать) вдругъ разсердилась на зубренка, который сталъ къ ней ласкаться, она ударила его рогами и нанесла смертельную рану въ пахъ и животъ. Зубренокъ палъ замертво, его перенесли въ другое отдѣленіе, онъ даже поднялся на ноги, ходилъ нѣсколько времени, но пищи не принималъ и

наконецъ издохъ на другой день утромъ. Спасти его не было никакой возможности. Рогъ зубрицы разорвалъ *scrotum*, пробилъ животъ, брюшину и поранилъ кишки. По смерти зубренка мать скучала дня два, три не болѣе. Изъ всего сказаннаго видно, что и на волѣ зубрятамъ плохо приходится отъ взрослыхъ зубровъ, и что во всякомъ случаѣ, чтобы зубры размножались, нужно на известномъ возрастѣ отдѣлять зубренка и выкармливать его, какъ выкармливаютъ телятъ, отдѣльно отъ матери. Эпоха отдѣленія живущихъ въ неволѣ зубрятъ отъ матерей опредѣляется наступленіемъ яра у самцовъ, слѣдовательно въ началѣ августа, т. е. на 4-хъ-мѣсячномъ возрастѣ

Такимъ образомъ въ зоологическомъ саду осталось три зубра. Вполнѣ развитой самецъ, прежде жившій у Валицкаго, его самка и другая самка, привезенная изъ Бѣловѣжской пущи 7 лѣтъ. Жизнь ихъ пошла обычною колесей. Мы ужъ замѣтили нѣсколько прежде, что Бѣловѣжская зубрица была покрыта самцомъ въ концѣ января, хотя стельность этой зубрицы подозрѣвалась, но ясныхъ признаковъ не было видно, вымя не увеличивалось, животъ тоже. Однакоже въ началѣ сентября она какъ бы стала тяжелой на подъемѣ, рѣдко рѣзвилась, больше лежала и сердилась, если другіе зубры мѣшали ей спокойствію. Раннимъ утромъ 19 сентября зубрица очевидно стала мучиться родами. Зубра и другую зубрицу тотчасъ же перегнали въ другое отдѣленіе и телившаяся самка оставлена одна. Роды были весьма мучительны, теленокъ шелъ неправильно, плечемъ. Помочь не было никакихъ средствъ, при одномъ приближеніи сторожа зубрица, не смотря на мукъ, приходила въ ярость. Со страхомъ за жизнь зубрицы мы ожидали конца. Послѣ 11-часовыхъ мукъ зубрица наконецъ разрѣшилась благополучно для себя, но къ несчастію мертвымъ теленкомъ, который задохся въ проходѣ. Теленокъ-самецъ родился вполнѣ развитымъ, слѣдовательно теленіе не было преждевременнымъ. Зубрица нѣсколько времени какъ бы не много хворала, но недѣли черезъ полторы совершенно оправилась. Черезъ

5 недѣль она какъ бы начала приходить въ охоту. Зубровъ снова спустили вмѣстѣ и есть основаніе предполагать, что самецъ ее покрылъ 25, 26 или 27 октября.

Весьма замѣчательный фактъ, что, отелившаяся мертвымъ теленкомъ, зубрица была покрыта самцомъ не во время. Обыкновенное время яра у зубровъ приходится въ концѣ августа или сентябрѣ. Но эта зубрица была покрыта самцомъ и понесла въ концѣ января изъ чего слѣдуетъ, что для нея охота съ осени перешла на самую середину зимы.

На образованіе яичка у самокъ непремѣнно имѣютъ вліяніе окружающія физическія условія и, поскольку доступно наблюденію, эта эпоха преимущественно совпадаетъ не съ болѣе или менше высокою или низкою температурой, а съ болшею откормленностью, если можно такъ выразится, съ болшею сытостью, слѣдовательно находится вѣроятно въ прямой связи съ обиліемъ корма. Такое заключеніе можно вывести изъ наблюденій надъ животными: а) живущими на стойлѣ — домашними, б) перенесенными съ воли въ неволю и с) животными, переведенными изъ одного климата въ другой, изъ одной страны въ другую. У животныхъ дикихъ, живущихъ въ климатѣ переменномъ, а вслѣдствіе этого въ странѣ, гдѣ условія кормленія также измѣняются, время спариванія весьма постоянно и измѣняется весьма мало. Примѣровъ искать нечего, они всегда подъ руками. У животныхъ тѣхъ странъ, гдѣ обиліе пищи не оскудѣваетъ въ теченіе круглаго года, мы видимъ, что спариваніе не связано съ какимъ-либо временемъ года, это мы видимъ на обезьянахъ.

Человѣкъ, умѣющій себя защитить отъ вліянія вѣшнихъ условій, умѣющій устроить себѣ жилище и добывать пищу, во всякое время года, почти во всѣхъ широтахъ въ отношеніи къ дѣторожденію также не связанъ съ временемъ года.

Домашнія животныя въ этомъ случаѣ, смотря по степени одомашненности, находятся почти въ тѣхъ же условіяхъ какъ и человѣкъ. Здѣсь все зависитъ отъ того, насколько человѣкъ устра-

нилъ заботу животнаго о добываніи корма, насколько человѣкъ ходитъ за животнымъ. Домашніе быки, лошади могутъ спариваться во всякое время. Въ птицахъ домашнихъ мы видимъ какъ бы исключеніе изъ этого правила, но вспомнивъ, что домашняя птица вся зерноядная, а всѣ зерноядныя птицы, по наблюденіямъ Флорана Прево, во время яра по преимуществу питаются пищею животною, мы уяснимъ себѣ это явленіе. Домашней птицѣ человѣкъ въ большинствѣ случаевъ предлагаетъ лишь зерно и птица по неволѣ дожидается весны, эпохи, когда пробуждается жизнь безпозвоночныхъ животныхъ, чтобы спариться и размножиться.

Тамъ, гдѣ человѣкъ отступаетъ отъ своего обычая и предлагаетъ зерноядной птицѣ пищу животную, тамъ мы видимъ, что и птица начинаетъ измѣнять эпоху кладки яицъ. Примѣръ тому мы видимъ на кохинхинскихъ курахъ, которыя заносятся гораздо ранѣе обыкновенныхъ, если ихъ подкармливаютъ мясомъ, или устраиваютъ для нихъ черводню.

При перенесеніи животнаго изъ одной страны въ другую мы видимъ, что эпоха спариванія и размноженія измѣняется въ новомъ отечествѣ животнаго, и измѣняется не сразу, а довольно постепенно. Наблюденія, сдѣланныя въ Булонскомъ саду надъ египетскимъ гусемъ, нѣкоторыми эйцлоками, и др. вполне убѣдительно въ этомъ отношеніи. Въ 2, 3 года птица, несшаяся на родинѣ въ ноябрѣ, декабрѣ, январѣ мѣсяцахъ, стала нестись весной, запаздывая ежегодно на нѣсколько времени, пока наконецъ кладка яицъ не совпала съ вѣшними условіями — кормомъ новаго отечества. Относительно египетскаго гуся это дѣлалось даже умышленно, посредствомъ измѣненія пищи.

Мы знаемъ изъ множества наблюденій, въ числѣ которыхъ наблюденія Дарвина занимаютъ мѣсто весьма почетное, что при перемѣщеніи животныхъ изъ одной страны въ другую и при перемѣнѣ свободы на неволю, вліяніе такого измѣненія всего жизненнаго цикла, вообще отражается во первыхъ на отправленіяхъ половыхъ органовъ, либо сокращается и даже уничтожается дѣя-

тельность этихъ органовъ, либо эта дѣятельность усиливается. Мы знаемъ, что многія животныя не плодятся или почти не плодятся въ неволѣ, мы знаемъ, что другія, у которыхъ эпоха спариванія въ дикомъ состояніи была постоянною, плодятся и спариваются въ неволѣ въ разныя времена, примѣръ перваго мы видимъ въ носухахъ, втораго въ львахъ, тиграхъ и другихъ кошкахъ.

Примѣръ нашей зубрицы можетъ также служить доказательствомъ того же мнѣнія. Температура, сырость и другія климатическія условія, по всей вѣроятности, не могли имѣть непосредственнаго вліянія на измѣненіе эпохи спариванія у зубровъ, не могли они имѣть кажется и вліянія посредственнаго, ибо такое вліяніе совершается постепенно, а не разомъ, тогда какъ зубрица была поймана въ Бѣловѣжской пущѣ и прямо оттуда пошла въ Московскій садъ. Измѣненіемъ же корма это явленіе можно объяснить довольно легко. Мы уже видѣли, какой недостатокъ въ пищевомъ матеріалѣ терпятъ зубры въ Бѣловѣжской пущѣ зимой. Въ теченіе всего лѣта до конца августа они едва успеваютъ отъѣдаться, и конецъ августа и сентябрь — эпоха спариванія зубровъ, въ Бѣловѣжской пущѣ совпадаетъ со временемъ, когда зубры находятся въ самомъ сытомъ состояніи. Въ Зоологическомъ саду переселенцы литовскихъ лѣсовъ нашли совсѣмъ другія условія относительно количества и качества получаемой ими пищи. И лѣтомъ и зимой, круглый годъ, пища для нихъ почти одинакова и постоянно доставляется въ достаточномъ количествѣ, и мы видимъ, что уже въ первый годъ, слѣдовательно сразу, эпоха спариванія зубровъ сдѣлалась непостоянною и притомъ зубры спарились въ срединѣ зимы, когда всѣ климатическія условія Бѣловѣжской пущи и Москвы можно считать одинаковыми, но когда въ первой мѣстности пищевой матеріалъ наиболѣе сокращается, а въ Москвѣ количество и качество его остались тѣми же, какими были весной и лѣтомъ.

Мы закончили исторію Московскихъ зубровъ, насколько было сдѣлано наблюдений. Нерѣдко слышимъ упрекъ зоологическимъ садамъ, что въ нихъ произведенныя наблюдения, а такія наблюдения составляютъ одну изъ цѣлей зоологическихъ садовъ, вовсе не позволяютъ дѣлать заключеній къ образу жизни животныхъ на волѣ. Что въ зоологическихъ садахъ животныя, будучи окружены искусственными условіями, невольно переищуютъ свой образъ жизни, нравъ ихъ измѣняется и все выводы окажутся невѣрными.

Можно доказать противное. Образъ жизни, завися отъ организаціи животнаго съ одной стороны и вѣшнихъ условій съ другой, дѣйствительно измѣняется при переищѣ естественныхъ условій на искусственныя. Условія въ данномъ случаѣ мѣняется разомъ, образъ же жизни разомъ измѣниться не можетъ, онъ измѣняется только исподоволь мало-по-малу, и притомъ измѣняется все-таки въ томъ направленіи, какое обуславливается двумя чрезвычайно важными и сильными факторами въ жизни животныхъ, именно: организаціей и наследственностью. Последней подлежатъ не только наружный видъ животнаго, но и нравъ его, которые измѣняются весьма постепенно, медленно. Коннозаводчикамъ весьма извѣстенъ фактъ, что не только о физическихъ качествахъ лошади, но и о нравѣ ея можно судить по родителямъ и заводу, на которомъ выросла лошадь. Такъ, ростопчинскіе лошади отличались всегда упрямствомъ, орловскіе добронравностью. Сравнивая двѣ послѣднія главы нашего изслѣдованія, мы увидимъ, что наблюдения надъ зубромъ въ неволѣ подтверждаютъ или опровергаютъ, следовательно провѣряютъ наблюдения, сдѣланныя надъ зубромъ въ дикомъ состояніи. Въ этой возможности провѣрять фактами, добытыми въ зоологическихъ садахъ, факты, добытые путешественниками въ странахъ отдаленныхъ не всѣмъ доступныхъ, и есть главное достоинство и польза зоологическихъ садовъ относительно обогащенія науки.

VI.

Прежнее расселеніе зубровъ въ Европѣ.

Нѣкогда зубръ имѣлъ несравненно большее географическое распространеніе. Самое древнее мѣстонахожденіе зубра въ Европѣ, при томъ совершенно достовѣрное, даже болѣе достовѣрное, нежели историческіе письменные памятники, это именно остатки зубровыхъ костей въ свайныхъ постройкахъ Швейцаріи. Драгоценныя работы Рютимейера надъ фауной свайныхъ построекъ совершенно почти исчерпываютъ этотъ предметъ.

Въ свайныхъ постройкахъ Вовила, Робенгаузена и Моседорфа открыты и въ довольно значительномъ количествѣ экземпляровъ остатки зубровъ, хотя въ изломанномъ и раздробленномъ состояніи. Эти остатки сравнивались Рютимейеромъ преимущественно съ описаніемъ и рисункомъ Боянуса, слѣдовательно съ описаніемъ и скелетомъ нѣкаго живущаго зубра, а не ископаемаго *Bos priscus*.

Изъ этихъ, такъ сказать, намековъ видно, что зубры жили во всей Швейцаріи, преимущественно въ болотистыхъ мѣстностяхъ, довольно въ значительномъ количествѣ еще во время каменной эпохи.

Первый изъ древнихъ памятниковъ, упоминающихъ объ зубрѣ, есть сочиненіе Аристотеля *Historia de Animalibus*. Въ Кн. II Глав. II 3 (или Кн. II г. I.) Аристотель говоритъ, что... «сюда относятся имѣющіе гриву, какъ лошадь и мулъ, и между двѣми и рогатыми βαναζος» Кн. II Г. II 10. «Есть также нѣкоторыя животныя, которыя двукопытны и въ тоже время имѣютъ челку и два другъ къ другу загнутые рога, сюда относится боназосъ, который живетъ въ Пеоніи и Медикѣ»). Кн. II Г. XII 1. «У боназосъ внутри все также устроено, какъ у быковъ». Кн. X. Г. XXXII. «Боназосъ живетъ въ Пеоніи на Мессонійскихъ горахъ, отдѣляющихъ Пеонскую область отъ Медикой, Пеонійцы назы-

*) Самая сѣверная провинція Македоніи на западномъ берегу Стримона, Карасу.

ваютъ его *μοσχος*. Онъ величиною съ быка, но имѣеть большой объемъ нежели волъ, ибо не вытянуть въ длину; растянута кожа его можетъ покрыть постель для семи человѣкъ. Вообще видомъ своимъ похожъ онъ на быка, только имѣеть гриву до холки, какъ лошадь; волосъ его мягче чѣмъ лошадиный и болѣе прилегаеть. Шерсть блѣдно-бурая, желтоватая; длинная, до глазъ доходящая, грива густа. Цвѣтъ его занимаетъ середину между пепельносырымъ и красноватымъ и не такой, какъ у кобыль, которыхъ зовутъ булаными, а волосъ его грязнѣе и съ подпушью; черныхъ или очень красныхъ зубровъ вовсе нѣтъ. Голосъ похожъ на бычачій, рога кривые, загнутые другъ къ другу, для защиты негодные... чернота рога прекрасна и блестяща. Волосы лба достигаютъ глазъ, такъ что они видятъ лучше съ боку, чѣмъ впередъ. Верхнихъ зубовъ у бизозосъ нѣтъ, какъ и у вола или всякаго другаго, имѣющаго рога животнаго, ноги его покрыты шерстью; онъ двукопытенъ; хвостъ его менѣе, нежели какого можно ожидать по величинѣ бизозосъ и похожъ на бычачій, съ длинною волосяною кистью на концѣ. Взбрасываетъ вверхъ пыль и валается какъ быкъ. Кожа его толста и не легко поранивается; мясо его впрочемъ вкусно, и ради мяса за нимъ охотятся. Раненый онъ обращается въ бѣгство и останавливается когда задохнется.»

Въ этомъ описаніи нельзя не узнать зубра.

Плиніи Кн. VIII, Г. XV, 75 говоритъ: «Скиѳія очень бѣдна животными и въ Германіи ихъ не много, но замѣчательны два вида дикихъ быковъ: именно украшенный гривой бизонъ и отличающийся силою и быстротою урь.» А Плиніи могъ знать германскихъ животныхъ, ибо въ теченіе 7 лѣтъ командовалъ Германіей.

Плиніи прибавляетъ къ этому, что «несвѣдущій народъ называетъ уровъ буйволами (Bubalus).» Хотя буйволъ и былъ извѣстенъ Аристотелю, но онъ называлъ его *дикимъ Арагозскимъ* быкомъ, подъ именемъ же Bubalus въ народѣ разумѣли дѣйствительно уровъ, а не буйволовъ, ибо буйволы явились въ Европѣ уже во время владычества Лонгобардовъ, въ концѣ VI столѣтія.

Сенека (Hippol. Act. I. V. 63) говоритъ «Пестрые тигры даютъ тебѣ перси, мохнатые бизоны и дикіе уры съ широкими рогами хребты.» Здѣсь мы видимъ, что Сенека ясно различалъ бизоновъ и уровъ и различалъ ихъ эпитетами, которые по нашему понятію вполне характеристичны для обоихъ животныхъ

У Марціала есть стихъ, гдѣ поставлены рядомъ бизонъ и урь, но послѣдній уже подъ именемъ Bubalus.

«Illi cessit atrox bubalus atque bison»

(Spect. Epigr. XXIII.)

Опсіанъ говоритъ о шероховатости языка зубровъ. Павзаній называетъ своего бизона Пеонійскимъ дикимъ быкомъ, мохнатымъ въ особенности на груди и подбородкѣ (Voeot. с. 21.)

Нѣкоторые писатели указываютъ на Цезаря, будто онъ также говоритъ о зубрѣ или бизонѣ, но въ описаніи Герцинскаго лѣса, онъ говоритъ лишь объ урѣ.

Германцы называли зубра Wizent, откуда вѣроятно произошло римское названіе Bison. Въ пѣсни Нибелунговъ говорится, что сильный Сигфридъ:

«Darnach sluch er schire einen wizent und einen Elch, starch ure viere und einen grimmen schelch.»

Сентгаленскій монахъ Эксгартъ, умершій въ 1070 году, перечисляя мясную пищу, которую употребляли въ его монастырѣ, указываетъ на wizent и ur какъ на двухъ разныхъ животныхъ.

Кобелль (Wildanger p. 218) въ доказательство того, что зубръ жилъ въ Баваріи до 1000 года, приводитъ изъ лѣтописей свидѣтельство, что баварскій благородный Арпо-фонъ-Буркгаузенъ «von einem Byzant Auerochsen am Gyaid umbkommen.»

Въ началѣ XVI столѣтія Герберштейнъ, бывшій посланникомъ при дворѣ В. Кн. Василія Ивановича и въ Польшѣ, далъ довольно обстоятельные рисунки и хорошія описанія зубра и тура.

Вотъ переводъ обоихъ описаній: «Литва имѣеть изъ дикихъ звѣрей, кромѣ тѣхъ которые находятся и въ Германіи, бизоновъ (Bisontes), уровъ (Uros), лосей (Alces), которыхъ другіе назы-

вают онаграми, лѣсными конями. Бизона Литовцы на отечественномъ языкѣ называютъ зубромъ, Германцы невѣрно Аугох или Угох, это имя свойственно уру, который имѣеть вполне форму быка и весьма не похожъ порою на бизона. Ибо бизоны имѣють гриву и мохнаты по шеѣ и плечамъ, съ бородою, висящею на подбородкѣ. Волосы пахнутъ мускусомъ, голова короткая, глаза большіе, свирѣные, какъ бы пылающіе, лобъ широкій, рога большею частію такъ широки и направлены, что въ ихъ промежуткѣ могутъ сидѣть, три тучныхъ человѣка, что было испробовано королемъ Польши Сигизмундомъ, отцомъ нынѣ царствующаго Сигизмунда Августа, а мы знаемъ его за сильнаго, толстаго человѣка, съ двумя другими, не менѣе плотными людьми. Спина поднимается горбомъ и переднія и заднія части тѣла понижаются.»

Ура же Герберштейнъ описываетъ такимъ образомъ:

«Только Мазовія, сопредѣльная съ Литвой имѣеть уровъ, которыхъ въ отечествѣ называютъ турами, а Германцы собственно Угох. Это настоящіе лѣсные быки, ни чѣмъ не отличающіеся отъ домашнихъ быковъ, развѣ тѣмъ, что они все черные и имѣють по всей спинѣ какъ бы блесоватую линію. Ихъ немного, и есть извѣстные села и округа, которымъ поручено заботиться объ нихъ и сторожить ихъ, и ихъ берегутъ не иначе какъ въ звѣринцахъ (Vivariis). Смѣшиваются уры съ домашними коровами, но не безъ поручанія, ибо они послѣ, какъ обезчещенные, не допускаются въ стада прочими урами, а телята, родившіеся отъ такого смѣшенія, неживучи. Сигизмундъ Августъ, король, далъ мнѣ, послу, одного выпотрошеннаго, котораго охотники убили полуживаго, выгнаннаго изъ стада. Впрочемъ съ вырѣзанною частію кожи, покрывающей лобъ, что полагаю сдѣлано было не безъ намѣренія, хотя по недогадливости я не узналъ для чего такъ дѣлается. Но извѣстно, что пояса, сдѣланные изъ кожи ура дороги и народъ убѣжденъ, что такіе пояса помогаютъ при родахъ. Королева Бона, мать Сигизмунда Августа, подарила мнѣ два пояса такого рода. Одинъ изъ этихъ поясовъ, поднесенный

мною, милостиво приняла Свѣтлѣйшая Государыня моя Императрица Римская» (*Regum Moscoviticarum Commentarii Sigismundi liberi Baronis in Herberstain 1556 ст. 109 и 110*).

Къ этимъ весьма подробнымъ описаніямъ приложены рисунки, точныя копіи съ которыхъ мы здѣсь и прилагаемъ. Итакъ мы имѣемъ не только описаніе, но и изображеніе двухъ дикихъ быковъ, весьма различныхъ между собою. Въ одномъ изъ нихъ, именно зубрѣ, нельзя не узнать Аристотелевскаго Bonasus и Плиніевскаго Bison. Очевидно преувеличенное разстояніе между рогами есть послѣдствіе разказовъ охотниковъ литовскихъ. Можетъ быть и сълъ Сигизмундъ между рогами и другихъ два поляка сидѣли между ними, но не вмѣстѣ, а порознь. Впрочемъ, преувеличенное разстояніе между рогами у зубра, какъ замѣчаетъ А. Вагнеръ, сказка не новая, такъ Pussovianus въ своемъ стихотвореніи *Carmen de statura feritate et venatione Bisontis 1523* тоже говоритъ, что три человѣка могутъ сидѣть между рогами бизона.

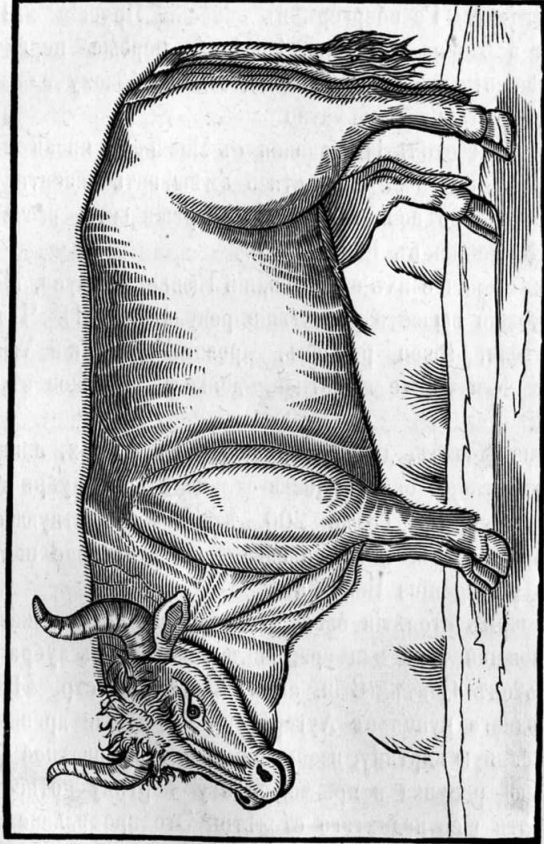
Лаврентій Сурій (*Comment. rerum in orbe gestarum. Colon. 1702 предисловіе 1564 г.*) на ст. 35 говоритъ. Заблуждаются тѣ, которые уровъ (Uros) зовутъ бизонами (Bisontes), ибо бизоны многимъ отличаются отъ уровъ.

Граціанъ-де-Бурго также упоминаетъ объ урахъ и бизонахъ.

Нѣмцевичъ издалъ въ 1821 году дневникъ Муканте, бывшаго Секретаремъ Папскаго Нунція при польскомъ дворѣ въ 1595 году. Здѣсь Муканте говоритъ, что онъ посѣтилъ большой королевскій паркъ близъ Варшавы, гдѣ были бизоны и туры.

Воевода Остророгъ, писавшій въ XVI столѣтіи многія сочиненія, касающіяся охоты и сельскаго хозяйства, написалъ руководство къ устройству охотничьихъ парковъ, гдѣ совѣтуетъ не содержать въ одномъ и томъ же паркѣ бизонъ и уровъ, ибо, вълѣдствіе врожденной антипатіи, эти животныя часто дрались бы. Эта рукопись находилась въ библіотекѣ Гр. Юсефа Краснскаго въ Варшавѣ.

Висон сум, польскі зубер, германіс бисонт: игнарі чрі помен дедерант.
Я бизонтъ, по польскі зубръ, по нѣмецки бизонтъ: незнающіе называли уромъ.

Урус сум, польскі тур, германіс аурых: игнарі бисонтіс помен дедерант.
Я уръ, по польскі туръ, по нѣмецки аурых: незнающіе называли бизонюмъ.

Въ XVI же вѣкѣ Мартынь Кромеръ, Туанъ и Иоанъ Ботеръ въ своихъ историческихъ и статистическихъ описаніяхъ Литвы также говорятъ о турахъ и зубрахъ или урахъ и бизонахъ, какъ о двухъ различныхъ животныхъ.

Въ XVII столѣтіи Геллебергеръ въ описаніи Пруссіи и Гарткнохъ (Старая и Новая Пруссія 1684 г.) первые перемѣшали этихъ двухъ животныхъ и все, относящееся къ бизону или зубру, отнесли къ туру и уру, и обратно.

Въ началѣ XVII столѣтія, начиная съ Московія, писавшаго въ 1705 г., большинство писателей стало смѣшивать визента и ура зубра и тура, что объясняется уже совершеннымъ исчезновеніемъ *Bos primigenius* въ Европѣ.

Вслѣдствіе историческихъ изслѣдованій Кювье, Боянуса, Мейера, Бера и др. можно вывести слѣдующіе результаты: 1) Что *Onoplosus* Аристотеля, *Bison* римлянъ, древне-Германскій *Wisent* и зубръ есть одно и то же животное, донынѣ живущее въ Бѣло-вѣжской Пушѣ.

2) Что *Urus* римлянъ, древне-германскій *Ur* и *Uroch*, славянскій туръ есть животное, специфически-отличное отъ зубра и уже окончательно вымершее, болѣе 200 лѣтъ не существующее на европейскомъ материкѣ, и въ палеонтологіи извѣстное подъ названіемъ *Bos primigenius* Боянуса.

Уже въ нашемъ столѣтіи было открыто еще новое доказательство существованія тура или ура, какъ особаго отъ зубра дикаго быка. Гамильтонъ Смитъ (*Griff. anim. kingd. IV* стр. 416) говоритъ: «У одного купца въ Аугербургѣ мы нашли древнюю, на полотнѣ написанную картину, изображающую это животное (тура). Судя по стилю рисунка и пр. можно эту картину отнести къ первой четверти шестнадцатаго столѣтія. Это профильное изображеніе быка безгриваго, но довольно грубоволосаго, съ большою головой, толстою шеей, узкимъ подгрудкомъ (грудной), ржаво-чернаго цвѣта, одинъ подбородокъ бѣлый; рога идутъ впередъ и потомъ поднимаются вверхъ, какъ у романскихъ быковъ; рога

бѣлесоватые съ черными концами. Въ углу картины видны остатки щитоносцевъ и слово *Thur*, написанное золотыми нѣмецкими, почти стертymi, буквами.»

Не смотря на всѣ приведенныя доказательства, несмотря на такіе авторитеты, какъ Кювье, Мейеръ и Беръ, все-таки нѣкоторые филологи и естествоиспытатели утверждаютъ, что туръ и зубръ, уръ и визентъ или бизонъ не болѣе какъ синонимы, обозначающіе одно и то же животное. Вопросъ о томъ синонимы ли эти слова, или выражаютъ названія двухъ разныхъ животныхъ, интересенъ не для однихъ только филологовъ, онъ интересенъ и для зоолога, ибо въ первомъ случаѣ предѣлы бывшаго географическаго распространенія зубра значительно бы расширились къ сѣверу.

Укажемъ напередъ, о чемъ подробнѣе въ послѣдствіи, что въ ископаемомъ состояніи намъ извѣстны изъ недавно жившихъ въ Европѣ два быка *Bos primigenius* и *Bos priscaus*. Въ первомъ угадывается уръ, во второмъ зубръ.

Особенно сильнымъ защитникомъ тождества зубра съ туромъ является варшавскій ученый Пушь, который въ двухъ своихъ статьяхъ именно въ прибавленіи къ палеонтологіи Польши и статьѣ «О названіяхъ тура и зубра» въ архивѣ Вигмана за 1840 годъ собралъ дѣйствительно большое количество доказательствъ въ пользу своего мнѣнія. Правда, нѣкоторыя изъ нихъ очевидныя натяжки. Такъ напр. толкованіе уже приведенныхъ нами стиховъ изъ пѣсни Нибелунговъ.

*Darnach sluch er schire einen Wizent und einen Elch, starch
Ure viere und einen grimmen Schelch.*

Гдѣ Пушь силится доказать самыми хитрыми уловками, что *Schelch* выражаетъ самца, а *Elch* самку—лося, и, основываясь на этомъ, сказать по правдѣ, весьма шаткомъ толкованіи доказываетъ что *wizent* есть самка ура.

Далѣе Пушь заподозриваетъ автентичность рисунковъ тура и зубра, приложенныхъ къ запискамъ Герберштейна, на томъ осно-

вани, что этих рисунковъ нѣтъ при первомъ изданіи тѣхъ же записокъ. Но мы имѣемъ изданіе Герберштейновскихъ записокъ 1556 года, на заглавномъ листѣ котораго прямо говорится, что рисунки приложены самимъ авторомъ. «Ad haec (описанію, дневнику, дорожнику и пр.), non solum novae aliquot tabulae, sed multa etiam alia nunc demum ab ipso autore adiecta sunt. Затѣмъ Пушъ считаетъ и самое описаніе этихъ животныхъ не точнымъ, записаннымъ Герберштейномъ по наслышкѣ, не разобравъ дѣла; ибо Герберштейнъ говоритъ, что пояса, сдѣланные изъ кожи лба туровъ, употреблялись какъ средство для облегченія родовъ, тогда какъ по другимъ писателямъ такіе пояса дѣлались изъ кожи лба зубровъ, и Пушъ предполагаетъ, что рисунки Герберштейна сдѣланы послѣ по неточнымъ описаніямъ Герберштейна.

Всѣхъ доказательствъ Пуша приводитъ мы считаемъ излишнимъ, но есть нѣкоторыя, на которыя не указать нельзя. Такъ напр. то, что въ Гродненской губерніи, гдѣ рѣки Неманъ, Бугъ и Росъ составляютъ границы Литвы съ Русью, съ одной стороны, въ Литвѣ, встрѣчаются названія урочищъ и деревень: Зубры, Зубровый куть, Зуброво, а по другую сторону уже на Руси являются урочища и деревни: Турно, Туры, Туровъ.

Главнѣйшія свои доказательства, изъ которыхъ выводится, что зубръ есть Литовское названіе животного, которое русскими называлось туромъ, Пушъ сопоставляетъ въ особомъ отдѣлѣ своей второй статьи, вообще написанной противъ доказательствъ К. М. Бера; этотъ отдѣлъ, названный Пушемъ «Конечный результатъ», мы приводимъ здѣсь вполнѣ:

«Изъ семи, слѣдующихъ за симъ доказательствъ выходитъ, что *Urus* и *Bison* — туръ и зубръ въ славяноколетскихъ языкахъ — *Urochs*, *Auer*, *Wisent* и даже *Büffel* въ древне-германскихъ нарѣчіяхъ и въ письменныхъ памятникахъ не суть названія двухъ, въ однихъ мѣстностяхъ жившихъ дикихъ быковъ, а суть названія одного и нынѣ живущаго быка *Bos urus L.*; потому что:

1) Ни одинъ средневѣковой естествоиспытатель и топографъ не былъ въ состояніи доказать дѣйствительное, видовое различіе животныхъ, обозначаемыхъ этими однозначными именами.

2) Ибо польскій историкъ Длугошъ (въ первой половинѣ XV столѣтія) самъ употребляетъ имена *turus* и *zubro* какъ синонимы, какъ названія одного и того же животного.

3) Потому что въ Литовско-польскихъ законахъ объ охотѣ постоянно называется одинъ и никогда не встрѣчается двухъ дикихъ видовъ быковъ, въ числѣ животныхъ, имѣющихъ значеніе въ охотѣ.

4) Потому что Полякъ Кояловичъ въ XVI столѣтіи и польскій поэтъ XVII столѣтія употребляютъ слово *туръ* въ Литвѣ и туржонтко въ Польшѣ для обозначенія зубра и зубренка, съ чѣмъ согласны Чацкій и между новыми натуралистами Юджилль, Яроцкій и др.

5) Потому что названіе *туръ* еще и теперь на малороссійскомъ нарѣчій въ устахъ народа, обозначаетъ только зубра.

6) Потому что многія свидѣтельства XVI столѣтія, если ихъ сравнить между собою, покажутъ, что эти имена только синонимы. Такъ Граціани высчитываетъ въ Пруссіи *urii et bisontes* и тамъ же Лука Давидъ говоритъ лишь объ одномъ живущемъ видѣ; Муканте и Сарницкій знаютъ лишь въ Вискитскомъ охотничьемъ округѣ только охоту на бизоновъ, а въ томъ же округѣ Кромель, Герберштейнъ, Свенцицкій почти одновременно съ первыми писателями помѣщаютъ лишь однихъ туровъ.

7) Потому что нѣмецкія названія *Ug* и *Wizent* въ пѣсни Нибелунговъ точно также обозначаютъ лишь различные помы одного и того же быка *Bos urus L.*

Мы видимъ что всѣ доказательства кромѣ 5 и 7 касаются преимущественно XVI столѣтія когда *Bos primigenius* или вымеръ въ Европѣ, или же во многихъ мѣстностяхъ совершенно вымеръ, такъ что названія, прежде относившіяся къ двумъ различнымъ видамъ быка, могли даваться уже одному, оставшемуся въ

живыхъ. 7-е доказательство Пуша не выдерживаетъ критики и явная натяжка.

5-же доказательство Пуша дѣйствительно можетъ имѣть значеніе. Есть еще доказательство другаго рода въ пользу мнѣнія Пуша, а именно: растеніе *Hierochlea borealis* называется зубровкой и туровкой.

Намъ кажется, что это можно объяснить слѣдующимъ:

Очень часто народъ даетъ названіе одного животнаго другому, когда перваго животнаго нѣтъ въ той мѣстности, гдѣ живетъ второе. Это дѣлается притомъ въ томъ случаѣ, когда въ самомъ названіи, переносимомъ съ одного животнаго на другое, есть нѣчто общее, когда видоваго понятія не соединяется съ этимъ названіемъ. Приведемъ примѣры. Исчезнувшее слово олень мы не знаемъ къ какому виду рода *cervus* относилось. Измѣнившись въ олень, оно относится къ двумъ разнымъ животнымъ, именно: на сѣверѣ и въ Сибири оленемъ просто называется *Cervus tarandus* сѣверный олень (эпитетъ, приданный уже зоологами), на югѣ Россіи оленемъ называютъ *Cervus elaphus*. Эти два вида животныхъ въ Россіи сходятся только въ одномъ мѣстѣ, именно Сибири и тамъ тотчасъ же оба вида пріобрѣтаютъ два различныя видовыя названія. За первымъ остался олень, второй назвался и зюбремъ. Названіе серна также относится къ двумъ различнымъ видамъ, даже разныхъ семействъ, именно: серною называютъ козулю, *Cervus capreolus*, и собственно серну *Capella hircariga*, опять-таки эти животныя не сходятся между собою. Козуля представляетъ намъ примѣръ еще болѣе далекаго переноса названія одного животнаго на другое. Козулю вездѣ въ Россіи зовутъ козой. Коза вовсе утратила свое видовое значеніе и въ мѣстностяхъ, гдѣ водится козуля, есть лишь домашнія козы. Поэтому для отличія козули отъ послѣднихъ къ слову коза прибавился эпитетъ дикая или какъ у Поляковъ *skalna*. На Кавказѣ же, гдѣ есть не одни домашнія козы, но и дѣйствительно дикія козы, козуля пріобрѣтаетъ особое видовое названіе. На-

званіе за яцъ не имѣетъ значенія видоваго. Русскій народъ отличаетъ виды рода зайца, названіями бѣлякъ, русакъ и пр., а потому и названіе за яцъ перенесено (на основаніи сходства одного только признака—длинныхъ ушей) и на тушканчика *Dipus*. Только *Dipus* называется не просто зайцемъ, а съ прибавленіемъ эпитета земляной и пр. и пр. Такихъ примѣровъ много.

Слово туръ нельзя назвать чисто русскимъ или славянскимъ. Корень этого слова весьма сильно распространенъ и вездѣ означаетъ нѣчто большое, сильное, бодающееся: такъ халдейское *thor*, греческое *ταυρος*, римское *taurus* означаетъ быка, какъ и русское туръ, датское *tiur*, шведское *tjur* и исландское *tur*. Древнее *tor*, *stor* и *thor* значить большой, древнее кельтское слово *tagu* значить бодаться. Видоваго въ словѣ туръ нѣтъ ничего, все общее, относящееся вообще къ большому быку. Мы видимъ это же названіе на Кавказѣ, перенесенное на дикаго большого барана, слѣдовательно весьма не мудрено и даже очень вѣроятно, что въ русскихъ памятникахъ изъ мѣстностей, гдѣ не сходились *Bos primigenius* и *Bison europaeus*, названіе тура могло относиться и относиться къ тому и другому, тамъ же, гдѣ оба вида сходились вмѣстѣ, какъ напр. въ Литвѣ и Польшѣ, тамъ явилось и два видовыхъ названія: туръ и зубръ. Изъ прежде приведенныхъ примѣровъ мы видѣли, что для отличія животныхъ иногда къ одному и тому же названію придается какой-нибудь эпитетъ. Въ старинной русской былинѣ о Соловьѣ Будиміровичѣ говорится:

Единый корабликъ передомъ бѣжитъ,
Передомъ бѣжитъ, какъ соколъ летитъ:
Высоко его головка призадынута,
Носъ, корма была по звѣриному,
А бока сведены по туриному,
Того ли тура заморскаго,
Заморскаго тура Литовскаго.

Здѣсь, какъ уже замѣтилъ И. Д. Бѣляевъ въ своей статьѣ «Поминки по вымершемъ турѣ», въ народной поэзіи туръ литовскій являлся сильнѣе и могучѣе тура при-диѣпровскаго. Весьма легко можетъ быть, что въ древней Руси туромъ просто назывался *Bos primigenius*, уже вымиравшій въ то время, а туръ литовскій было видовое русское названіе зубра.

Оставляемъ окончательное рѣшеніе затронутого нами вопроса филологамъ, которые имѣютъ болѣе для этого средствъ и познаній.

Относительно же прежняго географическаго распространенія зубровъ мы знаемъ, что вся площадь средней Европы къ сѣверу отъ Альповъ до Литвы включительно на сѣверѣ была заселена зубрами, что по всей вѣроятности уничтоженіе лѣсовъ и заселеніе всѣхъ этихъ мѣстностей, а также любимая забава средневѣковыхъ Германцевъ — охота истребили зубровъ, и остались они лишь въ Трансильваніи, можетъ быть Молдавіи, Восточной Пруссіи, Польшѣ и Литвѣ.

Такъ было дѣло, почти до половины XVIII столѣтія. Последнія извѣстія объ трансильванскихъ зубрахъ имѣются отъ 1729 года, именно въ этомъ году гр. Кенигзекъ прислалъ отсюда австрійскому императору зубра-самца. Этотъ зубръ можетъ быть былъ послѣднимъ въ Трансильваніи. Въ Венгріи, Богеміи, Моравіи, Силезіи, Австріи, Галиціи онъ исчезъ уже съ незапамятныхъ временъ, когда вымеръ зубръ въ Молдавіи — неизвѣстно. Остались слѣдовательно зубры лишь въ Восточной Пруссіи, Польшѣ и Литвѣ.

Въ Пруссіи истребленіе лѣсовъ уже съ XIV столѣтія повело къ постепенному уничтоженію зубровъ. Чтобы сохранить остатки зубровъ, правительство запретило убивать зубровъ въ лѣсахъ между Лабіау и Тильзитомъ. На зиму заготовлялось для зубровъ сѣно между Топлаки и Лаукишки (нынѣ Фридрихсбургъ). Только изрѣдка въ этой мѣстности ловились зубры живьемъ для подарковъ различнымъ государямъ. Несмотря на эти мѣры, все-таки зубровъ стрѣляли и наконецъ рассказываютъ, что остальные зубры заразились отъ стадъ домашнихъ коровъ и за исключеніемъ

немногихъ особей пали жертвой этой заразы. Въ 1755 году былъ убитъ послѣдній зубръ въ прусскихъ лѣсахъ, съ тѣхъ поръ не стало зубра въ Пруссіи и остался онъ лишь въ Польшѣ и Литвѣ.

Въ этихъ двухъ мѣстностяхъ короли и магнаты сильно заботились о сохраненіи зубра и потому заботливо хранили ихъ во многихъ паркахъ, какъ напр. близъ Варшавы, Остроленки и Замосця. Объ устройствѣ этихъ парковъ еще писалъ воевода Острогъ, но и здѣсь не уцѣлѣли зубры. Вѣроятная причина ихъ гибели была въ безирестанныхъ революціяхъ и политическихъ безпорядкахъ Польши. Въ XVIII столѣтіи исчезли зубры въ Якутской пушчѣ, близъ Варшавы, будто бы отъ падежа, занесеннаго сюда домашнимъ скотомъ. И теперь только Бѣловѣжская пушча хранитъ остатки животнаго, нѣкогда имѣвшаго громадное распространеніе и населявшаго лѣса средней Европы вмѣстѣ съ другими, нынѣ также исчезнувшими животными.

VII.

Вымираетъ ли зубръ? и средства къ его сохраненію.

Уже много животныхъ исчезло съ лица земли, и многимъ видамъ пришлось погибнуть въ борьбѣ за свое существованіе. Достоверно извѣстны причины гибели двухъ видовъ: морской капустицы Стелера (*Rhytina Stelleri*) у береговъ Камчатки и додо (*Dyodus inaeptus*) на островѣ Маврикія. Въ обоихъ случаяхъ главнымъ образомъ челоуѣкъ былъ причиною исчезновенія этихъ животныхъ — они истреблены челоуѣкомъ. Но не одинъ челоуѣкъ бываетъ причиною вымиранія животныхъ цѣлымъ видомъ. Какъ особь истрачивается въ борьбѣ за существованіе и становится неспособною вознаграждать потерю, т. е. теряетъ возможность реагировать вреднымъ измѣненіямъ внѣшнихъ условій и умираетъ, такъ точно и видъ вымираетъ, если не находитъ въ себѣ довольно силъ, чтобы противоборствовать вліяніямъ внѣшнихъ условій.

Вредныхъ условій несравненно больше для животныхъ, нежели условій для нихъ полезныхъ, — кругомъ болѣе враговъ нежели друзей. Охрана отъ этихъ враговъ, уже дѣлающихъ жизнь въ данной мѣстности невозможною, двоякая, либо переселеніе въ иную страну, гдѣ жить привольнѣе, либо измѣненіе самой организаціи въ смыслѣ приспособленія къ измѣненнымъ вѣшнимъ условіямъ.

Вѣшнія условія измѣняются либо разомъ, либо постепенно, мало-по-малу, незамѣтно. Последнія измѣненія встрѣчаются чаще. При наступленіи измѣненій вѣшнихъ условій разомъ, какъ напр. наводненій, вырубки лѣзовъ, осушки болотъ, какихъ либо катаклизмовъ, даже при перемѣнѣ временъ года, животному приходится либо умереть, либо переселиться, что-нибудь одно. Переселенія леминговъ, перелеты птицъ и т. п. движенія избавляютъ видъ отъ смерти, что за дѣло, что во время путины гибнутъ тысячи особей, дошедшія до обѣтованной земли размножатся тамъ, и видъ остается цѣлъ. Оставшіяся на мѣстѣ особи, неизмѣнная возможность переселиться, понятно гибнутъ въ борьбѣ съ враждебными условіями.

Если же условія мѣняются постепенно, исподволь, почти незамѣтно, то обыкновенно животный видъ, вслѣдствіе естественнаго подбора производителей (Дарвинъ), въ свою очередь постепенно измѣняется, приспособляется къ измѣняющимся условіямъ, и видъ остается цѣлъ.

Но не всегда бываетъ такъ. Если подборъ производителей слабъ, если сами производители, вслѣдствіе своего образа жизни, раскинуты, т. е. ведутъ жизнь по преимуществу одинокую, то естественно ожидать, что измѣненія въ организаціи животныхъ не пойдутъ параллельно съ измѣненіями вѣшнихъ условій, будутъ отставать отъ последнихъ, и видъ начинаетъ вымирать, т. е. сокращаться въ количествѣ особей. Примѣръ такого вымирания мы можемъ видѣть во львѣ. Въ настоящее время уже въ Алжирѣ и къ сѣверу отъ Капа львы на перечетъ.

Понятно, что чѣмъ меньшее пространство занимаетъ животное, чѣмъ географическое распространеніе его ограничениѣе, чѣмъ болѣе условія мѣстопробыванія животнаго тѣсны, тѣмъ и средствъ къ борьбѣ за существованіе у животнаго меньше, тѣмъ болѣе оно подлежитъ вымиранию и исчезновенію съ лица земли. Видъ додо не на одномъ островѣ Маврикія, онъ, можетъ-быть, жилъ бы еще доселѣ. Можно было истребить волка на Британскихъ островахъ, долго еще не истребятъ его въ Россіи, хотя и принимаютъ мѣры для этого. Вымираніе животнаго вида выражается слѣдующими вѣшними признаками: ростъ животнаго уменьшается, плодовитость сокращается, самцовъ рождается болѣе, чѣмъ самокъ, отчего размноженіе идетъ еще труднѣе. Все эти признаки мы видимъ въ зубрѣ.

Отъ прежняго громаднаго распространенія этого животнаго осталась лишь одна Бѣловѣжская пуща. Ростъ зубровъ уже въ историческое время значительно уменьшился. Такихъ ужъ большихъ зубровъ, какіе убивались королями польскими и вѣсь которыхъ записывался, уже нѣтъ теперь. Д. Я. Далматовъ даже полагаетъ что въ Бѣловѣжской пущѣ есть двѣ разновидности зубровъ, изъ которыхъ одна гораздо мельче другой. Самцовъ рождается гораздо болѣе нежели самокъ. Далматовъ говоритъ, что самцовъ можно считать навѣрное столько же сколько, и самокъ, а зубръ — животное многоженное. Наконецъ изъ пущи зубры не выходятъ, слѣдовательно не разселяются далѣе. Сама пуща уменьшается въ своихъ размѣрахъ отъ вырубокъ. Правда, что число зубровъ вообще увеличилось съ 30 года, но правда и то, что только съ 1831 года запретъ стрѣлять зубровъ соблюдается весьма строго.

Итакъ мы, въ правѣ сказать, что зубръ есть животное вымирающее и что условія вымирания, какъ то: неплодность самокъ, увеличеніе числа самцовъ и уменьшеніе пущи, усиливаются все болѣе и болѣе.

Человѣкъ имѣетъ въ своей власти сильное средство, какъ для ускоренія вымирания вида животнаго, такъ и для предотвращенія

его. Безспорно въ первомъ человѣкѣ гораздо сильнѣе, нежели въ последнемъ.

Измѣняя дикое животное въ порабощенное, домашнее, человѣкъ становится чуть ли не полнымъ его властелиномъ, ибо уничтожаетъ большинство виѣшнихъ, отъ человѣка независящихъ условий, и замѣняетъ ихъ другими, которыя волюнѣ находятся въ его распоряженіи. Такъ напр.: теплота, кормъ и, главное, выборъ производителей на племя находятся въ рукахъ человѣка. Вслѣдствіе послѣдняго фактора организація животнаго, подвергшагося одомашненію, становится подвижнѣе, т. е. способнѣе производить индивидуальныя аномаліи и, вслѣдствіе подбора, зависящаго отъ человѣка, сохранять, закрѣплять и передавать въ потомство такія аномаліи. Изъ этого слѣдуетъ, что дикое животное, подвергающееся вымиранию, можетъ сохраниться, если человѣкъ успѣетъ одомашнить его. Но видъ животнаго сохраняется не волюнѣ, а измѣняется, т. е. одомашненіе даетъ большую силу тѣмъ дѣятелямъ природы, отъ которыхъ животное измѣняется и въ дикомъ состояніи. Подобный примѣръ мы видимъ въ потомкахъ *Bos primigenius*, жившаго нѣкогда рядомъ съ зубромъ и почти въ однихъ съ нимъ условіяхъ.

Рютимейеръ при изслѣдованіи остатковъ животныхъ, найденныхъ въ древнѣйшихъ свайныхъ постройкахъ Швейцаріи, находитъ одни лишь остатки дикихъ, неприрученныхъ, неодомашненныхъ *Bos primigenius*. Въ болѣе новыхъ свайныхъ постройкахъ находятся остатки уже одомашненнаго *Bos primigenius* и не только въ одномъ чистомъ видѣ, но и въ смѣшеніи съ другими породами домашняго скота. Давно уже исчезъ вовсе дикій *Bos primigenius*, онъ вымеръ; но потомство его сохранилось во многихъ породахъ рогатаго скота; слѣдовательно потомство это измѣнилось, удалось по признакамъ отъ своихъ предковъ, образовало подъ вліяніемъ человѣка нѣсколько породъ, которыя вслѣдствіе одомашненія способны въ свою очередь быть родоначальниками еще новыхъ породъ и т. д.

Сохраненіе вымирающаго вида черезъ одомашненіе едва ли не единственно вѣрный способъ предупрежденія вымирания. Этотъ способъ удается и при акклиматизаціи. Леджеръ, имѣвшій въ виду перевести въ Австралію драгоценныхъ перуанскихъ вигоней, сначала приручилъ, до известной степени одомашнилъ ихъ, и потомъ перевезъ, слѣдовательно Леджеръ перевезъ животныхъ болѣе способныхъ реагировать перемѣнѣ виѣшнихъ условий, и въ то же время, завладевъ отчасти сказанными условіями, до известной степени уменьшилъ ихъ перемѣну.

Не думаемъ, впрочемъ, чтобы этотъ вѣрный способъ годился для сохраненія вымирающаго зубра. Причины слѣдующія:

Одомашненіе дикихъ животныхъ можетъ идти успѣшно лишь тогда, когда дикихъ родичей много. Когда этихъ дикарей легко добывать и нечего жалѣть, когда на десяткахъ, сотняхъ этихъ дикарей опытъ одомашненія будетъ неудаченъ. Дарвинъ доказалъ, что при первыхъ измѣненіяхъ физическихъ условий главнѣйшимъ образомъ страдаетъ плодовитость, т. е. отравленіе половыхъ органовъ. Слѣдовательно при опытахъ одомашненія первое на что должно смотрѣть, это на то, чтобы у животныхъ, подвергаемыхъ опытамъ, въ дикомъ состояніи плодливость уже не была сокращена. Относительно зубровъ мы уже видѣли, что они не очень то плодучи въ дикомъ состояніи, а въ неволѣ и того меньше. Потомство шенбрунскихъ зубровъ, единственнаго мѣста, гдѣ они плодились, состоитъ изъ однихъ самцовъ, увеличеніе же числа самцовъ сравнительно съ числомъ самокъ есть признакъ вымирания. Въ Гатчинѣ зубры пользуются просторомъ, не чувствуютъ недостатка ни въ количествѣ, ни въ качествѣ пищи, а плодились всего одинъ разъ. У Валицкаго зубръ смѣшался съ домашней коровой и сылъ приплодъ, а зубрица ни разу не телилась. Изъ всего этого мнѣ кажется можно вывести, что зубра можно было одомашнить, когда онъ сильно былъ распространенъ въ Европѣ, а теперь употребить это средство поздно, тѣмъ болѣе, что одомашненіе есть процессъ медленный, вѣковой, пожалуй зубръ вым-

реть прежде, нежели удастся одомашнить какихъ-нибудь 10 экземпляровъ.

Въ самой пушѣ, намъ кажется, можно принять нѣсколько предохранительныхъ мѣръ, кромѣ тѣхъ, какія уже приняты правительствомъ, такъ напр. уничтоженіе одиноцовъ, сбереженіе самокъ и увеличеніе зубринныхъ покосовъ, а главное охраненіе самой пушцы отъ вырубокъ. Хотя каждая изъ этихъ мѣръ можетъ дать болѣе или менѣе благопріятные результаты, въ особенности уничтоженіе одиноцовъ, а слѣдовательно припускъ молодыхъ самцовъ къ зубрицамъ, но нельзя не покаяться, что это мѣры только паліативныя, и за полный успѣхъ ручаться нельзя.

Въ началѣ этой главы мы говорили, что отъ неблагопріятныхъ условій или вѣрнѣе при переѣздѣ благопріятныхъ условій на неблагопріятныя, животныя либо удаляются изъ этой страны, либо измѣняются, либо наконецъ вымираютъ. Измѣняться зубрь едва ли можетъ, но онъ можетъ переселиться или правильнѣе его можно переселить. Условія физическія, ему пригодныя, рѣдки у насъ въ Россіи. Нуженъ хвойный лѣсъ, пушны хорошія лѣсныя пастбища, нуженъ обширный кустарникъ, побѣгами котораго зубрь питался бы по зимамъ. Повторяемъ такихъ мѣстностей въ Россіи много. Укажемъ на лѣса по Ветлугѣ, за Казанью, лѣса почти всей Пермской губерніи. Понятно, необходимо, чтобъ эти лѣса принадлежали казнѣ, а не были частною собственностію, ибо лѣса, принадлежащіе частнымъ владѣльцамъ, могутъ истребляться, смотря по нуждамъ владѣльцевъ, и чтобы надзоръ за зубрами и заготовленіе имъ сѣна на зиму были такіе же какъ въ Бѣловѣжской пушѣ.

Въ лѣсахъ сѣверо-восточной Россіи, гдѣ лѣсъ не имѣетъ огромной цѣнности, можно было бы огородить бревнами значительное пространство, что не допускало бы въ загородъ волковъ, и въ такую огороженную пушцу пустить сотню зубровъ, разсчитывая въ этомъ стадѣ на каждаго самца по три самки. Нельзя думать, чтобы въ мѣстности, для нихъ удобной, животныя не плодились

бы и не размножались. Тогда бы Россія имѣла два мѣстопробыванія зубровъ, что весьма важно въ слѣдующемъ отношеніи.

Извѣстно, что порода мельчаетъ, когда всѣ производители переродятся между собой. Коннозаводчикамъ и скотоводамъ это давнымъ давно извѣстно и они по возможности освѣжаютъ кровь приобрѣтеніемъ новыхъ самцовъ, не родственныхъ стаду. Можетъ быть, нынѣшніе зубры Бѣловѣжской пушцы, какъ потомки всего 500 зубровъ, жившихъ тамъ въ 1824 году, всѣ болѣе или менѣе переродились между собой, можетъ быть это и есть причина появленія болѣе мелкихъ зубровъ, которыхъ Д. Я. Далматовъ и принялъ за особую разновидность. Прибавить къ зубрамъ бѣловѣжскимъ производителей, имъ не родственныхъ, теперь нельзя — взять неоткуда. Но отдѣленные отъ Бѣловѣжской пушцы, перенесенные въ сѣверо-восточную Россію, и въ теченіе 30, 40 лѣтъ въ этой новой мѣстности размножающіеся, зубры должны бы, хотя бы на глазъ и непримѣтно, обособиться отъ бѣловѣжскихъ зубровъ, т.-е. родственная связь должна нарушиться между ними, и въ послѣдствіи возможно было бы частицами мѣнять зубровъ между обоими ихъ мѣстопробываніями.

Я увѣренъ, что читатели посмотрятъ на такія предположенія какъ на воздушныя замки. Дѣйствительно для частныхъ лицъ это мечты, не болѣе, но для государства такія мечты могутъ быть быточными. Укажу на примѣры: въ Бразиліи водворены верблюды, тибетскіе яки переселились на Юру, южно-американскія вигони разводятся въ Австраліи. Иной вопросъ: найдетъ ли государство нужнымъ сдѣлать такое переселеніе зубровъ и потратить довольно значительныя суммы на подобную попытку, тѣмъ болѣе что якъ, верблюдъ и вигонь животныя полезныя, а зубры лишь только животныя рѣдкия. Не наше дѣло входить въ подобныя расчеты, но, какъ зоологи, не можемъ не пожелать сохраненія вымирающаго вида.

Относительно переселенія зубровъ на сѣверо-востокъ европейской Россіи можно сдѣлать возраженіе довольно основательное,

указавъ на разницу климата сѣверо-восточной Россіи съ климатомъ юго-западной.

Палеонтологическія изслѣдованія относительно до-историческаго распредѣленія ископаемыхъ зубровъ *Bos priscus*, изслѣдованія, занесенныя въ лѣтописи науки, могутъ отчасти дать отвѣтъ на подобное возраженіе. Результаты палеонтологическихъ изслѣдованій составятъ предметъ слѣдующей главы.

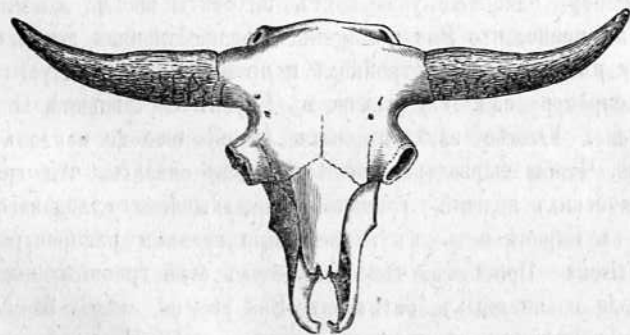
VIII.

Ископаемый зубръ, его расселеніе. Участвовалъ ли зубръ въ образованіи домашняго скота?

Почти во всѣхъ дилувіальныхъ слояхъ Европы, особенно въ Швеціи, въ Германіи по Рейну, во Франціи и въ Англии, даѣе въ Сибири, и наконецъ въ Сѣверной Америкѣ встрѣчаются ископаемыя части скелета быка, близкаго къ зубру и американскому бизону. Боянусъ назвалъ этого быка *Bos priscus*. Мы имѣемъ довольно полное описаніе этого дилувіальнаго зубра у Боянуса, Кювье и въ особенности Мейера, даваго подробнѣйшія свѣдѣнія о мѣстонахожденіи, степени сохраненія, свойствѣ самой кости и размѣрахъ ему извѣстныхъ череповъ *Bos priscus*. Изъ всѣхъ этихъ свѣдѣній ясно слѣдуетъ то, что *Bos priscus* едва ли на достаточномъ основаніи можетъ быть отдѣленъ какъ особый видъ и отъ зубра, и отъ американскаго бизона. Блазиусъ, находя повсюду переходы отъ *Bos priscus* къ зубру, и отъ перваго къ американскому бизону, прямо изъ этого выводитъ, что ни *Bos priscus*, ни американскій бизонъ не могутъ быть отдѣлены въ особые виды отъ зубра. Дѣйствительно, мы находимъ переходы между этими тремя формами, если исходною точкою нашихъ изслѣдованій будетъ ископаемый *Bos priscus*, но для зубра и американскаго бизона, какъ ни незначительны ихъ видовые отличительные признаки, все же для нихъ переходовъ нѣтъ, и они со-

ставляютъ два отдѣльныхъ, хотя весьма близкихъ и родственныхъ вида.

Въ черепяхъ ископаемаго *Bos priscus* вполне ясно выражены признаки рода *Bison*. Главныя отличія отъ череповъ нынѣ живущихъ видовъ того же рода состоятъ преимущественно въ болѣе изъгнутой скульптурѣ костей, въ гораздо болѣе абсолютной величинѣ, при чемъ относительные размѣры, сохраняя родовой признакъ, т.-е. что ширина лба больше его длины, иные, ибо голова болѣе вытянута, чѣмъ у нынѣ живущихъ видовъ. Самый рѣзкій признакъ есть разстояніе между концами роговъ, которые у *Bos priscus* $1\frac{1}{2}$, а иногда и въ 2 раза болѣе нежели у живыхъ зубровъ. Впрочемъ эта величина весьма сильно измѣняется, такъ

что въ черепяхъ, взятыхъ изъ однихъ мѣстностей, безъ всякаго различія въ другихъ частяхъ, и нельзя при томъ видѣть какого-либо соотношенія къ полу и возрасту, разстояніе между концами роговъ все-таки сильно измѣняется. Сѣверная Америка, Сибирь и Сконія дали самые большіе экземпляры *Bos priscus*. Величина ископаемыхъ экземпляровъ того же вида изъ средней Европы весьма измѣнчива, и, сравнивая нѣкоторые изъ нихъ по размѣрамъ съ полускопаемыми зубрами, остатки которыхъ найдены Рютимейеромъ въ свайныхъ постройкахъ швейцарскихъ озеръ, мы найдемъ постепенные переходы, припомнимъ кстати, что упо-

мянутые полуископаемые зубры, почти вовсе не отличаются от нынѣ живущихъ.

Изъ всѣхъ ископаемыхъ дилувіальныхъ быковъ, *Bos priscus* имѣеть наибольшее географическое распространіе и при томъ, кажется, появляется ранѣе въ геологической исторіи мірозданія, чѣмъ почти постоянный его спутникъ въ средней Европѣ *Bos primigenius*. *Bos priscus*, какъ на сѣверѣ, такъ и въ южныхъ частяхъ своего распространія, постоянно сопровождаетъ громадныхъ твердокожниковъ, какъ *Elephas primigenius*, *Rhinoceros tichorinus*, *Hippopotamus major*. По замѣчанію Мейера, *Bos primigenius* преимущественно находится въ настоящихъ дилувіальныхъ слояхъ, какъ *Bos priscus* преобладающій видъ быка въ торфахъ. Рютимейеръ однакоже указываетъ на факты весьма замѣчательные, а именно, что *Bos primigenius* предшествовалъ ископаемому бизону въ свайныхъ постройкахъ каменной эпохи. Южную границу распространія *Bos priscus* въ Европѣ составляютъ Пиренеи и Альпы. Южнѣ этихъ горныхъ цѣпей еще не найденъ *Bos priscus*. Чтобы выразиться общѣе, можно сказать, что граница эрратическихъ явленій, граница такъ называемаго ледоваго періода въ Европѣ есть въ то же время граница распространія *Bos priscus*. При томъ, чѣмъ ближе къ этой границѣ мѣстоахожденіе ископаемыхъ остатковъ *Bos priscus*, тѣмъ ближе они своими размѣрами къ полуископаемымъ зубрамъ свайныхъ построекъ.

Точно тоже видимъ мы и въ Сѣверной Америкѣ. Тамъ *Bos priscus* (какъ и въ Сибири) спутникъ ископаемаго пахучаго быка, слѣдовательно житель чуть не крайняго сѣвера. Не много южнѣ нынѣшней сѣверной границы распространія американскаго бизона, слѣдовательно на границѣ сѣверо-американскихъ травяныхъ степей, найдены были самые южные остатки *Bos priscus*. При томъ экземпляры этого ископаемаго животнаго, чѣмъ далѣе къ сѣверу, тѣмъ болѣе отличаются отъ нынѣ живущихъ бизоновъ. Въ Сѣверной Америкѣ ископаемый *Bos priscus* перехо-

дами довольно постепенными сходитя по признакамъ съ нынѣ живущимъ бизономъ.

Мы указали на то, что разстояніе между концами роговъ у *Bos priscus*, хотя признакъ весьма измѣнчивый, гораздо больше, чѣмъ разстояніе между концами роговъ у нынѣ живущихъ зубровъ и бизоновъ. Припомнимъ, что всѣ писатели, говорящіе о современныхъ имъ зубрахъ (*Bison*), отъ Аристотеля до половины XVI столѣтія, упоминаютъ объ томъ, что рога зубровъ разставлены такъ широко, что между ними могутъ помѣститься три человека. Между тѣмъ такое разстояніе роговъ вовсе не зависитъ отъ ихъ длины. Такъ у *Bos primigenius* рога гораздо длиннѣе, но разстояніе между ними меньше.

Соединяя всѣ факты вмѣстѣ, можно прійти къ слѣдующему заключенію, срава нѣсколько гипотетическому, но довольно вѣроятному. Для полной достовѣрности предлагаемой гипотезы не достаётъ еще многихъ фактовъ, главное не достаётъ подробныхъ указаній на мѣстоахожденія *Bos priscus* въ Сѣверной Америкѣ, какъ то сдѣлано Мейеромъ, для экземпляровъ *Bos priscus*, найденныхъ въ сѣверной и средней Европѣ.

Приступаемъ къ изложенію гипотезы о происхожденіи зубровъ, и обособленіи отъ сѣверо-американскихъ бизоновъ.

Когда материкъ сѣверной Азіи былъ еще слитъ въ одно цѣлое съ материкомъ Сѣверной Америки, по всему этому громадному пространству жилъ *Bos priscus* вмѣстѣ съ пахучимъ быкомъ (*Bos Pallasii* въ Сибири, *Bos moschatus* въ Сѣверной Америкѣ, первый давно уже исчезъ, потомки послѣдняго живутъ еще и въ настоящее время) и съ большими нынѣ исчезнувшими твердокожниками. Что соединеніе Азіи съ Америкой дѣйствительно существовало доказывается многими фактами, изъ которыхъ конечно первое мѣсто занимаетъ сходство фауны сѣверныхъ частей Стараго и Новаго свѣта. Пахучій быкъ *Bos priscus*, горная овца (*Ovis montana*, *O. americana*), сѣверный олень, изюбрь и ваши, медвѣдь и пр. общи обоимъ материкамъ.

Послѣ раздѣленія этихъ материковъ, т.-е. послѣ образованія гряды Алеутскихъ острововъ, фауны также раздѣлились и каждая начала обособляться. Пахучій быкъ вымеръ въ Сибири, *Bos priscus* въ Америкѣ началъ пріобрѣтать нѣкоторыя измѣненія, въ числѣ которыхъ самое замѣтное есть уменьшеніе разстоянія между концами роговъ, уменьшеніе втулки глазной орбиты и увеличеніе діаметра послѣдней (см. Гарланъ). Сибирскій *Bos priscus* не измѣнился замѣтно.

Какое-то измѣненіе физическихъ условій, при томъ измѣненіе рѣзкое, довольно быстро дѣйствовавшее, можетъ быть такъ-называемый ледовой періодъ, вытѣснило *Bos priscus* изъ его сѣверной родины, какъ въ Новомъ, такъ и въ Старомъ свѣтѣ, и заставило переселиться это животное въ болѣе южныя широты.

Въ Старомъ свѣтѣ, оставшіеся въ Сибири *Bos priscus*, какъ неизмѣнившіеся, вымерли. Пошедшіе на югъ преимущественно по долинамъ большихъ рѣкъ стали нѣсколько измѣняться, *Bos priscus* въ средней Азій намъ неизвѣстенъ, но въ Европѣ можно прослѣдить его отъ сѣверной части Швеціи до Пиренеевъ и Альповъ. Измѣненія *Bos priscus* изъ слоевъ земли, болѣе новыхъ, замѣчаются преимущественно въ сокращеніи носовыхъ костей, слѣдовательно въ сокращеніи всей головы, такъ что незамѣтными переходами полунископаемые зубры изъ свайныхъ швейцарскихъ построекъ сливаются съ одной стороны съ *Bos priscus* Пюн-де-Дома и Рейнской долины, а съ другой стороны съ нынѣ живущими зубрами, такъ что нынѣ живущіе зубры составляютъ несомнѣнныхъ потомковъ *Bos priscus*. Мы видѣли уже, что и въ историческое время родина зубровъ снова измѣнилась и остатки этого животного снова подались къ сѣверу.

Въ Америкѣ судьбы *Bos priscus* были иныя. Въ Европѣ лѣсное животное *Bos priscus* измѣнилось въ зубра, животное также лѣсное, и вырубка лѣсовъ и увеличеніе народонаселенія уменьшили и число, и величину, и область распространенія зубра, ко-

торый не смогъ реагировать измѣненію внѣшнихъ условій, не смогъ измѣнить и своего образа жизни.

Въ Америкѣ *Bos priscus* изъ борьбы за свое существованіе вышелъ побѣдителемъ. Изъ животнаго лѣснаго онъ сдѣлался постепенными переходами бизономъ, животнымъ по преимуществу степнымъ. Сравнительно съ другими животными, переселенными властію челоуѣка въ громадныя травяныя степи, какъ напр. рогатый скотъ и лошади, переселенные въ травяныя степи Америки, бизонъ измѣнился совершенно въ томъ же направленіи. Ростъ бизона, сравнительно съ *Bos priscus*, даже сравнительно съ нынѣ живущимъ зубромъ, значительно уменьшился, но плодовитость бизона увеличилась. Стада его изъ небольшихъ, особей въ 40—50 (слѣдовательно не болѣе стада зубра), пріобрѣли громадную величину, такъ что стада бизоновъ достигаютъ громаднаго числа — 5 тысячъ особей. Огромное количество пищевого матеріала допускаетъ совмѣстное жителство столькихъ особей. Одицы, столь вредящіе размноженію зубровъ, уже не могутъ повредить бизонамъ (и у нихъ есть одицы), гдѣ нарождается болѣе самокъ, нежели самцовъ, условіе весьма выгодное для размноженія животныхъ, живущихъ въ многоженствѣ. И въ Америкѣ замѣчено передвиженіе бизоновъ отъ юго-запада опять къ сѣверо-востоку.

Если гипотеза о происхожденіи зубровъ и бизоновъ отъ *Bos priscus* подтвердится, то исторія *Bos priscus* послужитъ превосходнымъ доказательствомъ вѣрности теоріи Дарвина о происхожденіи видовъ изъ разновидностей, ибо здѣсь мы видимъ, какъ нѣкогда жившій *Bos priscus*, вслѣдствіе измѣненія физическихъ условій, далъ двѣ разновидности, нынѣ обособившіеся въ два отдѣльные самостоятельные вида, различные по признакамъ, различные по мѣстопробыванію, различные по образу жизни. Для этихъ двухъ видовъ *Bison europaeus* и *Bos americanus* уже нѣтъ переходовъ, нѣтъ связи, которая существовала въ вымершемъ *Bos priscus*.

Переселеніе американскаго бизона къ сѣверу и сносливость зубра къ холоду, а также и прежнее болѣе сѣверное расселеніе *Bos griscus* могутъ служить также доказательствомъ возможности успешнаго переселенія нашего зубра въ лѣса болѣе сѣверные, чѣмъ нынѣшнее его мѣстопребываніе, объ чемъ мы говорили въ предыдущей главѣ.

Последній вопросъ. Участвовалъ ли зубръ въ образованіи домашнихъ породъ рогатаго скота? Доселѣ всѣ существующія изслѣдованія по этому предмету указываютъ на то, что зубръ вовсе не участвовалъ въ сказанномъ процессѣ. Мы знаемъ, что размѣры черепа дикаго животнаго при переходѣ его въ домашнее состояніе, даже размѣры черепа домашнего животнаго, рассы болѣе примитивной, въ помѣсяхъ съ другими породами составляютъ признакъ наиболѣе устойчивый, составляютъ признакъ, которымъ наиболѣе выгодно пользоваться при розыскахъ дикихъ родичей домашнихъ животныхъ. Всѣ породы домашнего рогатаго скота, какъ въ Старомъ, такъ и въ Новомъ Свѣтѣ, не представляютъ примѣра сколько-нибудь подходящаго по размѣрамъ черепа къ признакамъ рода *Bison*. У всѣхъ породъ рогатаго скота лобныя кости имѣютъ въ длину болѣе размѣры, чѣмъ въ ширину и у всѣхъ породъ рогатаго скота роговые стержни находятся на одной линіи съ макушечнымъ гребнемъ.

Относительно происхожденія домашнихъ породъ рогатаго скота изслѣдованія Рютимейера даютъ самыя полныя и точныя результаты. Въ его сочиненіи о фаунѣ свайныхъ построекъ швейцарскихъ озеръ находится богатый матеріалъ для рѣшенія этого вопроса. Подобныя упомянутому изслѣдованію, такъ сказать антикварскія работы вѣроятнo увеличатся въ послѣдствіи и приведутъ къ окончательному рѣшенію этого вопроса. Но уже теперь можно считать рѣшеннымъ, что ни *Bos griscus*, ни его потомки—зубръ и сѣверо-американскій бизонъ не дали сами домашнихъ породъ, даже не участвовали, какъ примѣсь въ ихъ образованіи.

Въ послѣднее время въ Сѣверной Америкѣ было сдѣлано нѣсколько попытокъ скрещиванія бизонровъ съ домашними коровами, однакоже результаты не оправдали ожиданій, ибо хотя получались ублюдки, но послѣдніе доселѣ оказывались неплодными.

ПРИБАВЛЕНІЕ.

Статья моя была почти совсѣмъ уже отпечатана какъ я получилъ новое свѣдѣніе, доказывающее существованіе зубра на Кавказѣ.

При переносѣ Музея Имп. Моск. Университета въ новое помѣщеніе мнѣ показали рога, цвѣтомъ, изгибами и размѣрами нѣсколько не отличающіеся отъ роговъ Бѣловѣжскаго зубра

По свидѣтельству препаратора Андреева, эти рога вмѣстѣ съ шкурою были присланы съ Кавказа. Дорогою шкура совсѣмъ испортилась. Тотъ-же препараторъ говорилъ мнѣ, что она цвѣтомъ шерсти и свойствомъ волоса ничѣмъ не отличалась отъ зубриной. Сколько онъ помнитъ по сннѣ ремня не было.

Замѣтка по поводу названія туръ.

Слово туръ подало мнѣ поводъ подумать вообще о нынѣ исчезнувшихъ или же мало употребляемыхъ въ языкѣ архаическихъ названіяхъ. Туръ, елень, сайгакъ, бабръ, песъ, конь, олень и пр. уже устарѣли и вышли изъ общаго употребленія на столько, что они потеряли всякое значеніе видоваго названія, а потому еслибы воспользоваться этими названіями, они бы оказались пригодными для обозначенія группъ болѣе крупныхъ нежели видъ.

Съ чисто научной стороны нечего думать объ измѣненіи классификаціонныхъ названій. Бинарная Линнеевская система вполне удовлетворяетъ всякому строгому требованію, но нельзя русскому не подумать объ переводѣ на русскій языкъ латинскихъ названій животныхъ. Въ этомъ отношеніи нельзя не вспомнить съ благодарностію имени покойнаго профессора Московскаго университета Алексѣя Ивановича Ловецкаго, который первый старался латинскіе термины и названія переводить словами, составленными чисто въ духѣ русскаго языка. Еще прежде Ловецкаго много сдѣлалъ на этомъ поприщѣ Двигубскій, но должно сознаться, что большинство имъ придуманныхъ названій неудачны, напр. глазная орбита названа у него глазица, а есть чисто русское народное названіе обочіе; mesenterium у него переводится брызжейка, отъ слова брызжи, тогда какъ мясники называютъ этотъ органъ превосходнымъ словомъ отока.

Покойный профессоръ Петръ Иларіоновичъ Страховъ показывалъ мнѣ въ частной бесѣдѣ полный списокъ названій костей, нѣкоторыхъ главныхъ мышцъ и главныхъ органовъ домашнихъ животныхъ на русскомъ языкѣ; эти названія были всѣ народныя, сколько мнѣ помнится, всѣ весьма изобразительны и въ большинствѣ случаевъ я ихъ слышалъ въ первый разъ. Не знаю, гдѣ теперь находится этотъ списокъ, но жаль если онъ утратится,

съ нимъ вмѣстѣ утратятся и названія, опредѣленные человѣкомъ ученымъ.

Здѣсь я не хочу предлагать новыхъ словъ для перевода латинскихъ или вообще чужеземныхъ терминовъ и названій, но хочу высказать нѣсколько замѣчаній относительно полнаго неудобства употреблять въ систематическихъ сочиненіяхъ и при преподаваніи голаго перевода латинскаго бинарнаго названія.

Двойное названіе терпимо въ русскимъ языкѣ только тогда, когда одно слово существительное, а второе прилагательное, и при томъ не иначе, чтобы послѣднее стояло впереди перваго; слѣдовательно на оборотъ чѣмъ въ латинскомъ языкѣ, приведемъ примѣры: медвѣдь бѣлый, м. бурый не по русски, но будетъ по русски, если скажемъ бѣлый медвѣдь, бурый м. Въ русскомъ народномъ языкѣ не услышимъ эпитета при существительномъ какого-либо часто встрѣчающагося типичнаго животнаго. Эпитеты, прибавленные къ названію такого животнаго, означаютъ животныхъ только близкихъ къ такому типу напр. *Vulpes vulgaris* переводится обыкновенно лисица обыкновенная, что вовсе не по русски. Если даже перевести обыкновенная лисица, то и тутъ является плеоназмъ, чуждый народному языку, ибо народъ говорить просто лисица, отличая отъ послѣдней эпитетами варіететы или близкіе къ ней виды напр. чернубурая лисица, степная л. и т. д.

Тамъ же, гдѣ латинское названіе состоитъ изъ двухъ существительныхъ, переводить двойнымъ названіемъ не только выходитъ не по русски, но становится смѣшнымъ; напр. возьмемъ родъ *Canis*:

<i>Canis</i>	Собака
<i>Canis familiaris</i>	собака домашняя.
<i>Canis lupus</i>	собака волкъ.
<i>Canis vulpes</i>	собака лисица.
<i>Canis lagopus</i>	собака песецъ.
и пр.	

или родъ Equus	лошадь.
Equus caballus	лошадь обыкновенная.
Equus asinus	лошадь осель.
Equus hemionus	лошадь джигетай.
Equus quagga	лошадь квагга.
и пр.	

Всматриваясь въ эти примѣры, легко сдѣлать переводъ чисто русскимъ, уничтожая у типичнаго животнаго эпитетъ, а у другихъ животныхъ родовое названіе, тогда выйдетъ вполнѣ по-русски напр.

Собака	Лошадь.
Волкъ	Осель.
Лисица	Джигетай.
Песецъ	Квагга

При такихъ названіяхъ, хотя чисто русскихъ, нарушается гармонія въ томъ, что родъ имѣетъ тождественное названіе съ видомъ, именно съ видомъ, который составляетъ типъ этого рода. Это неудобство легко избѣгается двумя способами: 1) родовыя названія всегда ставить во множественномъ числѣ, а видовыя въ единственномъ, такъ напр. Ursus переводить не медвѣдь, а медвѣди, тогда медвѣдь даже безъ эпитета выражалъ бы видъ именно буро-медвѣдя Ursus arctos 2) для родовыхъ названій брать названія архаическія, потерявшія значеніе родовое, такія названія дѣйствительно по праву становятся родовыми: напр. родъ Canis переводить не собаки, а псы, родъ Sus не свиньи а вепри, тогда между видовыми названіями и родовыми будетъ ясная разница. Приведу примѣры:

Fam. Caninae	Сем. Псовъ.
Genus Canis	псы.
Species C. familiaris	собака.
C. dingo	динго.
C. lupus	волкъ.
C. aureus	шакаль.

Genus Vulpes	лисы.
Species V. vulgaris	лисица.
V. lagopus	песецъ.
V. corsae	корсакъ
Fam. Solidungulata	однокопытники.
Genus. Equus	кони.
Species. E. caballus	лошадь.
E. asinus	осель.
E. hemionus	джигетай.
E. zebra	зебръ.

Родовыя названія не должны носить на себѣ отпечатка уменьшительныхъ или ласкательныхъ словъ, и потому выгоднѣе ихъ замѣнять другими. Въ словахъ кунница, бѣлка, слышится ясно уменьшительное, поэтому роды Mustela и Sciurus слѣдовало бы мнѣ кажется переводить не кунницы и бѣлки, а хори и векши. Тамъ, гдѣ народъ обозначаетъ животный видъ названіемъ, при-сущимъ самкѣ выгодно замѣнять названіемъ самца, что впрочемъ и дѣлается обыкновенно. Напр. родъ кошка Felis переводится удобнѣ коты. По этимъ правиламъ семейство кошекъ раздѣлилось бы на четыре рода:

родъ Гепарды	родъ Коты
виды Гепардъ	виды Манулъ
родъ Бабры	Кошка
виды Левъ	и пр.
Тигръ	родъ Рыси
Барсъ	виды Рысь
Ягуаръ	Хаусъ
Кугуаръ	и пр.
и пр.	

Понятно, что не вездѣ можно слѣдовать этому примѣру. Всѣ эти правила годны только для такихъ животныхъ, родъ которыхъ имѣетъ представитель въ Россіи. Названія животныхъ, которыхъ нѣтъ въ нашемъ отечествѣ, лучше не переводить а оставлять

иноземными какъ есть. Рѣдко удается подобный переводъ. Припомнимъ примѣръ Ловецкаго *Cheiromys Madascarensis* у него переводится руконогая бѣлка, лучше было бы оставить Мадагаскарское мѣстное названіе этого животнаго Ай-ай, у него-же панголинъ переведенъ словомъ ящеръ, названіе болѣзни не совѣмъ-то ловко приходится къ звѣрю. Правда есть случаи переводовъ названій иноземныхъ животныхъ болѣе нежели удачныхъ; укажемъ на лѣнивца (*Tardigradi*), долгопята (*Tarsius*), жаръ птица (*Lophopus resplendens*) и пр. Въ заключеніе приведемъ классификацію семейства Bovidae предлагаемой нами для примѣра.

Fam. Bovidae	Сем. Быковъ.
G. Ovibos	овцебыки.
Sp. Ov. moschatus	пахучій быкъ.
G. Bubalus	буйволы.
Sp. B. caffer	кафрскій буйволъ (или канскій буйволъ.)
B. bubalus	буйволъ.
B. brachiceros	короткорогій буйволъ.
G. Bison	бизоны.
Sp. B. europeus	зубръ.
B. americanus	американскій бизонъ.
G. Porphagus	сарыки,
Sp. P. gruniens	якъ.
G. Urus	туры.
Sp. U. taurus.	быкъ.
U. gavaeus	бантенгъ.
U. frontalis	гаяль.
U. gaurus	гауръ.

И не придаю никакой особенной важности вопросу о переводѣ классификационныхъ названій, но желалъ бы не встрѣчаться съ перусскимъ по духу на русскомъ языкѣ, и не желалъ бы видѣть ученика заучивающаго: воронъ воронъ, воронъ ворона, воронъ галка, воронъ грачъ.

